

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Сборник материалов
восьмой международной студенческой научно-практической
конференции по психологии

Брест, 15 мая 2013 года

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2013

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Рецензенты:

доцент кафедры общей и педагогической психологии
УО «БГПУ имени М.Танка», кандидат психологических наук, доцент
Е.Л. Малиновский

заведующий кафедрой психологии развития УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»,
кандидат психологических наук, доцент
И.Е. Валитова

Под общей редакцией
старшего преподавателя кафедры психологии развития
И.В. Шматковой

П 86 **Психология** сегодня: взгляд современного студента : сб. материалов восьмой международной студенческой науч.-практ. конф. по психологии, Брест, 15 мая 2013 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; под общ. ред. И.В. Шматковой. – Брест : БрГУ, 2013. – 221 с.

В сборнике представлены материалы, отражающие актуальные проблемы теории и практики социальной, возрастной, педагогической и практической психологии.

Материалы адресованы студентам, занятым научно-исследовательской работой, преподавателям вузов, а также педагогам и психологам учреждений образования.

Ответственность за языковое оформление и содержание материалов издания несут их авторы.

УДК 159.9
ББК 88

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», 2013

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Н.С. Ануфрикова (Научный руководитель Е.И. Медведская)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ САМООТНОШЕНИЯ И ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Большая роль в жизни человека принадлежит профессиональной деятельности, которая может иметь не только позитивный, но порой негативный и даже разрушительный характер по отношению к личности исполнителя. Одним из условий эффективного выполнения профессиональной деятельности, оказывающим значительное влияние на способность субъекта ориентироваться в реальности, осознавать ее, реагировать соответствующим образом и быть ответственным за профессиональное и жизненное самоосуществление, является профессиональное самоотношение.

Актуальность изучения профессионального самоотношения у сотрудников правоохранительных органов обусловлена тем, что от уровня их профессионализма и компетентности, профессиональной мотивации, готовности и способности стоять на страже закона в решающей степени зависят укрепление государственности, правопорядка и общественной безопасности. Низкий, негативный уровень профессионального самоотношения, несовпадение потребностей, целей и идеалов личности с требованиями деятельности может привести к возникновению симптомов профессиональной деформации: редукции личных достижений, утрате интереса к человеку – субъекту профессионального действия, а также частичному исключению эмоций из профессиональной деятельности, превышению своих должностных полномочий и чрезмерному использованию власти.

Эмпирическое исследование было направлено на проверку гипотезы о взаимосвязи уровня профессионального самоотношения сотрудника милиции со степенью выраженности у него симптомов профессиональной деформации, а именно: у сотрудника, профессиональное самоотношение которого находится на высоком уровне и определяется как «позитивное», симптомов профессиональной деформации либо не наблюдается, либо они выражены слабо.

В исследовании принимали участие 76 сотрудников правоохранительных органов УВД г. Бреста. Для проверки гипотезы применялись следующие методики: опросник профессионального самоотношения К.В. Карпинского, А.М. Колышко и методика МВИ К. Маслач, С. Джексон (адаптированная Н.Е. Водопьяновой).

Обработка данных опросника профессионального самоотношения показала, что у 56% опрошенных сотрудников наблюдается высокий уровень внутренней конфликтности в профессии, что говорит о переживании ими чувства бесполезности, ненужности, недоверию к себе как специалисту. У 33% опрошенных уровень внутренней конфликтности низкий и у 11% – средний: для них характерно единство профессиональных требований и индивидуальных возможностей, такой сотрудник ощущает свою востребованность и компетентность в решении профессиональных вопросов.

75% сотрудников получили высокие баллы по шкале профессиональное самоуважение. Такие сотрудники уверены в своей профессиональной компетентности, опытности, умелости. Они гордятся собой как специалистами, стараются занимать лидирующие позиции в коллективе. Но чрезмерное лидерство может привести к отстаиванию собственных, индивидуальных интересов, а не групповых, не к сотрудничеству, а к соперничеству.

Самоэффективность в профессии включает в себя самооценку личностного роста и саморуководство. Эти шкалы говорят об отношении сотрудника к себе как добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде. Опрошенные разделились по данным критериям на три практически равные группы: сотрудники с высоким уровнем самоэффективности в профессии – 23%, средним – 38%, низким – 39%. Возможно, такое резкое разделение связано с различным уровнем образования, стажа и профессиональной компетентности.

Посредством данной методики удалось также выявить общий показатель позитивности профессионального самоотношения. Только у 4% опрошенных наблюдается высокий уровень позитивности профессионального самоотношения, у 22% – средний уровень, у 68% – ниже среднего и у 10% – низкий. Полученные результаты говорят о том, что всего несколько сотрудников рассматривают себя как положительного субъекта профессиональной деятельности. Большая половина представителей правоохранительных органов не соотносит свои личные качества с профессиональными, им сложно представить дальнейшее личностное и профессиональное развитие. Большинство опрошенных легко сменили бы сферу деятельности на другую. Они даже рассматривают себя как не способных продуктивно выполнять свои обязанности.

45% опрошенных сотрудников сомневаются в своём профессионализме и компетентности профессиональных знаний, умений, навыков. Считают, что данная работа им не подходит, чувствуют эмоциональную усталость и истощённость, нежелание заниматься данной деятельностью. Также можно отметить наличие у таких сотрудников хронических заболе-

ваний. Всё это можно отнести к шкале негативного оценивания себя как профессионала – самоуничтожению.

При проведении методики диагностики эмоционального выгорания МВИ были получены следующие результаты, демонстрирующие выраженность симптомов профессиональной деформации.

Эмоциональное истощение: 25% сотрудников испытывают чувство перенапряжения и истощения эмоциональных и физических ресурсов, чувство усталости, не проходящее и после ночного сна. После периода отдыха (выходные, отпуск) данные проявления уменьшаются, однако при возвращении в прежнюю рабочую ситуацию возобновляются.

Деперсонализация: у 50% сотрудников возникает состояние, сопровождающееся изменением или потерей чувства собственного «Я»; появляется ощущение, что все действия, поступки, речь, движения совершаются как бы автоматически, помимо собственной воли, они воспринимаются как отчужденные, осуществляемые как бы не ими, а другим лицом. У них наблюдается неприятие своих поступков, снижение уровня ответственности.

Редукция личных достижений: у 30% сотрудников наблюдается упрощение профессиональной деятельности, попытки облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат.

Полученные данные говорят о том, что у половины опрошенных сотрудников наблюдается утрата интереса к профессиональным обязанностям и человеку – субъекту профессионального действия, а также частичное исключение эмоций из профессиональной деятельности, что оказывает отрицательное воздействие на выполнение должностных инструкций и может привести к психосоматическим расстройствам.

Корреляционный анализ (проведенный с помощью критерия Спирмена) выявил значимую взаимосвязь между профессиональным самоотношением и показателями профдеформации у сотрудников правоохранительных органов ($r=0,64$, $p\leq 0,01$): сотрудники, у которых уровень самоуничтожения в профессии находится на высоком уровне, уровень эмоционального выгорания также на высоком уровне. С помощью критерия Фишера было выявлено несколько достоверных различий: у сотрудников, срок службы которых не превышает 5-ти лет, наблюдается более высокий уровень общего показателя позитивности профессионального самоотношения ($\varphi=2,9$, $p\leq 0,01$), а также показатель самоуверенности в профессии ($\varphi=2,7$, $p\leq 0,01$), чем у сотрудников, прослуживших более 10-ти лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. Полученные в итоге проведения исследования результаты могут быть полезны в работе психолога для выявления особенностей профессионального самоотношения, показателей профессиональной

деформации сотрудников милиции, при подборе кадров, а так же для руководителей МВД.

А.С. Борисюк (Научный руководитель Т.В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПОДРОСТКАМИ СВОЕГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РОДИТЕЛЯМИ

Подростковый возраст представляет важную фазу в общем процессе становления человека как личности, когда в процессе построения нового характера, структуры и состава деятельности ребенка закладываются основы сознательного поведения, вырисовывается общая направленность в формировании нравственных представлений и социальных установок. Как известно, центральным новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости. Эта взрослость для него первоначально вырисовывается в отрицательном плане как требования свободы от зависимости и ограничений, свойственных положению ребенка. Отсюда – бурная переоценка ценностей и, прежде всего, перестройка отношений со взрослыми. Именно эта контрастность детства и зрелости, между которыми находится подросток, затрудняет ему усвоение взрослых ролей и порождает много внешних и внутренних конфликтов.

Проблема конфликтов подростков со взрослыми – одна из самых сложных и острых в развитии и воспитании подростков. В связи с этим мы решили выявить особенности саморегуляции подростками своего поведения в конфликтном взаимодействии со взрослыми. Мы разработали беседу, с помощью которой выявили особенности саморегуляции подростками своего поведения в конфликтном взаимодействии со взрослыми. С целью оценки степени выраженности эмоционального интеллекта подросткам была предложена для самостоятельного заполнения методика Н. Холла «Эмоциональный интеллект». Также был проведен опросник с целью определения уровня нравственной самооценки.

На первом этапе проведения исследования мы предложили испытуемым сюжетную картинку, на которой изображены подросток (соответственно полу респондента) и двое взрослых людей – мужчина и женщина. С помощью картинки мы актуализировали ситуацию конфликта подростка со взрослым. Испытуемым предлагалось ее внимательно рассмотреть и устно составить по ней историю событий. Ответы детей на предложенные вопросы позволяют описать представления подростков о разных сферах конфликтного взаимодействия.

Анализ ответов подростков позволил нам описать причины их конфликтов со взрослыми. Мы классифицировали высказывания детей, содержащиеся в ответах на вопросы, выделив ряд категорий. Большинство опрошенных подростков 12–13 лет основной причиной конфликтов со взрослыми называют школьные проблемы (30%), подростки 14–15 лет общение со сверстниками. Одной из распространенных причин ссор с родителями, называемых всеми респондентами, является досуг, а также асоциальное поведение. Некоторые из всех опрошенных причинами возникновения конфликта считают внешний вид и непосредственно сами отношения со взрослыми. При этом следует указать, что причинами конфликтов являются не сами события или действия подростков, а претензии, предъявляемые взрослыми к подросткам по различным поводам. Большинство респондентов могут четко назвать причины возникающих конфликтов между ними и взрослыми, причем все подростки указывают на взрослого как на инициатора конфликта. То есть подростки воспринимают конфликтную ситуацию не как существующую объективно и вызванную их поведением и действиями, а как вызванную претензиями взрослых в их адрес.

Далее мы проанализировали представления подростков об их поведении в конфликте со взрослыми. Классифицировав все суждения респондентов, мы выделили четыре способа урегулирования конфликтной ситуации: прекращение взаимодействия со взрослым; формальное урегулирование взаимоотношений; эмоциональное давление на взрослого; реальное урегулирование конфликтной ситуации. К первому способу мы отнесли следующие ответы: «Уйду в другую комнату», «Не разговариваю с ними» и пр. Эти варианты поведения указывают на то, что подростки стремятся прекратить само конфликтное взаимодействие, а не разрешить конфликт. Они демонстрируют безразличие к происходящему, нежелание продолжать общение со взрослыми, обсуждать с ними заявленную взрослыми проблему. Многие подростки всячески стремятся прекратить конфликт, прибегая даже к деструктивным способам, например, к вербальной агрессии.

Ко второму способу мы отнесли следующие описания поведения: «Просто извинюсь», «Просто извинюсь, пусть молчат» и пр. Такое поведение указывает на то, что дети пытаются урегулировать конфликт социально приемлемыми способами. Но поскольку они не стремятся разрешить сам конфликт, а лишь прекратить конфликтную ситуацию, этот способ урегулирования является формальным. К третьему способу «Эмоциональное давление на взрослого» мы отнесли указания на следующие варианты поведения: «Плачу», «Давлю слезу», «Рыдаю» и т. п. Такое поведение указывает на то, что подростки пытаются прекратить конфликт путём демонстрации своего эмоционального состояния. К четвертому способу «Реаль-

ное урегулирование конфликта» мы отнесли высказывание подростка, указывающее на процесс реального разрешения проблемной ситуации, вызвавшей конфликт: «Вместе обдумаем, как поступить». Следует отметить, что такой способ урегулирования конфликта со взрослыми в нашем исследовании продемонстрировал только один респондент.

Наши данные показывают, что наиболее распространенными способами урегулирования конфликта со взрослыми подростками 12–13 лет является эмоциональное давление и формальное урегулирование. Подростки 14–15 лет чаще используют формальное урегулирование и прекращение взаимодействия. И лишь в единичных случаях испытуемые готовы к реальному разрешению конфликтной ситуации. Мы можем утверждать, что подростки не готовы одновременно преодолевать конфликтную ситуацию и разрешать сам конфликт, решая проблему, находящуюся в его основе. Такое частичное разрешение не искореняет причины конфликта. Оно, как правило, выражает только внешнее изменение конфликтного поведения подростков при сохранении внутреннего побуждения к продолжению противоборства. Мы склонны предполагать, что современные подростки в общении со взрослыми не стремятся ориентироваться на декларируемые взрослыми требования, так как расценивают это как вторжение в их личное пространство и нарушение их прав на самостоятельность. Поэтому в их конфликтном взаимодействии со взрослыми преобладает поведение, которое носит защитный характер.

Анализ характера эмоциональных переживаний подростков в конфликтном взаимодействии со взрослыми позволяет сделать вывод о том, что основными эмоциями в конфликте, которые называют подростки, являются стыд, обида, злость и раздражение. Важно отметить тот факт, что 13% опрошенных подростков 12–13 лет не смогли вообще назвать, обозначить словом свои эмоции.

Далее мы проанализировали высказывания подростков относительно управления ими своими эмоциями. Эти высказывания содержались в способах завершения подростками сконструированного нами неоконченного предложения «Когда у меня с моими родителями происходит конфликт, то в их поведении меня больше всего злит...». Ответы подростков свидетельствуют о фрустрации у них потребности в признании или принятии («что они не дают высказаться», «они меня не понимают», «Мы вообще не ругаемся» и пр.).

Отвечая на вопросы, связанные с определением субъекта ответственности за разрешение конфликта со взрослыми, часть подростков высказали суждение о том, что за разрешение конфликтной ситуации ответственность в равной степени несёт как сам подросток, так и взрослый, другие – что ответственность несёт взрослый. Еще часть

отметили подростка как ответственного за разрешение конфликтной ситуации. И лишь немногие утверждают, что за разрешение конфликта ответственность никто из участников не несёт. Таким образом, полученные данные позволяют говорить о том, что подростки в редких случаях сотрудничают со взрослыми при разрешении конфликта. Большинство из них либо возлагают всю ответственность за урегулирование конфликта на взрослого, либо берут на себя. И незначительная часть подростков пускает конфликт на самотёк.

С помощью методики Н. Холла нам удалось выявить ряд особенностей эмоционального интеллекта подростков. Мы обнаружили, что существенных различий в степени выраженности различных составляющих эмоционального интеллекта между подростками 12–13 и 14–15 лет нет. В целом уровень эмоционального интеллекта подростков низкий, без существенной возрастной динамики. Большинство подростков имеют низкие показатели выраженности эмоционального интеллекта, то есть обладают низкой способностью управления своими эмоциями, не используют эмоциональные состояния для саморегуляции собственной мотивации поведения и деятельности, затрудняются распознать эмоциональные состояния других людей и учесть их в общении, обладают низкой чувствительностью к эмоциональным потребностям других людей.

Результаты методики «Нравственная самооценка» позволяют утверждать, что абсолютное большинство подростков обладают высоким и средним уровнем нравственной самооценки. То есть подростки считают себя высоконравственными, теми, кто понимает сущность нравственных норм. При этом они считают, что способны эти нормы реализовать в собственной жизни. Можно предположить, что подростки все еще затрудняются ориентироваться на нравственные нормы как средство саморегуляции своих взаимоотношений со взрослыми.

Полученные нами эмпирические данные позволяют нам описать типичную картину саморегуляции подростками своего поведения в конфликтном взаимодействии со взрослыми. Преимущественно высокий и средний уровни нравственной самооценки подростков свидетельствуют о том, что подростки искренне считают себя хорошими людьми, способными к нравственным поступкам. Но при этом подростки затрудняются управлять своими эмоциями, понимать других людей и быть чувствительными к их эмоциональным потребностям. Формирующееся чувство взрослости побуждает подростка к неприятию оценок взрослых независимо от степени их справедливости. Мы можем предполагать, что именно в связи с этим в конфликтных ситуациях подростки воспринимают попытки взрослого начать общение по поводу имеющейся проблемы как вторжение в их личное пространство, нарушение их прав на

самостоятельность. Обращение взрослого к подростку по поводу преодоления проблемной ситуации становится инцидентом, приводящим к конфликту, в котором поведение подростка носит преимущественно защитный характер. Многие подростки в ответ на требования и претензии взрослого стремятся формально урегулировать конфликт, часть подростков вообще устраняется от его разрешения и при этом все подростки склонны перекладывать ответственность за разрешение возникшего конфликта на взрослого. Нежелание и невозможность подростками осознать истинные проблемы, лежащие в основе конфликтной ситуации, приводит к тому, что они не могут урегулировать конфликт. Конфликтное поведение подростков носит защитный и деструктивный характер, так как они затрудняются распознать эмоциональные состояния других людей и учитывать их в общении, обладают низкой чувствительностью к эмоциональным потребностям других людей и при этом обладают высокой нравственной самооценкой, что приводит к актуализации защитных механизмов личности.

На основе анализа полученных данных мы можем говорить о наличии проблемы во взаимодействии подростков со взрослыми, в частности, с родителями. Мы можем предполагать, что подросток испытывает потребность поделиться своими переживаниями, рассказать о событиях своей жизни, но самостоятельно он не может инициировать столь близкое и «взрослое» общение с родителями, по отношению к которым у него протекают эмансипационные процессы, и такое общение подросток может воспринимать как признак собственной слабости и зависимости. Задача взрослого – быть рядом с подростком и запастись терпением, чтобы, невзирая на его поведение, вовремя оказать необходимую помощь и поддержку, а также демонстрировать нормативные модели урегулирования конфликтной ситуации. Знание основных тенденций развития подростка, его индивидуальных особенностей поможет взрослым найти правильные способы взаимодействия с ним.

Продолжением данного исследования может быть изучение и сопоставление стилей взаимодействия родителей с детьми и определение того, как тон взаимодействия, задаваемый взрослым, может сказываться на поведении подростка.

И.А. Шостик (Научный руководитель Е.И. Медведская)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЯ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Стремительное социально-экономическое развитие общества ведет к появлению неоднозначного отношения к товарам. На современном этапе развития повышается значимость внешней атрибутики жизни, появляются товары, наделяемые в сознании индивида сверхъестественными свойствами, сверхсмыслами – фетиши. Категорией людей, особо подверженных влиянию феномена товарного фетишизма, является молодежь, поскольку в данном возрасте наблюдается пик социализации, в том числе и потребительской. Обереги, талисманы, «счастливые» вещи как мелкие фетиши; компьютер, мобильный телефон, некоторые предметы гардероба (если они сверхценны) как крупные фетиши нередко выступают как неотъемлемое дополнение личности молодого человека. Общение с миром вещей становится столь же значимым, как и общение с миром людей. Актуальность темы исследования обуславливается навязыванием многообразия фетишей рекламой и другими маркетинговыми технологиями, заботящимися о прибыли, а не о психологическом здоровье своих потребителей.

Эмпирическое исследование проводилось на базе БрГУ имени А.С. Пушкина. Общий объем выборки составил 80 человек (студенты 2–5 курсов различных факультетов в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет). Для получения данных были использованы две методики: методика изучения направленности личности Смекала-Кучера и авторская анкета «Самая важная вещь», направленная на изучение мнений респондентов о товарах, значимых для современного человека вообще и лично для себя самого.

Анализ результатов диагностики показал, что у каждого респондента присутствуют различные типы направленности личности, но при этом один из них является ведущим. Среди 59% исследованных молодых людей в качестве основной отмечается направленность на себя: актуальными для них выступают мотивы собственного благополучия, стремления к личному первенству, престижу; работа рассматривается как возможность удовлетворения своих притязаний. У 26% студентов доминирующим типом направленности является направленность на задачу: в структуре их личности преобладают мотивы, порождаемые самой деятельностью, присутствует стремление к сотрудничеству с коллективом для достижения поставленной цели. У 15% студентов выявлена преобладающая направленность на взаи-

модействие: поступки определяются потребностью в общении, стремлением поддерживать хорошие отношения с товарищами. Частотный анализ данных анкеты позволил товары, которые с точки зрения опрошенных особенно важны в жизни каждого современного человека, разделить на следующие группы:

- электроника – 48%;
- деньги – 13%;
- автомобиль – 11%;
- недвижимость (жилье и земельные участки) – 7,5%;
- предметы индивидуального пользования (одежда, предметы гигиены, косметика и пр.) – 7,5%;
- товары и предметы, используемые в повседневной жизни (продукты питания, сумка, паспорт, ежедневник и др.) – 5,6%;
- предметы быта (техника, мебель и пр.) – 4%;
- книги – 3%;
- медикаменты – 0,4%.

Как следует из ответов молодых людей, век информационных технологий диктует необходимость в приобретении электроники: мобильные телефоны, смартфоны, ноутбуки, планшеты и т.п. Эти товары были наиболее популярны у студентов вне зависимости от типа направленности их личности. Приобретение подобных товаров невозможно осуществить без наличия сбережений, что делает деньги следующим по значимости предметом. Примечательно, как молодые люди оценивают важность недвижимости для современного человека: она рассматривается ими не столько как способ сбережения денег или средство их получения (аренда помещений, выращивание сельскохозяйственной продукции и т.п.), сколько как необходимость в жилье, потребность в домашнем уюте («создавать семью»). Спрос на предметы индивидуального пользования, такие как предметы личной гигиены, одежду и т.п., вполне очевиден. Повышение уровня жизни ведет к важности предметов быта, которые призваны сделать жизнь человека более комфортабельной. Книги, к сожалению, теряют актуальность, поскольку их значимость как источника духовного развития отмечена респондентами только на уровне случайности.

Изучение ответов студентов на вопросы, описывающие наиболее важные лично для них предметы, позволило выделить следующие категории:

- электроника (43%);
- украшения (15%);
- предметы индивидуального пользования (14%);
- предметы, связанные с увлечениями (8%);
- предметы, используемые в повседневной жизни (7%);

- недвижимость (6%);
- бытовая техника и мебель (5%);
- предметы религиозного культа (4%);
- деньги (3%);
- автомобиль (2%);
- игрушки (2%) и прочие вещи.

Относительно выбора субъективно наиболее значимых вещей от молодых людей были получены следующие пояснения. Выбор товаров из категории «электроника» студенты объясняют их коммуникативной функцией (54%), а также такими свойствами, как многофункциональность (15%), необходимость в повседневной жизни (10%), учебе и работе (9%), возможность хранения информации (6%), удобство в использовании (6%). Для 20% испытуемых вещь представляется значимой в связи с тем, что напоминает о каких-то событиях и людях. Эту категорию составили в основном подарки (85%). 15% испытуемых считают важными для себя те товары и предметы, которые придают им чувство уверенности в себе и комфорт, приносят положительные эмоции. Вещь также рассматривается как средство времяпрепровождения, связывается с любимыми занятиями и хобби 9% респондентов. 3% испытуемых считают, что лично значимая вещь оберегает, приносит спокойствие. Данную категорию составили предметы религиозного культа: иконы, нательные крестики, кольца. Обращает на себя внимание незначимость денег лично для себя по сравнению с деньгами в жизни современного человека. Скорее всего, подобная незначимость условна, так как молодые люди в силу социальной ситуации развития еще продолжают сохранять материальную зависимость от своих родителей.

Межгрупповой анализ данных анкеты молодых людей с разными типами направленности личности не обнаружил между ними достоверных различий (оценка проводилась посредством критерия углового преобразования Фишера). Зафиксированное отсутствие различий в выборах респондентов может быть связано как и с тем, что в каждом человеке сочетаются все три вида направленности, так и с тем, что все опрошенные, выйдя из одной социальной среды, руководствуются схожими мотивами при выборе товаров: необходимость в повседневной жизни, многофункциональность, удобство в использовании и прочее. Схожесть взглядов студентов на роль товаров и предметов в жизни человека может быть объяснена причинами и психологического и экономического характера.

Таким образом, среди исследованных студентов университета явление товарного фетишизма не носит патологического характера. Товары, отмеченные молодыми людьми как важные, не выступают для них предметами безусловного признания и поклонения. Они лишь призваны сделать жизнь более удобной, выполняя определенные функции.

Е.М. Яскович (Научный руководитель И.Е. Валитова)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ, ИМЕЮЩИХ И НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Актуальность проблемы исследования заключается в том, что молодые семьи аккумулируют в себе ряд достаточно сложных проблем, являющихся следствием всесторонних перемен последних десятилетий, что приводит к увеличению уровня конфликтности и разводов между супругами. К молодой семье относятся семьи со стажем семейной жизни до пяти лет. Этот период является крайне важным для становления как семьи в целом, так и отношений между супругами. Специалисты, изучающие молодую семью, убеждены в том, что основные трудности семья проходит именно на стадии адаптации и распределения ролей в семье. Особый период в жизни молодой семьи наступает после рождения ребенка-первенца. Появление ребенка можно назвать событием, которое приводит к серьезным изменениям в жизни семьи, так как факт рождения ребенка обозначает переход диадических отношений в семье в триадные: формируется треугольник отношений, включающий в себя родителей и ребенка. В специальных исследованиях доказано, что конфликты возникают во всех молодых семьях, так как в молодой семье существуют социально-психологические проблемы, которые являются причинами конфликтов. Молодые семьи, в силу неподготовленности к совместной жизни, оказываются не в состоянии решить накопившиеся проблемы самостоятельно, именно поэтому они нуждаются в социально-психологической помощи со стороны специалистов.

Цель исследования: выявить социально-психологические проблемы супружеских отношений в молодых семьях, имеющих и не имеющих детей. Задачи исследования: 1) описать социально-психологические особенности молодой семьи; 2) выявить общую рассогласованность представлений о семейных ценностях у супругов в семьях двух типов; 3) выявить рассогласованность в ролевых ожиданиях супружеских пар с детьми и без детей; 4) описать особенности структуры конфликта между супругами в молодых семьях.

Методы исследования:

1. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова). Цель методики: 1) выявить представления супругов о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности. Эти показатели, отражая основ-

ные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей (ШСЦ); 2) выявить представления супругов о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций, объединенных шкалой ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП).

2. Проективная рисуночная методика «Структура супружеского конфликта» разработана нами. Она направлена на выявление содержания, причин возникновения и способов разрешения конфликтных ситуаций между супругами. Данная методика позволяет выявить представления испытуемых о конфликтных отношениях между супругами, так как они проецируют на рисунок собственное видение конфликтной ситуации. Испытуемым предъявляются восемь картинок, на которых изображены конфликтные ситуации между супругами в разных сферах семейной жизни, и предлагается составить историю событий по предложенному плану: что происходит, что было до этого, кто инициатор конфликта и чем все заканчивается.

Результаты эмпирического исследования позволили выявить общую рассогласованность представлений о семейных ценностях у супругов в молодых семьях, имеющих и не имеющих детей, рассогласованность в ролевых ожиданиях супружеских пар с детьми и без детей; описать особенности структуры конфликта между супругами в молодых семьях.

Анализируя степень согласованности в ролевых ожиданиях мужа и жены, мы акцентировали внимание на таких ожиданиях супругов, которые характеризуются наибольшим или наименьшим совпадением. В молодых семьях, не имеющих детей, выделились такие шкалы семейных ценностей, как личностная идентификация супругов, хозяйственно-бытовая и интимно-сексуальная шкалы семейных ценностей. В молодых семьях, имеющих детей, важнейшими являются родительско-воспитательная, затем хозяйственно-бытовая и интимно-сексуальная шкалы.

В семьях, где нет детей, супруги больше внимания обращают друг на друга, заняты только собой. Для них важна интимная и психологическая близость, осознание того, что рядом с ними находится человек, с которым можно разделить общие интересы, ценности, общее времяпрепровождение. Они следят за своим внешним видом и хотят видеть рядом собой человека, который модно одевается. Однако супруги все же сталкиваются с конфликтными ситуациями. Основными социально-психологическими проблемами являются проблемы, связанные с распределением супружеских ролей и обязанностей; проблемы, связанные с различиями во взглядах на семейную жизнь; сексуальные проблемы и проблемы власти и влияния в супружеских взаимоотношениях.

С появлением ребенка личные интересы супругов откладываются на второй план: в семье есть только малыш, которому нужно уделять внимание. Женщины видят в своих мужьях отцов, плохо справляющихся со

своими обязанностями, уделяющих ребенку мало времени, плохих помощников в бытовых делах. Мужчины не удовлетворены интимной жизнью, тем, что его жена перестает следить за своим внешним видом.

Результаты эмпирического исследования позволяют утверждать, что в молодых семьях, не имеющих детей, рассогласованность в первую очередь возникает по шкале личностной идентификации супругов. Это означает, что один из супругов ожидает от второго общности интересов, потребностей, ценностных ориентации, общего времяпрепровождения. В свою очередь, у молодых супругов, имеющих детей, рассогласованность возникает по родительско-воспитательной шкале семейных ценностей. Это означает, что один из супругов ожидает от второго активного участия в воспитании детей.

Основными социально-психологическими проблемами на данном этапе являются проблема выбора собственного стиля поведения по отношению к ребенку; проблема единого стиля воспитания; проблема распределения обязанностей между супругами по отношению к ребенку; проблема резкого уменьшения свободного времени и, в особенности, проводимого совместно; проблема ухудшения материального положения семьи.

Было установлено, что явно выраженных конфликтов больше в молодых семьях, имеющих детей. Предвестниками конфликта в молодых семьях чаще всего выступает ссора, независимо от того, есть у супругов дети или нет. В молодых семьях, не имеющих детей, предвестником конфликта также выступают бытовые проблемы, ревность и разногласия. В молодых семьях, имеющих детей, предвестниками конфликта, помимо ссоры, выступают споры о воспитании детей и бытовые проблемы.

Причинами конфликта молодые супруги, не имеющие детей, видят отказ от выполнения домашних обязанностей, претензии одного из супругов и расхождение интересов. Молодые супруги, у которых есть дети, основными причинами конфликта считают разговоры о воспитании ребенка, недостаток внимания к ребенку, отказ от выполнения домашних обязанностей и недостаток внимания супруга.

Супруги из семей, у которых нет детей, одинаково обвиняют в конфликте друг друга. В первую очередь, семьи, в которых есть дети, считают, что инициатором конфликта между супругами могут стать дети, а некоторые считают, что инициатором могут стать друзья. В конфликтных ситуациях молодые супруги, у которых нет детей, стараются идти на примирение со своей второй половиной. Семьи, у которых есть дети, чаще всего разрешают конфликт спором, скандалом, дальнейшим выяснением отношений.

В молодых семьях, имеющих и не имеющих детей, используются и разные способы разрешения конфликтов: в семьях без детей чаще исполь-

зуются конструктивные способы (компромисс, уход), а в семьях без детей – чаще деструктивные (конфронтация).

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что в молодых семьях, имеющих и не имеющих детей, возникают разные проблемы в супружеских отношениях. Появление в семье ребенка способствует повышению общей конфликтности супружеских отношений, рассогласованности ролевых ожиданий и притязаний в браке, возникновению социально-психологических проблем в новых сферах жизни семьи. Наши данные свидетельствуют о необходимости социально-психологической подготовки к семейной жизни не только молодых людей, вступающих в брак, но и супругов, ожидающих появления ребенка.

СЕКЦИЯ № 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И.Н. Иванов, С.В. Константинов (Научный руководитель А.О. Орлов)
Псков, ПсковГУ, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ У ДЕТЕЙ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА ЖИЗНИ

Внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя, принято обозначать термином репрезентация. Наряду с сенсомоторной схемой и знаком, репрезентация может существовать и в форме образа – представления, которое на четвертом году жизни ребёнка становится одной из ведущих когнитивных структур.

Особый интерес представляет проблема формирования устойчивости репрезентации в этом возрасте. Если классическая психология решала её, ссылаясь на законы ассоциации (И.Ф. Гербарт), «сильные» представления вытесняют из области отчетливого сознания уже имеющиеся там, но более «слабые» представления, то сегодня доминирует идея становления внутренних структур, их динамики. Так, Ж. Пиаже, выделяя среди ментальных образов воспроизводящие и предвосхищающие, приводит данные о преобладании первых в младшем дошкольном возрасте и связывает это со статичностью образов.

Исследования, проведённые в рамках theories of mind («теории ума»), одного из направлений современной когнитивной психологии, доказывают, что дети младше четырех лет не могут осознать отличие собственных

образов от представлений других людей. В работах других авторов была обнаружена следующая закономерность: на четвертом году жизни ментальные образы приобретают большую устойчивость. По мнению Ж. Пиаже, основными факторами, влияющими на появление этого свойства, являются имитация, рисунок и речь. Так, преимущества вербальных действий в сравнении с сенсомоторными заключаются в их большей скорости, независимости от настоящего момента, обобщенности и одновременности, в отличие от конкретности и последовательности сенсомоторных действий. Рисунок же является формой семиотической функции, находясь между символической игрой и ментальным образом, с которым он разделяет попытку имитировать реальность.

Целью нашей работы стала попытка проверить гипотезы о влиянии изобразительной деятельности и речи на уровень устойчивости репрезентации у детей четвертого года жизни.

Для этого была сформирована выборка испытуемых с низким уровнем устойчивости репрезентации, который диагностировался с помощью экспериментальной ситуации, разработанной в исследованиях Е.А. Бирюкевич, А.О. Орлова, Е.В. Литвинчук. Испытуемого просили высказать предположение о содержимом предмета-емкости (коробочки), то есть актуализировать некоторое представление. Затем ребенку показывали предмет, находящийся в коробочке и задавали контрольный вопрос: «Когда коробочка была закрыта, ты говорил, что там лежит?». Соответствие предположения испытуемого и его ответа на контрольный вопрос позволяло судить об уровне устойчивости репрезентации. Из 32 детей, обследованных на этапе формирования выборки, у 11 был выявлен низкий уровень устойчивости репрезентации, что составляет 1/3 от общего числа испытуемых.

Для проверки гипотезы о влиянии речи на уровень устойчивости репрезентации было отобрано 4 ребенка. Экспериментальная ситуация, описанная выше, была модифицирована следующим образом: на стадии актуализации представления после того, как ребенок высказывал предположение о предмете, который может лежать в коробочке, организовывалась ситуация «диалога с взрослым». Экспериментатор задавал испытуемому вопросы трех видов: описательные («А он(а) какой(ая), этот(а) предмет?», «А какого он(а) цвета?», «А как ты думаешь, он(а) поместится в коробочке?»), функциональные («А что с ним(ней) можно делать?») и личностные («Ты хочешь, чтобы у тебя был(а) такой(я) же?»). Далее эксперимент проходил без изменений.

Результаты, полученные в ходе проверки гипотезы о влиянии речи на уровень устойчивости репрезентации, отражены в рисунке 1.

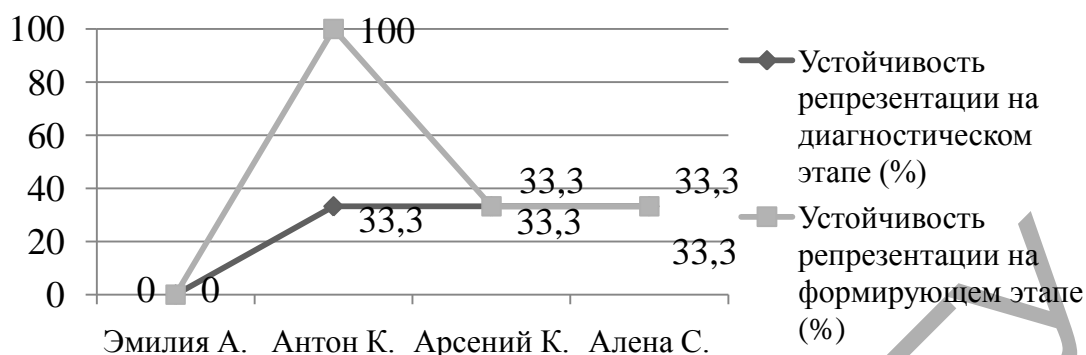

Рисунок 1 – Динамика устойчивости репрезентации в ситуации «диалога со взрослым»

Незначительные изменения, продемонстрированные одним из испытуемых, не позволяют подтвердить или опровергнуть экспериментальную гипотезу. Это может быть обусловлено небольшим размером выборки.

Для проверки гипотезы о влиянии изобразительной деятельности на уровень устойчивости репрезентации было отобрано 7 испытуемых. Модификация экспериментальной ситуации в данном случае осуществлялась следующим образом: после того, как испытуемый выдвигал предположение о том, что лежит в коробочке, ему предлагалось изобразить этот предмет на листе нелинованной бумаги формата А5 при помощи карандашей 6 основных цветов. Далее эксперимент проходил без изменений.

Результаты, полученные в ходе проверки гипотезы о влиянии изобразительной деятельности на уровень устойчивости репрезентации, отражены в рисунке 2.

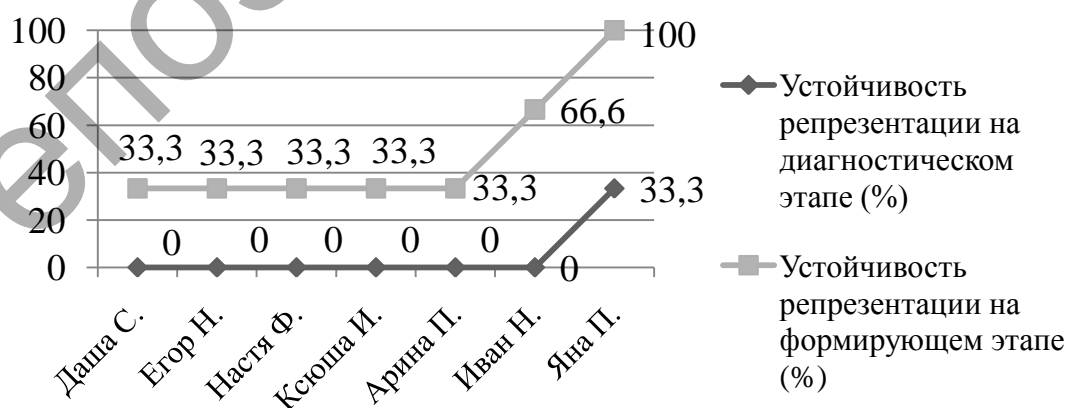

Рисунок 2 – Динамика устойчивости репрезентации в ситуации изобразительной деятельности

Было установлено, что у всех испытуемых проявлялась закономерность к повышению уровня устойчивости репрезентации на 33% и более.

Данные, полученные в ходе эксперимента, позволяют сделать вывод о том, что изобразительная деятельность может оказывать влияние на формирование более высокого уровня устойчивости репрезентации у детей младшего дошкольного возраста. Положительная связь между вербальными действиями и устойчивостью репрезентации младших дошкольников не получила устойчивого подтверждения.

Е.В. Карпук (Научный руководитель Г.Н. Казаручик)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Одна из важнейших задач начальной школы – нравственное воспитание детей. Нравственное воспитание направлено на целостное развитие личности ребенка и предполагает становление его отношения к Родине, обществу, людям, к труду, своим обязанностям и к самому себе. В процессе нравственного воспитания у младшего школьника должно сформироваться чувство патриотизма, товарищества, активное отношение к действительности, уважение к людям труда.

Исследуемая проблема нашла отражение в фундаментальных работах А.М. Архангельского, Н.М. Болдырева, И.Ф. Харламова и др. Ряд исследователей освещает в своих работах проблемы подготовки будущих учителей к нравственному воспитанию школьников (М.М. Гей, А.А. Горонидзе, А.А. Калужный, Т.Ф. Лысенко и др.)

Общеизвестно, что основы нравственности формируются в семье. Вследствие кризисных явлений в социально-экономической сфере все чаще приходится сталкиваться с семейным неблагополучием: нарушением структуры семьи и ее функций; ростом числа разводов и количества неполных семей; асоциальным образом жизни взрослых членов ряда семей; падением жизненного уровня; ухудшением условий содержания детей, нарастанием психоэмоциональных перегрузок у взрослого населения, непосредственно отражающихся на детях; распространением жестокого обращения с детьми.

Именно из неблагополучной семьи идут предпосылки отклоняющегося поведения детей. Психологи Д.Б. Колесов, Н.Л. Каменский, Т.Н. Титаренко, С.И. Яковенко утверждают, что наиболее ярко может быть выражено отклоняющееся поведение в подростковом периоде, но его

предпосылки могут проявиться в младшем школьном возрасте. Как отмечает С. В. Гигевич, неблагополучные семьи порождают неблагополучных детей с низкой самооценкой, что толкает их на преступление, оборачивается душевными болезнями, алкоголизмом, наркоманией. Окружающая социальная микросреда, психологический климат в семье, условия воспитания, взаимоотношения и личность самих родителей отражаются на ребенке. В своем исследовании мы поставили цель – изучить проблемы нравственного воспитания детей младшего школьного возраста из неблагополучных семей и определить способы их решения.

Для выявления проблем в нравственном воспитании младших школьников нами были использованы анкета «Диагностика нравственной воспитанности» и методика «Как поступать». В эмпирическом исследовании приняли участие 10 детей младшего школьного возраста из неблагополучных семей средних школ №№ 5, 9, 16, 17 и 18 г. Бреста (один ребенок – учащийся 1 класса, трое – учащиеся 2 классов, четверо – учащиеся 3 классов, двое – учащиеся 4 классов). Семьи, в которых воспитываются дети, составившие выборку, характеризуются следующими видами неблагополучия: алкогольные (фактор неблагополучия – пьянство одного или обоих родителей), криминогенные (фактор неблагополучия – судимость одного из родителей), педагогически несостоятельные (фактор неблагополучия – низкая воспитательная культура родителей), дезорганизованные (фактор неблагополучия – межсупружеские конфликты).

Методика «Как поступать» позволила нам установить, что у 70 % школьников нравственные ориентиры существуют, эмоциональные реакции и оценка поступков адекватные, но отношение к нравственным нормам еще недостаточно устойчивое (дети знают, что, исходя из нравственных норм, определенным образом поступать нельзя, но, в силу возраста, не совсем осознают, к чему могут привести неблагоприятные поступки).

Анкетирование позволило установить, что 40 % детей считают, что можно быть не сдержанным с некоторыми взрослыми. 10 % учащихся начальных классов не видят ничего страшного в том, чтобы наругать неприятному им человеку. 40 % младших школьников думают, что можно позволить себе выругаться на несправедливое замечание в их адрес. 30 % детей ответили, что «если кого-то в классе дразнят, то я его тоже дразню». Полученные данные говорят о том, что у некоторых детей нарушены отношения с окружающими, формируется искаженная система нравственных понятий и суждений. Причины подобного поведения, безусловно, могут быть разнообразными, но, на наш взгляд, главная кроется в условиях жизни ребенка в неблагополучной семье, где имеют место унижения, оскорбления, запугивание детей, отсутствие у супругов общих интересов, взаимопонимания и ценностей, наличие конфликтов. Серьезные межличност-

ные и внутрисемейные отношения приводят к деформации нравственного развития детей.

С утверждением анкеты «Я часто бываю добрым со сверстниками и взрослыми» полностью согласились только 40 % детей. 30 % учащихся ответили, что больше согласны, чем не согласны, и 30 % – немного не согласны. Это позволяет нам сделать вывод, что некоторые младшие школьники озлоблены, агрессивны, враждебны по отношению к окружающим.

Таким образом, эмпирическое исследование позволило установить, что дети младшего школьного возраста имеют некоторые проблемы и дефекты воспитания, которые, если не устранить, то могут привести к еще большим проблемам – педагогической запущенности и дезадаптации, девиантному поведению, с которыми и родителям, и педагогам будет тяжело справиться.

На основании результатов эмпирического исследования нами был разработан проект нравственного воспитания детей младшего школьного возраста из неблагополучных семей. Младшие школьники еще легко поддаются внушению, убеждению. Им важен пример тех взрослых, с которыми они тесно контактируют – родителей, педагогов. Но какой пример могут взять дети из семьи, в которой родители ведут аморальный образ жизни, не занимаются должным образом их воспитанием. Поэтому проект нацелен как на поддержку детей из неблагополучных семей, так и их родителей, а также педагогов, которые работают с младшими школьниками и семьей. Основу проекта составили совместные мероприятия, объединяющие детей, родителей и педагогов, а также беседы с младшими школьниками на этические темы, обсуждение положительных поступков детей и т. п.

Результаты исследования показали, что среди младших школьников из неблагополучных семей есть дети, у которых искажены нравственные представления, недостаточно развиты нравственные чувства, не сформированы навыки нравственного поведения. Одна из главных причин низкого уровня нравственной воспитанности детей младшего школьного возраста заключается в семейном неблагополучии. Следовательно, младшие школьники, растущие в неблагополучных семьях, нуждаются в психолого-педагогической поддержке, особенно в области нравственного воспитания. Разработанный нами проект нравственного воспитания младших школьников из неблагополучных семей направлен на помощь детям и их родителям в налаживании взаимоотношений, установлении эмоционального контакта. Реализация данного проекта будет содействовать налаживанию отношений со сверстниками, формированию умения эмоционально откликаться на ту или иную ситуацию, быть нравственным, добрым, отзывчивым.

М.Г. Климук (Научный руководитель Т.В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

РАЗВИТИЕ ЗАМЫСЛА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Дошкольное детство – очень важный период в жизни ребёнка. Особенностью данного возраста является преобладание наглядно-образного мышления: понимание ребёнком мира носит конкретный образный характер, его мышление всегда ситуативно и эмоционально окрашено. Таким особенностям мышления легче всего проявиться в художественном творчестве, которое является одной из главных форм самовыражения дошкольника. Художественное творчество относится к продуктивным видам деятельности и включает в себя рисование, лепку, аппликацию и конструирование. Во время занятий данными видами деятельности у дошкольника формируются такие навыки, как планирование будущего рисунка, самоконтроль за своими действиями в процессе рисования, а также происходит развитие целеполагания, становление замысла. Всё это имеет немаловажное значение для будущей трудовой деятельности, а также для подготовки ребёнка к школе.

Перед нашим исследованием стояла цель изучить развитие замысла в продуктивных видах деятельности в дошкольном возрасте. В исследовании принимали участие дошкольники в возрасте от 4 до 6 лет. Выборка состояла из 40 человек. Мы использовали следующую методику. Ребёнку давались лист белой бумаги и цветные карандаши и предлагалось порисовать. Ребёнок мог рисовать всё, что он захочет. Перед началом рисования экспериментатор спрашивал, что ребёнок хочет нарисовать. Ребёнок говорил, что он хочет нарисовать, и после этого начинал рисовать. Когда ребёнок заканчивал рисовать, экспериментатор просил его рассказать, что он нарисовал. Все ответы и действия ребёнка протоколировались.

В результате исследования было выявлено, что в рисунках большинства детей как старшего, так и среднего дошкольного возраста, присутствовал замысел, который был полностью реализован в рисунке. Только 3 человека из исследуемой выборки не смогли реализовать первоначальный замысел. В целом рисунки детей можно разделить на две группы: рисунки, полностью соответствующие замыслу и рисунки с дополнениями к замыслу.

Рисунки, полностью соответствующие замыслу, характеризовались тем, что на них было изображено только то, что ребёнок сказал вначале, и ничего кроме этого ребенок в рисунок не добавлял. В большинстве своём это были предметные рисунки. На них изображался только один какой-то предмет, иногда два предмета или сразу много каких-то однотипных предметов.

Дети среднего дошкольного возраста (от 4-х до 5-ти лет) чаще всего рисовали домик, встречались также машинки. Один ребёнок нарисовал «подарок» – перевязанную коробку с бантиком, другой нарисовал робота и машину. Рисунки этой группы, принадлежавшие детям более старшего возраста, отличались тем, что на них были изображены не просто отдельные предметы, но также наблюдалась некоторая взаимосвязь между этими предметами: две русалки и царство, в котором они живут, шишка на ветке и т.д.

Рисунки с дополнениями к замыслу характеризовались тем, что ребёнок на них, кроме основного замысла, дорисовывал также некоторые детали к изображённому предмету, хотя в первоначальном замысле у него этих деталей не было. Чаще всего эти дополнения были одинаковы: почти все дети добавляли к главному предмету, изображённому на рисунке, солнце, облака и траву, иногда рисовали цветы, радугу. Другие дополнения носили более оригинальный характер. Так, одна девочка сказала, что нарисует замок, однако в дальнейшем этот замок превратился в подводный мир с русалкой; а другая сказала, что нарисует принцессу, но помимо самой принцессы нарисовала также и палатку, в которой она живёт, и огонь, который она развела. Были среди рисунков данной группы и такие, в которых дети называли просто тему, говорили, про что они хотят нарисовать свой рисунок, и развивали эту тему в дальнейшем. Если сравнивать рисунки детей разных возрастов, относящиеся к данной группе, то следует отметить, что дополнения в рисунках детей старшего дошкольного возраста носили более оригинальный характер и были более разнообразны, чем дополнения к замыслу в рисунках детей среднего дошкольного возраста.

Таким образом, в результате данного исследования было выявлено, что особенности замысла в среднем и старшем дошкольном возрасте имеют некоторые отличия. Эти отличия состояли в следующем:

1. Содержание рисунков детей среднего дошкольного возраста носит преимущественно предметный характер, тогда как в рисунках детей более старшего возраста чаще наблюдается какой-либо сюжет, взаимосвязь между предметами.

2. Дети старшего дошкольного возраста имеют тенденцию отходить от первоначального замысла по линии его дополнения и детализации.

Вместе с тем больших различий в самом наличии замысла не было: у детей как старшего, так и среднего дошкольного возраста замысел был устойчив и сохранялся от начала рисования до его конца, за исключением некоторых отдельных случаев.

И.В. Мамонова (Научный руководитель Н.Ю. Шлат)
Псков, ПсковГУ, Россия

ПСИХОЛОГО–ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА КОМИЧЕСКОГО У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Интерес к феномену комического возник в далёком прошлом. Так, Аристотель называл комическое «пищей для ума», И.О. Гегель связывал возникновение смеха с интеллектуальным процессом обнаружения комического противоречия; о значении комического в развитии мышления писали известные педагоги и психологи (Я.А. Коменский, С.Л. Рубинштейн и др.), эстетики (Ю.Б. Борев, А.П. Московский и др.), социологи (Н. Абрамов, А.Н. Лук и др.).

Под «комическим» подразумеваются как естественные события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определённый вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызывать эффект комического. Чувство комического является не только многоаспектным, но и многофункциональным образованием. Иерархизированная система его формирования, теоретически смоделированная программа nivelирования отрицательных эмоциональных состояний может служить целям эффективного творческого и эмоционально-нравственного развития детей дошкольного возраста, выполнять диагностическую, нравственную, терапевтическую и другие функции. Старшие дошкольники обнаруживают чувство комического в гораздо более сложных ситуациях, чем дети более младшего возраста, отмечая несоответствие в поведении людей, недостатки в их знаниях и умениях.

Психолого-педагогические условия – это целенаправленно созданная обстановка (среда), в которой в тесном взаимодействии представлена совокупность психологических и педагогических факторов (отношений, средств и т.д.), позволяющих педагогу (психологу) эффективно осуществлять образовательный (коррекционно-развивающий) процесс. Анализ психолого-педагогической, научной и методической литературы позволил выделить и экспериментально обосновать следующие условия развития у детей старшего дошкольного возраста чувства комического (на содержании художественной деятельности детей):

- 1) создание развивающей среды, способствующей развитию чувства комического в процессе ознакомления дошкольников с юмористическими произведениями изобразительного искусства и стимулирующей самостоятельную художественную деятельность детей. Отбирая для образо-

вательного процесса в детском саду юмористические произведения, целесообразно использовать книжные иллюстрации юмористического характера, комическую игру;

2) сочетание программного содержания и требований с проявлением инициативы конструирования комического ребенком;

3) использование в ходе детской изобретательности нетрадиционных материалов, техник; выполнение заданий по собственному юмористическому замыслу с последующей аргументацией результата (активнее использовать анализ и самоанализ детских работ, учить детей анализировать рисунки сверстников);

4) учет уровня развития детей, индивидуальных особенностей дошкольников.

В эксперименте приняли участие 20 дошкольников подготовительной группы. На констатирующем этапе эксперимента мы диагностировали восприятие детьми комического, их отношение к юмору в ходе беседы и рассматривания иллюстраций. С каждым ребёнком была проведена беседа по следующим вопросам: 1. Что тебе кажется смешным? (Когда тебе бывает весело?). 2. Что смешного видел ты сегодня (дома, на прогулке, в детском саду)? 3. Какие ты знаешь смешные истории, стихотворения, сказки? 4. Кто самый смешной в названной тобой сказке (истории и т.д.)? 5. Кто самый веселый у тебя дома? 6. По-твоему, что такое юмор?

Согласно предложенным О.М. Поповой уровням постижения смысла комических ситуаций, в ходе рассматривания иллюстраций детьми старшего дошкольного возраста, большинство дошкольников (15 детей, 75%) показали первый и второй уровни. Так, первый уровень – это индифферентное рассматривание комических сюжетов. Дети называли серию картинок смешной, но не могли объяснить, почему они ее такой считают; составление комических ситуаций из нескольких картинок вызывало у дошкольников затруднение. Второй уровень – дети с чувством удивления и испуга рассматривали смешные неточности в одежде, анализировали необычное местоположение предметов и вещей, акцентировали внимание на несообразностях в их цвете, величине и форме. Пятеро детей (25%) имеют третий уровень постижения смысла комических ситуаций: они с радостной улыбкой, смехом комментировали неожиданные последствия поступка комического персонажа. На дополнительные вопросы о содержании всей серии картинок дети отвечали правильно. Подбор картинок для создания комической ситуации у детей продолжал вызывать затруднение. Не продемонстрированные детьми, участвующими в эксперименте, четвертый и пятый уровни характеризуются описанием происходящих с персонажами событий, сопоставлением частей комического противоречия и морально-

этической оценкой поступков комических персонажей, при этом комические детали не упоминаются.

Рассматривание иллюстраций сопровождалось вопросами педагога к детям, беседой, самостоятельными высказываниями детей, рассказом воспитателя, чтением стихов и отрывков из юмористических произведений.

С учетом ответов детей на вопросы беседы и по результатам уровневых характеристик рассматривания иллюстраций дошкольниками на констатирующем этапе мы пришли к выводу, что 17 детей (85%) составят экспериментальную группу, с которой будет проведена работа, направленная на формирование чувства комического, уточнения представлений детей о том, что является действительно смешным, как самому адекватно воспринимать юмор и создавать смешное для других.

На формирующем этапе эксперимента для развития чувства комического детям предлагались игры и слушание рассказов: «Дом, который построил Джек» С. Маршака, «Путаница» К. Чуковского, «Денискины рассказы» В. Драгунского, циклы рассказов «Хитрые и умные» М.М. Зощенко, «Смешные истории» и т.д. Дети подбирали синонимы к словам, обозначающим эмоциональное состояние человека, что способствовало уточнению понимания значений слов. Параллельно дошкольников знакомили с невербальными средствами выражения эмоций. Детям предлагалось разыгрывать сюжеты, сценки, где особенности ситуации необходимо было подчеркнуть мимикой; проводились игры «Весёлое лето», «Самое весёлое», в ходе которых дети получали возможность поупражняться в подборе синонимов (весёлый – радостный, улыбка – радость и т.п.). Изодейтельность детей предполагала изображение смешного события или сказочного героя с последующей организацией выставки детских работ.

Для определения эффективности проделанной работы был проведен контрольный эксперимент. Результаты развития чувства комического у детей старшего дошкольного возраста получили следующую качественную характеристику: дошкольники стали более общительными и эмоционально отзывчивыми. Проведенная работа по развитию чувства комического привела не только к расширению словаря детей, но и к сокращению количества агрессивных поведенческих проявлений, пониманию эмоциональных состояний других детей, умению выражать свое чувство комического.

Е.К. Олиферчик (Научный руководитель Н.Н. Чайчиц)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Учебная деятельность – ведущая деятельность в младшем школьном возрасте. Как и труд, учебная деятельность характеризуется целями, задачами, мотивами. Учебная мотивация – это частный вид мотивации, включенной в деятельность учения. Учебная мотивация определяется целым рядом специфических для этой деятельности факторов: самой образовательной системой, субъектными особенностями обучающегося, субъектными особенностями педагога, спецификой учебного предмета.

Мотивы оказывают влияние на характер учебной деятельности, отношение ребенка к учению. Как правило, учебная деятельность ребенка побуждается не одним мотивом, а целой системой разнообразных мотивов, которые переплетаются, дополняют друг друга, находятся в определенном соотношении между собой. Все мотивы могут быть разделены на две большие группы: одни из них порождаются самой учебной деятельностью, непосредственно связаны с содержанием и процессом учения, способами усвоения знаний; другие мотивы лежат как бы за пределами учебного процесса и связаны лишь с результатами учения. Такие мотивы могут быть как широкими социальными, так и узколичными (мотивы благополучия и мотивы престижа).

Какое же место занимают эти группы мотивов в мотивации учения младших школьников и как происходит формирование учебной мотивации именно в этот период? Ответ на этот вопрос и является целью нашего исследования.

В исследовании приняли участие 60 учащихся 1–4-го классов начальной школы. Для достижения цели была использована методика школьной мотивации М.Р. Гинзбурга, которая позволяет выявить наиболее характерные учебные мотивы у детей младшего школьного возраста и уровень учебной мотивации.

Анализ результатов методики школьной мотивации М.Р. Гинзбурга показал, что у первоклассников не наблюдается очень высокого уровня учебной мотивации, который включает учебные и социальные мотивы. У 30% учащихся выявлен высокий уровень учебной мотивации, для которого характерно преобладание социальных мотивов (стремление получать знания, понимание необходимости учиться), возможно присутствие учебного и позиционного мотивов. Для 20% учащихся характерен нормальный уровень учебной мотивации, преобладание позиционных

мотивов (мотив самоутверждения, желание занять место лидера, доминировать в коллективе), возможно присутствие социального и оценочного мотивов. У 40% респондентов наблюдается сниженный уровень мотивации, преобладание оценочных мотивов (получить высокую оценку, отсутствие стремления к самообразованию), возможно присутствие позиционного и игрового (внешнего) мотивов. У остальных учащихся, а это 13%, присутствует низкий уровень учебной мотивации, преобладание игровых или внешних мотивов (достичь определенного положения среди сверстников, давление родных), возможно присутствие оценочного мотива.

У учащихся второго класса не наблюдается очень высокий уровень учебной мотивации, который включает преобладание учебных мотивов, а также наличие социальных мотивов. У 30% учащихся – высокий уровень учебной мотивации, для которого характерно преобладание социальных мотивов (осознание социальной необходимости, долг и ответственность), возможно присутствие учебного и позиционного мотивов. Для 47% учащихся характерен нормальный уровень учебной мотивации, преобладание позиционных мотивов (стремление осознавать, анализировать способы и формы своего сотрудничества и взаимоотношений со своим окружением), возможно присутствие социального и оценочного мотивов. У 20% респондентов наблюдается сниженный уровень мотивации, преобладание оценочных мотивов, возможно присутствие позиционного и игрового (внешнего) мотивов. У остальных учащихся (7%) – низкий уровень учебной мотивации, преобладание игровых или внешних мотивов, возможно наличие оценочного мотива.

У 20% учащихся третьего класса наблюдается очень высокий уровень учебной мотивации, который включает преобладание учебных мотивов (стремление учеников к самообразованию, направленность на самостоятельное совершенствование способов добывания знаний), а также наличие социальных мотивов. У 47% учащихся выявлен высокий уровень учебной мотивации, для которого характерно преобладание социальных мотивов (получить одобрение окружающих, стремление хорошо подготовиться к выбору профессии), возможно присутствие учебного и позиционного мотивов. Для 27% учащихся характерен нормальный уровень учебной мотивации, преобладание позиционных мотивов (желание занять место лидера, доминировать в коллективе), возможно присутствие социального и оценочного мотивов. У 7% респондентов наблюдается сниженный уровень мотивации, преобладание оценочных мотивов (стремление получить оценку, отсутствие стремления к самообразованию), возможно присутствие позиционного и игрового (внешнего) мотивов. Низкого уровня учебной мотивации не наблюдается.

У 27% учасників четвертого класу спостерігається дуже високий рівень навчальної мотивації, який включає переважання навчальних мотивів (орієнтація школярів на оволодіння новими знаннями, навчальними навичками, інтерес до знань), а також наявність соціальних мотивів. У 40% учасників виявлено високий рівень навчальної мотивації, для якого характерно переважання соціальних мотивів, можливо наявність навчального та позиційного мотивів. Для 13% учасників характерен нормальний рівень навчальної мотивації, переважання позиційних мотивів (стремління усвідомити, аналізувати способи та форми співпраці та взаємовідносин з оточенням), можливо наявність соціального та оцінкового мотивів. У 7% респондентів спостерігається знижений рівень мотивації, переважання оцінкових мотивів, можливо наявність позиційного та ігрових мотивів. У решті учасників, а це 13%, присутній низький рівень навчальної мотивації, переважання ігрових або зовнішніх мотивів, можливо наявність оцінкового мотиву.

Проведене дослідження показало, що в першому класі переважають оцінкові мотиви, тобто мотиви отримання високої оцінки. До другого класу оцінкові мотиви сменяються позиційними: мотиви, пов'язані з прагненням зайняти нове місце в стосунках з оточуючими. В цих класах не спостерігається дуже високого рівня навчальної мотивації (навчально-пізнавальні мотиви, що походять з пізнавальної потреби). В третьому класі на перше місце виходять соціальні мотиви, засновані на розумінні суспільної необхідності навчання. В четвертому класі соціальні мотиви стають провідними. Як свідчать дані, в третьому та четвертому класах спостерігається дуже високий рівень навчальної мотивації у учасників. Таким чином, була виявлена динаміка розвитку навчальної мотивації в молодшому шкільному віці: здійснюється перехід від оцінкових мотивів до позиційних, від позиційних до соціальних мотивів з відростанням частки навчально-пізнавальних мотивів.

В. Санелюк (Науковий керівник Д.Т. Гошовська)

Луцьк, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, Україна

АНАЛІЗ ВПЛИВУ ДИТЯЧО-БАТЬКІВСЬКИХ ВІДНОСИН НА ТРИВОЖНІСТЬ ДІТЕЙ МОЛОДШОГО ШКІЛЬНОГО ВІКУ

Виникнення тривожності у дітей молодшого шкільного віку зумовлене дією багатьох чинників. До них можна віднести незадоволення

вікових потреб, занепокоєння, невпевненість у собі, емоційну нестійкість, також, вплив на розвиток тривожності мають батьки дитини, а саме їхнє ставлення до неї. Існують різноманітні підходи та концепції, які розглядають тривожність дітей молодшого шкільного віку. Автори цих концепцій стверджують, що відносини з батьками, стосунки з ровесниками та вчителями найбільше впливають на розвиток тривожності.

Методологічною основою дослідження стали теоретичні концепції психологів: В.С. Мухіної, Л.С. Виготського, О.М. Леонтьєва про закономірності розвитку дитячої психіки, розуміння молодшого шкільного віку як особливого періоду в становленні особистості. А також дослідження ряду робіт авторів, що вивчали родину і сімейні стосунки: Л.Д. Столяренко, С.І. Самигін, О.І. Захаров, І.М. Балинський, В.М. Мясищев.

На думку А.Я. Варга, В.В. Століна, батьківські відносини – це система різноманітних почуттів до дитини, поведінкових стереотипів, які використовуються у спілкуванні з нею, особливостей сприйняття і розуміння характеру й особистості дитини, її вчинків. Як вказують О.О. Смірнова, М.В. Бикова та інші, для розвитку позитивних дитячо-батьківських стосунків дорослі повинні мати певний рівень знань про проблему виховання і взаємин з дитини. Основою сімейного мікроклімату, на думку дослідників А.С. Макаренка, А.В. Петровського, О.І. Захарова, А.Б. Добрович та інших, є міжособистісні стосунки, що і визначають його клімат. Саме за ставленням батьків до своєї дитини можна припустити, якою вона буде в майбутньому.

На думку С.В. Ковальова, А.В. Петровського, Г.М. Волкової існують такі типи сімейних відносин: диктат, опіка, невтручання, співробітництво, паритет. Існують такі ролі дитини в сім'ї, визначені для неї батьками: «кумир родини», «мамин скарб», «хвороблива дитина», «жахлива дитина», «Попелюшка».

У своїх дослідженнях А.Я. Варга та В.В. Столін виділили такі критерії батьківських відносин: «прийняття-неприйняття», «кооперація», «симбіоз», «авторитарна гіперсоціалізація», «маленький невдаха».

О.І. Захаров та багато інших психологів звертають увагу на те, що в молодшому шкільному віці тривожність ще не є стійкою рисою характеру, має ситуативні прояви, тому що у дитини саме в цей період відбувається становлення особистості. Одним з факторів, що впливають на появу тривожності у дітей, як вказують О.І. Захаров, О.М. Парафіян та інші, є батьківські відносини.

З точки зору навчання і розвитку основними особливостями дитини молодшого шкільного віку є те, що:

а) дитина може довільно керувати своєю поведінкою, а також процесами уваги і запам'ятовування, емоційними реакціями (О.В. Запорожець);

б) у будь-якій діяльності може вийти за межі миттєвої ситуації, усвідомити тимчасову перспективу, одночасно утримати у свідомості ланцюжок взаємозалежних подій чи різні стани процесу (М.М. Поддьяков);

в) головне значення набуває розвиток уяви (Л.С. Виготський).

Тривога – одне із найважчих переживань, страх невідомого. Тривожність дітей молодшого шкільного віку є великою проблемою і потребує її виявлення і корекції. Для розв'язання даної проблеми ми застосовували такі психодіагностичні методики:

- тест-опитувальник батьківського ставлення (А.Я. Варга, В.В. Століна);

- діагностика вад особистісного розвитку (З. Карпенка);

- методика діагностики рівня шкільної тривожності Філіпса.

Перший етап дослідження складається з тесту-опитувальника батьківського ставлення А.Я. Варга, В.В. Століна. В результаті у групі було виявлено, що переважає «кооперація» середній бал за цією шкалою становить 8,56. Це свідчить, що батьки використовують соціально бажаний образ батьківського ставлення. Тобто вони зацікавлені у справах дитини, допомагають їй та підтримують у всьому. На другому місці «прийняття-неприйняття» (середній бал 8,17). Шкала відображає інтегральне емоційне ставлення до дитини, тобто батьки сприймають дитину такою якою вона є, не дивлячись чи вона успішна чи навпаки. Третє місце займає шкала «маленький невдаха» (6,90). Вона відображає особливості сприйняття і розуміння дитини батьками. Вони бачать дитину молодшою в порівнянні з реальним віком, інтереси, захоплення, думки і почуття дитини здаються дитячими, несерйозними. Четверте місце належить шкалі «авторитарна гіперсоціалізація» (5,03). Ця шкала відображає форму і напрямок контролю за поведінкою дитини.

Після обробки результатів методики шкільної тривожності Філіпса було виявлено високий рівень тривожності лише у одного досліджуваного, у нього середній бал за 6 шкалами становить 48. За тестом-опитувальником батьківського ставлення А.Я. Варга, В.В. Століна по відношенню до даної дитини виявлено, що більш вираженими стилями батьківського ставлення є «прийняття-неприйняття» і «маленький невдаха», за методикою ДВОР – 4 бали, тобто середньо виражена тривожність. З такою дитиною необхідно працювати і коригувати тривожність. У всіх інших досліджуваних тривожність, за даною методикою, відсутня.

Отже, дану вибірку досліджуваних складають більшість учнів, у яких тривожність не виявляється, але 23% дітей мають цю властивість, це дає змогу зробити висновок, що тривожність все таки присутня і такі респонденти потребують корекції і роботи з ними і з їхніми батьками.

А.А. Турчина (Научный руководитель Н.Ю. Шлат)
Псков, ПсковГУ, Россия

ЛОЖЬ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В ходе изучения научной литературы по проблеме детской лжи (А. Адам, И.А. Алешинцев, К. Гартгер, Б.И. Дубровский, Ж. Дюпра, И.А. Ильин и др.), можно констатировать, что первые попытки осознанного обмана родителей ребёнок совершает в возрасте двух–трёх лет (этот возраст условен, возможны значительные индивидуальные «отклонения»). Далее тенденция прибегать к обману возрастает. Как свидетельствуют экспериментальные данные, 92% пятилетних детей считают, что говорить неправду «всегда плохо». К двенадцати годам этот показатель снижается до 28%.

Великий русский писатель Л.Н. Толстой указывал на то, что ребёнок, наблюдая за положительными или отрицательными поступками взрослых, «заражается тем или другим во сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями». Психотерапевт Чак Фэлкон также полагал, что детскую ложь порождают родительские ошибки, которые можно избежать, и тем самым уменьшить вероятность детской лжи. Надо признать, что в обществе часто прибегают ко лжи. Например, в автобусе занижается возраст ребёнка, чтобы не платить за билет, или, если родители подвергают детей допросу, а добившись признания, сурово наказывают его, дети будут лгать, чтобы избежать наказания. Далеко не все родители и учителя знают, как решить проблему детской лжи.

Что же значит – «обманывать»? Если мы обратимся к классической трактовке этого понятия, то увидим, что оно предполагает кардинальное сознательное искажение правды, совершаемое в личных целях, введения в заблуждение другого человека, с целью избегания нежелательных последствий. Врать – значит излагать факты, не соответствующие действительности ради формирования у оппонента ошибочных представлений о теме или предмете.

Исследователи выделяют такие виды детской лжи, как скрытие правды (для этого не надо придумывать аргументы и ложные высказывания), «оправданную» ложь (ложь в том случае, когда правду говорить опасно), жульничество (например, списывание). В качестве мотивов детской лжи указывают: 1) ложь во избежание наказания; 2) ложь с целью защиты товарищей; 3) ложь во избежание унижения и стыда; 4) «оправданную» ложь; 5) ложь с целью повышения своего социального статуса и б) желания не создавать неловкой ситуации.

В рамках обозначенной выше проблемы мы провели экспериментальное исследование в 3 классе, включающее арт-терапевтическую тех-

нику «Рассказ в картинках» (адаптированный вариант методики Дорис Бретт) и анкетированный опрос.

Анкетирование было направлено на то, чтобы выявить доминирующие мотивы детской лжи (мотивы перечислены выше). Для определения преобладающих мотивов на каждый из них отводилось по два вопроса. Таким образом, анкета содержала 12 вопросов, например:

«Бабушка купила тебе футболку, а вещь тебе не понравилась. Ты скажешь: а) спасибо, бабушка, я давно мечтал о такой футболке и возьмёшь вещь себе; б) скажешь правду» (см. 6-ой мотив лжи).

«Однажды ученик после болезни пришёл в школу и сразу направился в живой уголок. Там жила морская свинка, за которой мальчик ухаживал до болезни. В клетке свинки не было. За день до прихода свинка умерла. Мальчик спросил у учителя: «Свинка убежала?» Учитель ответил: «Нет, она болеет. Я взял на две недели её домой. Когда поправится, принесу обратно». Через две недели учитель купил такую же свинку на рынке и принёс в живой уголок. Мальчик ничего не заподозрил. Если бы ты был на месте учителя, ты бы: а) поступил как учитель (см. 4-й мотив лжи); б) сказал правду».

В анкетировании принимали участие 14 учеников, из них 8 мальчиков и 6 девочек в возрасте от 9 до 10 лет. По результатам обработки анкет были получены следующие результаты. За решение не создавать неловких ситуаций выступили 11 (78,6%) анкетированных. С целью защиты товарищей готовы солгать 3 (21,4%) опрошенных. Оправданная ложь и ложь с целью повышения социального статуса «набрала» 2 (14,3%) голоса, ложь во избежание унижения – 1 (7,1%) голос, ложь с целью избежания наказания не выбрал ни один учащийся. Можно сделать вывод, что в данном классе преобладает мотив, связанный с желанием детей не создавать неловких ситуаций.

Целью арт-терапевтической техники «Рассказ в картинках» являлось определение причин лжи. Задания имели следующее содержание: ребенку надо было представить, что на свете живёт человек, очень похожий на него, и этот человек солгал. Детям необходимо было нарисовать историю «одной лжи». Данная диагностическая техника проста в использовании, высокоинформативна. Она позволяет исследователю быстро и корректно приблизиться к пониманию истинных причин тех или иных отклонений в поведении ребёнка. По мнению известных арттерапевтов Р. Гудман, М. Либманн, К. Тисдейл и др., диагностика посредством «Рассказа в картинках» имеет особую ценность в работе с лицами, которые отказываются или затрудняются дать вербальное описание событий, чувств, переживаний. При этом некоторые дети более склонны выражать свои мысли, чувства в рисунках.

Проанализировав работы детей, мы пришли к выводу, что по представленному сюжету рисунки можно тематически классифицировать. Вот некоторые из них: 1. Сюжет «Плохая отметка» представили 4 ученика; 2. Сюжет «Прогулял уроки» отображали 2 ребенка; 3. Сюжет «Обман друзей» – 2 ученика; 4. Сюжет «Обман родителей» – 3 ребенка. Полученный диагностический материал позволяет изучить все основные аспекты сознательного искажения истины: мотив, мотивацию, мотивировку, эмоциональное состояние.

Проанализируем сюжет «Плохая отметка»: мотив – избежание наказания, мотивация – остаться безнаказанным, мотивировка – родители не узнают правду, эмоциональное состояние – страх, что узнают о плохой отметке, страх ожидаемого наказания, стыд перед родственниками, чувство вины, обиды. Сюжет «Прогулял уроки» иллюстрирует следующее: мотив – избежание наказания, мотивация – остаться дома и побыть одному, мотивировка – родители не узнают, эмоциональное состояние – чувство вины, унижения, страх ожидаемого наказания. Сюжет «Обман друзей»: мотив – желание не создавать неловкой ситуации, мотивация – хочет остаться дома, мотивировка – друзья будут думать, что я делаю уроки и не узнают правду, эмоциональное состояние – чувство вины. Сюжет «Обман родителей» свидетельствует о мотиве – желание получить желаемое, мотивации – хочет игрушку, мотивировке – если я скажу, что у меня украли игрушку, они мне её точно купят, об эмоциональном состоянии – страх ожидаемого наказания.

После сопоставления двух методик, мы пришли к выводу, что мотивом лжи, чаще встречающимся у детей экспериментальной группы, указано желание не создавать неловкой ситуации, однако причины лжи связаны с избеганием наказания.

В ходе предварительного анализа результатов проведенного исследования были разработаны рекомендации родителям и педагогам:

1. Необходимо уточнить свою позицию в воспитании детей и строго придерживаться совместно принятых норм и правил.
2. Дайте ребёнку понять, что вы очень хорошо понимаете, где – правда, а где – ложь.
3. Не используйте нотации, дискуссии на тему детской лжи!
4. Возьмите за правило: никакого физического наказания за ложь.
5. Не бойтесь похвалить ребёнка, если он смог сказать правду.
6. Правдивость нужно возвращать, хвалить и лелеять.

А.П. Шивилько (Научный руководитель Е.И. Медведская)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ВОСПИТАННИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА

Источником социализации для ребёнка является семья, в которой он приобретает базовый опыт эмоциональных и деловых взаимоотношений между людьми. Потеря или отсутствие семьи – тяжелейшая трагедия в жизни ребёнка, которая оставляет глубокий след в его судьбе. Сиротство разрушает эмоциональные связи ребёнка с окружающей его социальной средой, с миром взрослых и сверстников. На сегодняшний день очевидно, что проблема социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существовала и будет существовать.

В настоящее время в ситуации серьёзных социально-экономических перемен, в связи с расширением репертуара поведенческих стратегий человека как субъекта собственной жизни, возрос интерес к сохранности психологических границ человека. Эта тема особенно актуальна применительно к особым условиям проживания, в частности, в детском доме. Традиционно считается, что детский дом представляет собой депривированное пространство, так как имеет целый ряд ограничений жизнедеятельности воспитанников. Кроме того, жизнь в таком учреждении предполагает частое нарушение границ психологического пространства детей как со стороны других воспитанников, так и сотрудников (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Н.К. Радина и др.).

Хотя круг общения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достаточно широк, однако с раннего детства потребность в эмоционально теплом контакте не находит удовлетворения, так как ребёнок нуждается в специфически материнском типе эмоциональной стимуляции. Реально существующий широкий круг общения при эмоционально поверхностном стиле отношения к конкретному ребёнку в условиях детского дома не может восполнить дефицит эмоционального тепла. При широком круге общения адекватные поведенческие стереотипы вырабатываются у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с большим трудом. Опека нескольких взрослых, сосредоточенная в раннем детстве на уходе за ребёнком, а позже – на контроле за ним, многочисленные контакты со сверстниками, перегружающие и истощающие психику, не могут иметь позитивного значения для формирования личности и ее безболезненной социальной адаптации.

В современной научной литературе к проблеме исследования личностных особенностей детей в условиях институционального воспитания об-

ращались многие отечественные и зарубежные учёные (М.И. Лисина, В.С. Мухина, Я. Корчак, Дж. Боулби и др.), а вопрос о психологических границах или дистанции во взаимоотношениях рассматривался в нескольких направлениях: биологическом, педагогическом, психологическом, социальном и т.д. Педагогические аспекты дистанции во взаимоотношениях представлены в работах А.С. Макаренко, В.Ю. Верещагина и других ученых. Социально-психологические аспекты феномена «дистанция» стали предметом исследования таких психологов, как Л.С. Выготский, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев и других. С учетом указанных и многих других направлений в изучении особенностей психологической дистанции существует множество определений, характеризующих различные аспекты данного явления. Например, в психологической литературе понятие «дистанция» трактуется следующим образом: «феномен, регулирующий межличностные отношения, основной функцией которого является структурирование пространства общения в зависимости от степени психологической близости субъектов взаимодействия».

Поскольку привязанность к взрослому человеку является биологической необходимостью и изначальным психологическим условием для развития ребенка, то выступающие в роли суррогата родителей воспитатели детского дома (интерната) даже при большом желании не способны осуществить равноценную замену семье, и, прежде всего, в силу определенных экономических трудностей: число детей, приходящихся на одного воспитателя в сиротском учреждении около двадцати. Значит, доля внимания, уделяемого воспитателем каждому ребенку, не превышает одной двадцатой. Отклонения в эмоциональном развитии наблюдаются уже в первые годы жизни ребенка, воспитывающегося вне семьи, а в младшем школьном и подростковом возрасте эти проблемы становятся более значимыми, так как в этот период ребенок занимает новую социальную позицию. В это время формируется его сознательное отношение к себе, сверстникам, учебе, окружающему, формируются границы во взаимоотношениях с другими людьми.

Проведенный теоретический анализ условий личностного развития детей в учреждениях интернатного типа позволяет предположить, что параметры психологической дистанции данной группы младших школьников имеют качественные отличия по сравнению с детьми, воспитывающимися в условиях семьи.

Респондентами выступали две группы младших школьников: воспитанники УО «Волковысский государственный детский дом смешанного типа» (n=20) и ученики 3–4-х классов ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 23 города Бреста» (n=61).

В эмпирическом исследовании была использована графическая методика измерения психологической дистанции Е.И. Медведской, которая на основе длины дистанции позволяет выявить три вида отношений «Ребёнок – Другой человек»: симбиотические, плодотворные и отчуждённые. Обследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым. Обобщенные результаты измерения отражены в таблице.

Таблица – Виды отношений разных групп младших школьников

Виды отношений	Дети		φ
	школьники	воспитанники детского дома	
плодотворные	82%	65%	1,514
симбиотические	5%	20%	1,867*
отчуждённые	13%	15%	0,21

Данные таблицы свидетельствуют, что доля плодотворных (соответствующих норме развития младшего школьника) отношений со стороны воспитанников детского дома достаточно велика. Однако наблюдаются и некоторые отличия в сравнении с их ровесниками, воспитывающимися в условиях семьи. Во-первых, статистически достоверное преобладание симбиотических отношений можно объяснить обостренной потребностью во внимании и доброжелательности взрослого, в человеческом тепле, ласке и положительных эмоциональных контактах. Во-вторых, отчужденные отношения выступают в форме полной неудовлетворенности в следующих направлениях: малое количество обращений взрослых к детям, сниженность в этих контактах личностных, интимных обращений, их эмоциональная бедность и однообразие содержания.

Таким образом, специфика межличностных контактов в учреждениях интернатного типа лишает детей психологического переживания своей нужности и ценности для других, уверенности в себе; необходимости переживания за состояние другого человека, глубокой привязанности к людям. Необходимо также отметить, что сходные формы отношения к сверстникам, родным, знакомым и незнакомым людям наблюдаются не только у воспитанников детского дома, но и у определённого количества детей, живущих с родителями. Острый дефицит любви и личностного отношения ребенок может испытывать не только в детском доме, но и в семье.

СЕКЦИЯ № 2

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

М.С. Волосюк (Научный руководитель Т.В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СПЕЦИФИКА САМОСОЗНАНИЯ НЕУВЕРЕННОГО ПОДРОСТКА

Подростковый возраст – это самый трудный и самый сложный из всех детских возрастов. Наиболее важным отличительным признаком этого периода являются фундаментальные изменения, происходящие в самосознании подростка, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления его как личности. В этом возрасте изменяется взгляд на себя, на субъективную, динамическую позицию изнутри и происходит более интенсивное, чем в другие возрасты, формирование самосознания и личности в целом. Возникновение неуверенности чаще всего приходится именно на этот возраст, так как перед подростком впервые стоит задача построения адекватного образа Я, и от того, как он решит эту проблему сейчас, будет зависеть дальнейшее развитие его личности.

Феномен «неуверенности» как таковой в психологии недостаточно изучен. Это связано, в первую очередь, с тем, что проявление неуверенности связано с различными причинами. Есть все основания полагать, что неуверенность и низкая самооценка – это понятия взаимосвязанные и в какой-то степени взаимозависимые. В нашем исследовании мы рассматривали неуверенность как проявление низкой самооценки, таким образом изучая оценочный и когнитивный компонент Я-концепции подростка. Целью нашего исследования стало выявление особенностей образа Я подростков с разным уровнем общей самооценки. В исследовании приняли участие 40 человек старших подростков (15–16 лет) учащихся средних школ и гимназий г. Бреста.

При проведении исследования применялся опросник Г.Н. Казанцевой, благодаря которому мы выявили общую самооценку подростков и на этом основании разделили всех подростков на три группы: подростки с низким, средним и высоким уровнем общей самооценки. В результате анализа полученных данных мы выявили, что большинство подростков имеют средний уровень самооценки (18 человек – 45%). Высокий уровень общей самооценки представлен у 12 человек (30%) и низкий уровень – у 10 человек (25%). Мы полагаем, что высокая самооценка – это в какой-то степени практически то же самое, что высокое чувство уверенности в себе; низкая

самооценка соответствует неуверенности в себе. На основе этого мы можем предположить, что ученики с низкой самооценкой – это неуверенные в себе подростки.

Однако для того, чтобы более объективно отнести подростков к уверенным либо неуверенным в себе, мы провели методику «Кто Я» (Кун и Мак-Портленд). С помощью этой методики мы выявляли уровень самопрезентации подростков. Для качественной оценки суждений подростков о самих себе мы анализировали их высказывания согласно следующим критериям: количество положительных высказываний о себе; содержательность ответов; наличие ролевых характеристик (дочь, ученик и т.д.); личностные качества; мечты (как отражение Я-идеального).

Обобщив полученные данные по перечисленным выше критериям, мы получили следующие результаты: низкий уровень самопрезентации присущ 35% подростков, средний уровень – у 25%, а высокий уровень – у 40% опрошенных.

Анализируя данные, полученные при анализе двух методик, мы выявили, что не всегда низкая самооценка соответствует низкому уровню самопрезентации, и наоборот – не всегда подростки с высокой самооценкой имеют высокий уровень самопрезентации. Уровень самооценки и уровень самопрезентации совпал лишь у 50% респондентов. Из них: средний уровень – у 5, высокий – у 7, а низкий – у 8 респондентов. Исходя из этих данных, мы разделили всех респондентов на три группы:

1) подростки, имеющие стабильно-негативный образ Я (неуверенные в себе подростки) – 20%;

2) подростки, имеющие стабильно-позитивный образ Я (уверенные в себе подростки) – 30%;

3) подростки, имеющие нестабильно-противоречивый образ Я – 50%.

Мы полагаем, что это связано, в первую очередь, с нестабильно противоречивым образом Я подростков. Некоторые подростки уже имеют конкретное представление о самих себе и потребность в познании себя, а некоторые ограничиваются эмоционально-ценностным отношением к себе и не стремятся разобраться в вопросе «Кто Я?».

При изучении образа Я подростков мы также использовали опросник самоотношения В.В. Столина. Опросник позволил нам выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: глобальное самоотношение; самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я».

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что образ Я неуверенных в себе подростков достаточно противоречив, и по всем показателям

телям самоотношения занимает низкие позиции. Среди особенностей образа Я неуверенных подростков можно выделить следующие:

- отсутствие чувства собственной значимости;
- высокий уровень тревожности;
- отсутствие аутосимпатии – они видят в себе преимущественно недостатки;
- необъективная критичность в отношении к себе;
- склонность к самообвинению и самонепринятию;
- низкий уровень самопонимания и личностной рефлексии и др.

Что же касается уверенных подростков, они лидируют по сравнению с неуверенными подростками по всем шкалам: у них высокий уровень самоуважения и аутосимпатии, самоинтереса и самопонимания. Высокие значения они набрали по шкале способности к саморуководству. Данные респонденты источником развития своей личности, регулятором достижений и успехов считают себя. Такие люди переживают собственное «Я» как внутренний стержень, который координирует и направляет всю активность, организует поведение и отношения с людьми, что делает их способными прогнозировать свои действия и последствия возникающих контактов с окружающими. Самопринятие уверенных подростков также на высоком уровне. Высокие значения по шкале самопринятия характеризуют склонность воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений. Общий фон восприятия себя положительный. Человек часто ощущает симпатию к себе, ко всем качествам своей личности.

Существует некоторая сложность в установлении причин неуверенности, так как оценочный и когнитивный компоненты Я-концепции так или иначе взаимосвязаны и нельзя искать причины стабильно-негативного образа Я в самооценке, поэтому мы не можем говорить, что причины низкой самооценки в негативном образе Я. На наш взгляд, неуверенность в себе – это феномен скорее поведенческого характера, нежели личностного. Неуверенность может появляться и у людей с высокой самооценкой и адекватным образом Я. Нельзя сказать, что неуверенность в себе – это качество личности.

Образ «Я» в подростковом возрасте еще не полностью сформирован. По мере взросления характерные черты (и положительные, и отрицательные) становятся более устойчивыми. Необходимо помогать подростку перейти от негативного к позитивному образу «Я», так самооценка, самопрезентация и адекватно-позитивный образ Я – это важные характеристики, выражающие нормативное развитие личности.

М.А. Дымар (Научный руководитель Г.Н. Казаручик)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Подростковый возраст – сензитивный период для социального и эмоционального развития личности. Как показал анализ ряда исследований (Г.Э. Белицкая, Г.В. Ермоленкова, И.А. Зимняя, Д.И. Фельдштейн, А. Фернхейм, И.А. Фурманов и др.), развитие социальной компетентности подростков обусловлено потребностью в самоутверждении, самоопределении и включает развитие качеств личности, способствующих общению, развитию социальных умений и навыков, усвоению социальных ролей и полоролевых стереотипов. Кроме того, развитие социальной компетентности в подростковом возрасте обусловлено выраженной потребностью в эмоциональном благополучии и включает развитие способности к эмпатии, умению дифференцировать собственные эмоции и эмоции других людей, самоконтролю и самомотивации.

Многочисленные исследования (Ч. Венар, Н.В. Калинина, П. Кериг, С.А. Учурова, Л.Б. Шнейдер и др.) свидетельствуют о том, что формирование социальной компетентности, эффективное решение проблем становления самосознания подростка, его самоопределения, самоутверждения невозможно вне общения с окружающими людьми, без их помощи.

Развитие социальной компетентности у подростков с девиантным поведением – достаточно трудная задача, так как высокая потребность подростков в общении вступает в противоречие с элементарным неумением, порой нежеланием общаться, слушать другого человека, поддерживать разговор, выражать свои чувства, реагировать на критику и критично оценивать высказывания и действия других людей, а также принимать их точку зрения.

Девиантный подросток не стремится оценивать себя по объективным критериям, не проявляет интерес к себе как к равноправному члену общества, не создает внутренних критериев самооценки, базирующихся на реальных и потенциальных достижениях подростка, не выстраивает социально одобряемое идеальное «Я», что не способствует его социализации и развитию социальной компетентности. Это отражается в самооценке и уровне притязаний подростка.

Однако нельзя сказать, что формирование социальной компетентности для подростков с девиантным поведением – процесс чуждый, хотя он несколько отличается от подростков с нормальным поведением. Девиант-

ный подросток не обладает всеми качествами социальной компетентности. Однако одним из центральных моментов в развитии подростка становится формирующееся чувство «взрослости». Оно определяет стремление подростков приобрести умения и качества, характеризующие взрослого человека, и составляет основу формирования ответственности – важнейшей характеристики личности, отличающей социально зрелую личность от социально незрелой. Именно это заставляет подростка с девиантным поведением изменять свое отношение к жизни, пересмотреть свое поведение и нести ответственность за свои поступки. В своем исследовании мы поставили цель – изучить уровень социальной компетентности подростков с девиантным поведением и определить эффективные способы ее формирования.

В ходе эмпирического исследования уровень сформированности социальной компетентности у подростков с девиантным поведением изучался нами с помощью шкалы социальной компетентности А.М. Прихожан. На первом этапе в исследовании приняли участие 9 детей подросткового возраста (14–15 лет), учащихся государственного учреждения образования «Средняя школа № 11 г. Пинска», стоящих на внутришкольном учете и учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Для испытуемых характерны следующие виды проявления девиантного поведения: злоупотребление алкоголем, табакокурение, нарушение внутришкольной дисциплины (драки, кражи, прогулы учебных занятий).

Исследование позволило установить, что коэффициент социальной компетентности подростков с девиантным поведением соответствует норме. Однако в пределах нормы у всех респондентов наблюдается низкий коэффициент социальной компетентности по субшкале «развитие общения» и «организованность, развитие произвольности». Немного превышает норму показатель по субшкале «уверенность в себе». В среднем социальный возраст испытуемых находится в пределах 12 лет, что свидетельствует о недостаточном уровне развития коммуникативной сферы личности, самостоятельности.

На решение обозначенных выше проблем направлен разработанный нами проект формирования социальной компетентности у подростков с девиантным поведением. Задачи проекта:

- развитие духовно-нравственных ценностей у подростков;
- формирование личностных качеств: самостоятельности, организованности, ответственности;
- формирование интереса к социальной жизни.

Целевая группа: подростки с девиантным поведением, их родители и педагоги. Направления деятельности:

1. Организация социально-педагогического взаимодействия с подростками с девиантным поведением.

2. Организация взаимодействия педагогов и родителей подростков с девиантным поведением.

Реализация данного проекта будет содействовать освоению подростками своих прав и обязанностей, развитию у них коммуникативных умений, воспитанию таких качеств личности, как самостоятельность, ответственность, уверенность в себе, организованность, пробуждению интереса подростков к социальной жизни, нахождению ими своего места в обществе, правильной организации досуга.

Проект включает два компонента:

1. Организационно-деятельностный компонент предполагает создание определенных социальных условий, способствующих формированию социальной компетентности у подростков с девиантным поведением:

- социальные условия (создание открытого образовательного пространства «школа – семья – социальная среда»);
- индивидуально-психологические условия (учет проблемного поля подростков, опора на положительное в личности);
- организационно-педагогические условия (организация волонтерского движения).

2. Технологический компонент предполагает взаимодействие субъектов образовательного процесса через организационные формы, методы и средства воспитания (консультации, круглые столы – для педагогов и родителей; коллективные творческие дела, конкурсы, акции, тренинги, ролевые игры, экскурсии, классные часы, слайд-презентации – для подростков).

Результаты теоретического и эмпирического исследования позволяют заключить, что формирование социальной компетентности – это необходимое условие процесса социализации личности, это помощь ребенку, в данном случае подростку с девиантным поведением, найти себя и свое место в социуме, это поддержка в решении жизненных задач и на пути к достижению цели. Подростки с девиантным поведением имеют коэффициент социальной компетентности, который соответствует норме. Однако наблюдается недостаточный уровень развития коммуникативности и организованности, поэтому нами и был разработан проект, направленный на повышение уровня социальной компетентности у подростков данной категории. Вместе с тем, следует отметить, что в исследовании было задействовано мало подростков, и для изучения уровня их социальной компетентности использовалась одна методика (шкала социальной компетентности А.М. Прихожан). Настоящее исследование будет продолжено. На втором этапе эмпирического исследования будет увеличена выборка и использованы дополнительно другие методы и методики.

О.В. Ковалёва (Научный руководитель А.А. Стреленко)
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ВЫПУСКНЫХ КЛАССОВ

Начиная с раннего детства, и в течение всей последующей жизни, в психике человека возникают и развиваются психологические конструкты, которые известны нам как «механизмы психологической защиты». Перво-степенная функция этих механизмов – защита психики от чрезмерных негативных эмоциональных переживаний, страхов, стрессов, а также сохранение психологического гомеостаза на бессознательном уровне. Все люди сталкиваются с травмирующими в той или иной степени событиями в своей жизни. Они могут быть разные по интенсивности, длительности, включенности. Но как бы то ни было, в каждой травмирующей ситуации человек прибегает к механизмам психологической защиты. Чаще всего это происходит бессознательно, на уровне инстинктов, когда организм человека чувствует опасность.

Отсюда следует, что психологические механизмы защиты – это естественная ответная реакция на потенциальную угрозу для внутреннего мира человека. Психологические механизмы, искажая реальность с целью сиюминутного обеспечения эмоционального благополучия, не имеют долгосрочную перспективу. Они осуществляются через дезинтеграцию поведения, зачастую связанного с возникновением деформации и отклонения в развитии личности. Эти признаки проявляются уже в детском, а также подростковом и юношеском возрасте. Если они игнорируются, и серьёзная проблема остаётся нерешённой, то она может иметь сильное отрицательное влияние на всю будущую жизнь человека, именно поэтому её выявление и коррекция в начале юношеского возраста является актуальной проблемой исследования в настоящее время.

Целью нашего исследования явилось определение особенностей защитных механизмов в раннем юношеском возрасте. В исследовании приняло участие 15 юношей и 15 девушек 11-х классов в возрасте от 16 до 18 лет СШ № 11 города Витебска. В качестве психодиагностического инструментария использовался опросник «Уровень жизненного стиля» Р. Плутчика и Г. Келлермана. Опросник был разработан в соавторстве с Х.Р. Контом в 1979 году.

Механизмы психологической защиты понимаются авторами как производные эмоций, поскольку каждая из основных защит оттогенетически развивалась для сдерживания одной из базисных эмоций.

В ходе проведенного исследования нами были получены следующие результаты: защитный механизм отрицания на 15% преобладает больше у девушек, чем у юношей. Как правило, действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые абсолютно очевидны окружающим, но, тем не менее, не принимаются и не признаются самой личностью. У девушек эта защита более выражена, так как может сопрягаться с конфликтами любого рода (неуспеваемостью, трудностью налаживания контактов со сверстниками, внешним обликом) и внешне выражаться в отчетливом искажении восприятия действительности.

Защитный механизм подавления на 14% ярче выражен у юношей, нежели у девушек. Зигмунд Фрейд считал этот механизм главным способом защиты инфантильного «Я», неспособного сопротивляться соблазну. Т.е. все неприемлемые для личности желания, мысли, чувства, вызывающие тревогу, становятся бессознательными. Важно подчеркнуть, что этот механизм выражен больше у юношей, т.к. существенную роль здесь играет гендерный аспект. В нашем обществе принято считать, что мальчики должны быть сильными, выносливыми, им непозволительно плакать, давая волю эмоциям. И как показало исследование, результатом этого стереотипа становится использование именно механизма вытеснения среди мужской выборки.

Защитный механизм регрессии на 18% девушки используют больше, нежели парни. В классических представлениях регрессия рассматривается как способ избежать тревоги путем перехода на более ранние стадии развития либидо. Фрейд говорил, что регрессия осуществляется в ходе смены психических систем, через которые обычно возбуждение движется в определенном направлении. Девушки прибегают к этому механизму чаще вследствие изменения мотивационно-потребностной сферы в сторону упрощенности и доступности.

Девушки также чаще парней используют механизм компенсации (на 13%). Часто этот механизм объединяют с идентификацией. Он выражается в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присваивания себе свойств, достоинств, поведенческих характеристик другой личности. Обычно это происходит из-за необходимости избежать конфликта с этой личностью и повышения чувства самодостаточности. Следует отметить, что заимствование свойств, ценностей или установок происходит без анализа и переконструирования, и именно поэтому не становится частью самой личности.

Также результаты нашего исследования позволяют говорить о гиперкомпенсации, близкой по содержанию регрессии, т.к. регрессия у девушек также более выражена, чем у парней.

Всего на 2,5% у девушек преобладает механизм проекции, чем у юношей. В основе проекции лежит процесс, посредством которого неосознаваемые и неприемлемые для личности мысли и чувства локализуются вовне, т.е. приписываются другим людям и, следовательно, становятся вторичными. Таким образом, практически в равной степени и юноши, и девушки избирают этот механизм в качестве способа избавления от некоторых собственных ошибок и страхов.

Механизм замещения на 17% выражен у девушек, чем у парней. Действие этого защитного механизма проявляется в разрядке подавленных эмоций (гнева, враждебности, агрессии), которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность и они более доступны, чем те, которые вызвали отрицательные эмоции и чувства. Девушки более эмоциональны, нежели парни. И замещение помогает им разрешать эмоциональное напряжение, возникшее под влиянием фрустрирующей ситуации, но надо отметить, что замещение не приводит к облегчению или достижению поставленной цели. В поведении это может проявляться в виде совершения неожиданных и бессмысленных действий, которые разрешают внутреннее напряжение.

Психологический механизм интеллектуализации на 4,4% больше используется юношами, чем девушками. Этот механизм часто называют «рационализацией». Отличие интеллектуализации от рационализации, по мнению Ф.Е. Василюка, состоит в том, что интеллектуализация представляет собой «уход из мира импульсов и аффектов, в мир слов и абстракций». Интеллектуализация является полезным защитным механизмом, когда выражена в психической активности личности умеренно.

И, наконец, механизм реактивного образования на 6,6% девушки используют больше, чем парни. Личность предотвращает выражение неприятных или неприемлемых для нее мыслей, поступков или чувств путем преувеличенного развития противоположных стремлений. В этом случае происходит трансформация внутренних импульсов в противоположные. У девушек это может быть связано с принятием телесного образа, в первую очередь, с внешним видом.

Данные нашего исследования показали, что в выборке из 30 учащихся общая напряженность защитных механизмов составляет для юношей 52,47%, а для девушек 58,54%. Показатели, превышающие 50% рубеж, говорят о наличии реально существующих, но пока не разрешенных внутренних и внешних конфликтов. Отсюда следует, что в юношеском возрасте существуют определенные конфликты, которые решаются юношами и девушками в зависимости от их индивидуальных особенностей и характеристик личности.

Результаты данного исследования могут быть полезны в работе школьных психологов на диагностическом, а в последующем и коррекционном этапе работы со школьниками.

Н.И. Ковальчук (Научный руководитель А.В. Сацук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

Значимость близких отношений со сверстниками в подростковом и раннем юношеском возрасте выступает на первый план. Начиная с подросткового возраста, ведущее значение в психическом развитии ребенка занимает личностное общение со сверстником.

Под близкими отношениями мы понимаем дружбу и любовь (симпатии), которые интенсивно развиваются в старшем школьном возрасте. Известно, что психологические проблемы построения близких отношений в данном возрасте могут приводить к тяжелым эмоциональным состояниям подростков, к проблемам в учебной деятельности, а также к девиантным формам поведения.

К причинам, вызывающим проблемы в построении близких отношений в старшем школьном возрасте, можно отнести отсутствие опыта построения близких отношений, нехватку собственных навыков и одновременно предъявление завышенных требований к собеседнику, невозможность реализовать себя в близких отношениях.

Актуальность данной темы исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных путей психологической помощи подросткам, переживающим проблемы построения близких отношений.

Наше исследование было направлено на изучение дифференцированных представлений о любви и дружбе старших школьников, того, с какими трудностями в построении этих отношений они сталкиваются, и какие качества для старших школьников являются наиболее важными для построения близких отношений, а также на изучение рефлексии близких отношений старшими школьниками.

В исследовании принимали участие 40 учеников 9-го и 11-го классов гимназии № 3 г. Бреста. Для проведения исследования была разработана авторская анкета «Любовь и дружба для меня».

По результатам анкетирования были получены следующие данные. На вопрос «Что такое «дружба между парнями и девушками»?», старшие школьники ответили, что это поддержка, взаимопонимание, доверие, а

также некоторые считают, что дружбы между парнями и девушками быть не может, и только в очень редких случаях она может перерасти в любовь.

Основными причинами распада дружбы подростки считают предательство, то есть совершение плохого поступка в отношении другого человека, а также расхождение во взглядах, интересах и ценностях, то есть несоответствие индивидуальных особенностей друзей.

На вопрос о трудностях, которые возникают при построении дружеских и любовных отношений с противоположным полом, 47% старших школьников не выделяют проблем. При этом известные факты частых конфликтов и разрывов отношений, характерные для данного возраста, позволяют предположить, что полученный результат указывает скорее на то, что у подростков низкий уровень рефлексии и осознания процессов общения. В то же время 43% школьников выделяют конкретные проблемы в построении любви, что может указывать на способность к рефлексии и осознанной регуляции своих отношений с противоположным полом. К таким проблемам школьники отнесли следующие: «не знаю, как себя вести и о чем говорить», «рано еще строить любовные отношения», стеснение, отсутствие взаимности, отсутствие юмора, «не делаю первых шагов навстречу».

На вопрос «Что помогает укрепить дружбу?», старшие школьники ответили, что это совместная деятельность и времяпрепровождение, наличие доверия (без дополнительного пояснения), указали на личностные качества (честность, юмор и открытость) и качества взаимодействия (поддержка и взаимопонимание).

На вопрос о трудностях, которые необходимо преодолеть, чтобы дружба была крепче, ответы были следующие: 59% описывали не способы преодоления трудностей, а называли сами трудности (ссоры, трудности во взаимоотношениях, предательство, злость, непонимание, эгоизм, а также расстояние). Только 14% школьников ответили, что нужно научиться доверять, уступать и выслушивать. Здесь важно отметить, что большая часть школьников говорит о причинах и значительно меньшая – о способах решения трудностей.

Завершая неоконченное предложение «Если любовь настоящая...», старшие школьники указывали на временной аспект: «это навсегда»; отмечали любовь как положительное чувство («не замечать недостатки», «без ссор», «без обмана», «верная», «искренняя»); указывали на присутствие и поддержку со стороны противоположного пола («любимый человек рядом»).

Если дружба настоящая, то в понимании большинства школьников она «без предательства», то есть выделяется качество, которого не должно быть в настоящей дружбе; а также выделяются специфические качества дружбы: школьники говорят о честности, доверии и поддержке. Также указана временная характеристика настоящей дружбы, что она «навсегда».

Ожидания относительно своих качеств как настоящего друга и качеств, приписываемых другу, в основном совпадают. К таким качествам школьники отнесли отзывчивость и доброту, честность и понимание, ответственность, уважение.

Также хотелось бы отметить степень развернутости ответов школьников, которая, на наш взгляд, является дополнительным показателем рефлексии отношений. Ответы, которые были представлены в виде недифференцированных, составили 40%, развернутые, детализированные, составили 60%, что может указывать на частичную сформированность рефлексии процессов общения у современных старших школьников.

Обобщая результаты анкетирования, можно сделать вывод, что любовь и дружба в подростковом возрасте характеризуется положительным взаимодействием и эмоциями. Настоящая дружба для старших школьников – это честность, доверие и поддержка по отношению к другу. Настоящая любовь сопровождается искренними чувствами, верностью, а также поддержкой любимого человека. Школьники приписывают своему другу такие же качества, которыми обладают они сами. Что касается трудностей при построении любовных отношений с противоположным полом, то большая часть старших школьников не выделяет никаких проблем. Это говорит скорее о низком уровне осознания рефлексии и близких отношений. Старшие школьники не могут выразить свои мысли, чувства, то, что они переживают при общении с противоположным полом, а также выделить конкретные проблемы при построении этих отношений, что может приводить к возникновению коммуникативных барьеров, чувству одиночества и изоляции. В то же время немалая часть школьников выделяет конкретные проблемы: трудности при начале разговора, отсутствие положительных эмоций и чувств у сверстника противоположного пола, а также несвоевременность в их возрасте построения любовных отношений с противоположным полом.

Решение проблем, связанных с низким уровнем рефлексии коммуникативных процессов в старшем школьном возрасте с помощью школьного психолога, позволит старшим школьникам избежать чувства одиночества и изоляции, а также преодолеть коммуникативные барьеры при построении дружеских и любовных отношений со сверстниками.

Е.В. Лучиц (Научный руководитель Т.В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МОТИВОВ ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ

Подростковый возраст, отрочество – период жизни человека от детства до юности в традиционной классификации от 11–12 до 14–16 лет. В этот период подросток проходит большой путь в своем развитии: через внутренние конфликты с самим собой и с другими, через внешние срывы и восхождения он может обрести чувство взрослости. Открывается подростковый возраст кризисом, по которому часто и весь период именуют «критическим», «переломным». Социальная ситуация характеризуется тем, что подросток продолжает жить в семье, учиться в школе, он окружен теми же сверстниками. Однако сама социальная ситуация трансформируется в его сознании в совершенно новые ценностные ориентации: подросток начинает интенсивно осуществлять рефлекссию процессов, происходящих в его внутреннем мире, в его взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми. Теперь уже семья, школа, сверстники обретают новые значения и смыслы.

В подростковом возрасте общение со сверстниками – ведущий тип деятельности. В общении осваиваются нормы морали, социального поведения, устанавливаются отношения равенства и уважения друг к другу. Подростки становятся способными к сознательному установлению и развитию дружеских взаимоотношений. Начинают отчетливо проявляться гендерные различия во взаимоотношениях со сверстниками. Общение мальчиков и девочек различается по таким характеристикам, как речевые способности, темы разговоров, восприятие вербальных и невербальных сигналов, круг общения, стиль взаимодействия. Общение девочек более пассивно, при этом оно более дружественно и избирательно. Для мальчиков же более значимыми являются содержание совместной деятельности, собственный успех в ней, чем наличие индивидуальной симпатии к другим участникам взаимодействия.

Целью нашего исследования было выявление гендерных особенностей мотивов общения современных подростков со сверстниками. Поскольку основной формой проявления устойчивых мотивов общения в подростковом возрасте являются дружеские взаимоотношения, мы изучали представления подростков о дружбе. Для исследования нами была разработана методика «Неоконченные предложения». Испытуемые должны были дополнить следующие предложения: «Дружба – это...»; «Друзья – это люди, которые...»; «Большинство моих друзей...»; «Среди моих друзей есть...»; «Мне нравится проводить время с друзьями, потому что...»; «Для

меня очень важно, что друзья...»; «Для моих друзей важно, что я...»; «Мне нравится, что в компании моих друзей я могу...»; «Меня и моих друзей объединяет...»; «Я провожу больше времени с друзьями, чем с родителями, потому что...»; «Я дружу с мальчиками, потому что...»; «Я дружу с девочками, потому что...». Также мы предлагали подросткам анкету, направленную на уточнение и конкретизацию данных, полученных в результате проведения методики «Неоконченные предложения». Исследование проводилось на выборке, состоящей из 40 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, среди них 20 мальчиков и 20 девочек. Исследование проводилось анонимно, что повышает достоверность полученной информации.

В результате количественной и качественной обработки данных были получены следующие результаты. Компания сверстников дает подросткам, в первую очередь, возможность быть собой, девочки еще выделяют возможность в компании друзей возможность чувствовать себя свободно. Важна также возможность пообщаться, возможность быть услышанным в кругу друзей. Как мальчики, так и девочки выделяют общие интересы как характеристику, которая объединяет их с друзьями. Но для мальчиков важно само наличие дружбы как особого вида отношений, тогда как для девочек значимыми являются особенности характера друга и возможность взаимопонимания между друзьями. Так, мальчики, характеризуя дружбу, в основном выделяют такие ее характеристики, как общение, времяпрепровождение, общие интересы и определяют дружбу как ценность. Девочки же главными особенностями дружбы называют доверие, взаимопонимание и верность.

Все подростки отмечают, что они проводят с друзьями больше времени, чем с родителями. Но при этом существуют различия между мальчиками и девочками в содержании причин, по которым подростки отдают приоритет общению со сверстниками. Мальчики называют такой причиной то, что с друзьями им веселее, интереснее, чем с родителями, и в меньшей степени говорят о взаимопонимании среди друзей как причине общения с ними. Девочки же, наоборот, лишь немногие говорят о том, что, по сравнению с родителями, со сверстниками им веселее и интереснее, но подавляющее большинство указывает на то, что со стороны друзей они находят больше понимания, чем со стороны взрослых.

Мальчики чаще, чем девочки отмечают, что для них друзья – самое главное в жизни; и они больше времени, чем девочки, хотели бы проводить с друзьями. Большинство друзей мальчиков – одноклассники, т.е. сверстники; за советом они также чаще, чем девочки, обращаются к друзьям. Девочки же чаще, чем мальчики говорили о том, что, общаясь с друзьями, они узнают много нового и интересного; они стремятся быть хорошими друзьями чаще, чем мальчики; в кругу друзей они чаще ведут себя

более естественно и свободно; и для девочек важнее быть принятым и признанным в кругу друзей.

Для мальчиков и для девочек важна способность друга помочь в трудную минуту, поддержать, понять и всегда находиться рядом. При этом для девочек более, чем для мальчиков, важно такое качество друга, как преданность. Также девочки отмечают, что с другом всегда легко и друг – это тот, кто любит. Мальчики считают важными для дружбы такие качества, как «веселый», «честный», «хороший». Девочки же отмечают такие качества, как «умение помочь», «умение пожалеть» и «умение хранить тайны».

При выборе друзей и мальчики, и девочки при выборе друзей ориентируются на то, чтобы им было весело с ними общаться. При этом мальчики больше ориентированы на совместные занятия с ними и предпочитают общаться со своими сверстниками. Девочки ориентированы на личностные качества друзей, возможность поделиться с подругами своими секретами.

Мотивы общения подростков со сверстниками своего пола у мальчиков и девочек отличаются в том отношении, что мальчики общаются с мальчиками, потому что им весело вместе и есть общие интересы, а девочки – потому что у них есть общие темы для разговоров. Как мальчики, так и девочки дружат с ребятами своего пола по причине общей половой принадлежности, однако среди девочек есть такие, которые не дружат с девочками, а предпочитают общаться с мальчиками.

Характер общения с друзьями противоположного пола отмечен тем, что в первую очередь и те, и другие дружат, потому что в компании друг друга им весело и интересно. Но мальчики дружат с девочками еще и потому, что «так должно быть», а также потому, что «их можно развести». Девочки же дружат с мальчиками потому, что им с ними легко, и мальчики, по их мнению, понимают девочек лучше, чем представители их пола.

Выделенные нами различия в мотивах общения со сверстниками современных подростков подтверждают те закономерности развития общения со сверстниками в подростковом возрасте, которые уже описаны в литературе: мальчики в общении со сверстниками больше ориентированы на качества друга, полезные для совместной деятельности, девочки – на эмоциональную сторону общения. Следовательно, разработанный нами метод исследования мотивов общения подростков со сверстниками может быть использован в практике работы с подростками для оказания им своевременной психолого-педагогической помощи.

Ю.В. Полюхович (Научный руководитель Д.Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ УСПЕВАЮЩИХ И НЕУСПЕВАЮЩИХ ПОДРОСТКОВ

Одной из значимых характеристик личности является самооценка, подразумевающая оценку личностью самой себя, своих возможностей, способностей, качеств и места среди других людей. От самооценки во многом зависит активность человека и его стремление к самосовершенствованию. В психологической литературе указывается, что развивается самооценка путем постепенной интериоризации внешних оценок, выражающих общественные требования, и требования человека к самому себе.

В подростковом возрасте, по мнению исследователей, тесно взаимосвязаны успешность в учебной деятельности и самооценка школьника, а также прослеживается их взаимное влияние. Практика показывает, что чаще всего дети приходят в школу с желанием учиться, но постепенно нарастающие сложности, проблемы, возникающие в школе у некоторых учеников, могут приводить к формированию у них отрицательного отношения к учению и снижению самооценки (а ведь самооценка ребёнка основывается на мнении окружающих взрослых, в частности, педагогов и родителей).

Низкий уровень самооценки создаёт проблемы как в освоении учебного материала («Я всё равно этого не пойму», «Мне этого никогда не запомнить»), так и в отношениях с одноклассниками и учителями («Я не пойду отвечать у доски, все надо мной смеются», «Не пойду на урок биологии, учительница все равно считает меня тупицей и выше «двойки» не поставит»).

В ряде отечественных и зарубежных исследований подчеркивается, что неблагоприятное положение в группе сверстников, в личных взаимоотношениях между учащимися способствует возникновению устойчивых отрицательных переживаний, понижению самочувствия подростка и исчезновению уверенности в себе, оно может также уменьшить его способность, желание учиться и результаты учебы. Тот подросток, который уважает и ценит себя, как правило, хорошо или отлично учится. У тех школьников, которые уверены в себе и высоко себя ценят, множество стимулов к тому, чтобы хорошо выглядеть в глазах других людей, поддерживать высокую репутацию. Кроме того, они собираются подтвердить то, что сами о себе думают. Неуверенные в себе подростки часто отстают в учебе. Им постоянно кажется, что задачи слишком трудные, а требования – слишком высокие. Такие ученики не только не верят в свои силы, но и не развивают свои способности.

Большое влияние на самооценку школьника оказывает успеваемость. У учеников с плохой успеваемостью могут резко ухудшиться отношения с одноклассниками и наблюдаться деформации поведения. Некоторые из них, несмотря на равнодушное к ним отношение, всеми силами тянутся к другим ребятам, любой ценой стараясь привлечь к себе внимание, но большая часть неуспевающих занимает пассивную позицию, испытывая одиночество. Такие ребята становятся замкнутыми, конфликтными, ищут общения вне школы. Адекватная самооценка как результат совместно-контрольной оценочной деятельности педагога и учащихся на содержательной основе управляет формированием собственного осознания со стороны учащегося (чего он достоин, чего он может достичь в будущем), открывает перспективу его дальнейшего саморазвития, сохраняет и поддерживает статус собственного самоуважения.

Нами было проведено эмпирическое исследование по изучению особенностей самооценки успевающих и неуспевающих подростков. Выборку составили 40 подростков (20 – успевающих и 20 – неуспевающих), учащихся 9-х классов ГУО «Средняя школа № 7 г. Пинска». Наше исследование было проведено в 3 этапа. На первом этапе предполагалось изучить успеваемость учащихся 9-х классов в целом. Для решения поставленной задачи мы проанализировали документацию (в частности, классные журналы), уточнили успеваемость учащихся за полугодие в целом, вычислили средний балл по основным предметам.

На втором этапе нами было проведено исследование самооценки успевающих и неуспевающих учащихся 9-х классов по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Тест предназначен для психологической диагностики состояния самооценки по следующим параметрам: высота самооценки (фон настроения), устойчивость самооценки (эмоциональная устойчивость), степень реалистичности и/или адекватности самооценки (при ее повышении), степень критичности, требовательности к себе (при понижении самооценки), степень удовлетворенности собой (по прямым и косвенным индикаторам), уровень оптимизма (по прямым и косвенным индикаторам), интегрированность осознанного и неосознаваемого уровней самооценки, противоречивость/непротиворечивость показателей самооценки, зрелость/незрелость отношения к ценностям, наличие и характер компенсаторных механизмов, участвующих в формировании «Я-концепции», характер и содержание проблем и их компенсаций. Данная методика основана на непосредственном оценивании (шкалировании) школьниками ряда личных качеств, таких как здоровье, способности, характер и т. д. Обследуемым предлагалось на вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития у них этих качеств (показатель самооценки) и уровень притязаний, т.е. уровень развития этих же ка-

честв, который бы удовлетворял их. Каждому испытуемому предлагался бланк методики, содержащий инструкцию и задание.

На третьем этапе мы сравнили самооценку успевающих и неуспевающих подростков.

В результате изучения успеваемости учащихся были выявлены следующие тенденции. В первой группе (успевающие подростки) учащиеся показали достаточный и высокий уровень успеваемости. Так, достаточный уровень выявлен у 80% учащихся, высокий уровень – у 20% учащихся. Во второй группе (неуспевающие подростки) учащиеся показали удовлетворительный – 60% и средний уровень успеваемости – 40%.

Обратимся к данным, полученным при изучении самооценки успевающих подростков. Мы выяснили, что у 80% учащихся этой группы (у 16 учеников) адекватная самооценка. В то же время у пятой части успевающих школьников (у 4 учащихся) выявлена завышенная самооценка, что указывает на определенные отклонения в формировании личности. Завышенная самооценка может подтверждать личностную незрелость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, сравнивать себя с другими; такая самооценка может указывать на существенные искажения в формировании личности – «закрытости для опыта», нечувствительности к своим ошибкам, неудачам, замечаниям и оценкам окружающих.

Проанализируем уровень самооценки неуспевающих подростков. Мы обнаружили, что у 40% испытуемых этой группы – адекватная самооценка, у большей же части подростков (у 60%) – заниженная. Это свидетельствует о крайнем неблагополучии в развитии их личности. Ученики с заниженной самооценкой составляют «группу риска». За низкой самооценкой могут скрываться два совершенно разных психологических явления: подлинная неуверенность в себе и «защитная», когда декларирование (самому себе) собственного неумения, отсутствия способности и тому подобного позволяет не прилагать никаких усилий.

Сравнительные результаты изучения самооценки учащихся показали, что у неуспевающих подростков самооценка ниже, чем у успевающих подростков. Таким образом, в результате нашего исследования обнаружилась взаимосвязь между успеваемостью подростков и уровнем их самооценки.

Т.Г. Сашко (Научный руководитель Е.И. Медведская)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ О СПОСОБАХ ПОЗНАНИЯ

Познание – процесс целенаправленного отражения действительности в сознании человека с целью ее дальнейшего возможного изменения. Познание осуществляется на основе практической деятельности человека и выступает способом духовного освоения действительности. Изучением процесса познания занимались различные научные направления: философия, социология, медицина и др. К исследованию процесса познания обращались и многие психологи (Л.С. Выготский, Б.М. Величковский, В.А. Лекторский, Л. Брюль, Дж. Брунер, Ж. Пиаже и др.). Теоретический анализ свидетельствует, что представления о познании и его способах изменялись по мере развития общества. Данные изменения способствовали переходу в антропогенезе от обыденного и мифологического к научному способу познания. Имеющиеся в психологии данные говорят о том, что в онтогенезе, благодаря образованию, ребенок постепенно осваивает научный метод познания реальности. Однако и в зрелом возрасте разные типы познания одновременно могут присутствовать у одного и того же человека, как например, у А. Эйнштейна и других выдающихся ученых, которые одновременно были и верующими людьми.

Предметом настоящего эмпирического исследования выступали представления студентов-психологов 1–2 курсов ($n = 52$) о способах, которые они используют для приобретения знаний о различных объектах реальности, а именно: о себе, о межличностных взаимоотношениях, об обществе и его устройстве, о природе и о технике. Инструментом исследования представлений выступала авторская анкета.

В итоге частотной обработки полученных данных выявлено, что знания о каждом из вышеназванных объектов студенты получают одновременно различными способами.

Для познания *себя* молодые люди назвали два ведущих способа: взаимодействие с другими (85%) и жизненный опыт (33%). Приобретение знаний о себе осуществляется в процессе общения с другими людьми, посредством высказывания их собственного мнения об индивидуальных особенностях личности. Жизненный опыт предполагает изучение ситуаций в повседневной действительности и особенностей собственного поведения. Чтение книг (29%) способствует анализу личности героев и их поступков. Последующее сравнение собственного «Я» со сложившимся образом героя дает возможность обнаружения сходства и различий. Самоанализ (29%)

представляет собой разделение на отдельные составляющие черт личности и поведенческих характеристик с последующим установлением причинно-следственных связей. Самонаблюдение (27%) предполагает наблюдение за внутренним планом собственной психической жизни, позволяющее фиксировать ее в различных проявлениях: переживаниях, мыслях, чувствах. Кроме того, знания о себе, согласно ответам молодых людей, можно получить с помощью психологических тестов (11%), СМИ (11%), творческой деятельности (10%), медицины (4%) и религии (2%).

Основным путем приобретения знаний *о взаимоотношениях* с другими людьми, по мнению студентов, является непосредственное взаимодействие (60%). Центральное место в данном взаимодействии занимает процесс наблюдения (38%). Наблюдая за моделями поведения в процессе жизнедеятельности, человек приобретает знания о взаимоотношениях (следует отметить, что подобные способы очень близки детально описанному в бихевиоризме процессу научения). Молодые люди полагают, что и в специализированной научной литературе можно почерпнуть знания о закономерностях, фактах, механизмах становления и развития взаимоотношений (35%). Семья как способ познания взаимоотношений, предполагает наблюдение за выстраиванием отношений между близкими родственниками, манерой их общения и формирование собственных (29%). Относительно данного объекта познания будущими психологами были названы также следующие способы: подражание (8%), просмотр фильмов и самоанализ (6%), психология как наука (2%).

В качестве способов получения знаний *об обществе и его устройстве* существенную роль для студентов играют взаимодействие с другими людьми (60%) и СМИ (48%). Взаимодействие предполагает приобретение информации от других лиц и последующее ее использование в собственной жизнедеятельности. С помощью СМИ формируется представление о ведущих событиях и изменениях в структуре общества, о культурной и политической, научной жизни. Литература (33%) как способ познания общества, предполагает, по мнению студентов-психологов, в основном изучение юридических документов. Согласно ответам респондентов, знания об обществе можно также приобрести посредством накопления жизненного опыта (6%), профессиональной деятельности (4%), путешествий (2%).

Согласно полученным данным, наиболее значимым способом познания *природы* являются книги и наблюдение (36%). Научно-популярная литература отражает сведения о растительном и животном мире, явлениях природы, климате, почве. Посредством наблюдения человек созерцает возникновение и развитие природной сущности вещей. Важным способом познания природы для испытуемых являются СМИ (36%) и учреждения образования (33%). Телевидение как источник знаний о природе преду-

смачивает просмотр познавательных передач о природе. Интернет предоставляет информацию различного формата (текстового, визуального и др.). Знания о природе в учреждениях образования приобретаются с помощью изучения таких дисциплин, как биология, география, химия, физика, экология, энергосбережение, естествознание. Получение знаний о природе, согласно мнению студентов, возможно благодаря методу «проб и ошибок», путешествиям (6%), творческой деятельности (2%).

Наиболее значимым путем познания техники для респондентов является непосредственное взаимодействие с приборами (68%), которое включает их эксплуатацию, сбор и разбор технических конструкций. Определяющими способами получения информации о технике для студентов-психологов являются средства массовой информации (37%) и чтение литературы (36%). Интернет и научные журналы дают информацию об описании различных технических средств и возможностях их использования, наглядные иллюстрации способствуют расширению кругозора представлений о мире техники. Чтение литературы предполагает изучение различного рода инструкций по эксплуатации. Учреждение образования (11%) как источник получения знаний о технике, включает в себя обучение в университете, школе (УПК), ПТУ. Реклама техники (5%) предоставляет информацию, направленную на привлечение внимания непосредственно к тому или иному техническому средству, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Представленные данные свидетельствуют, что получение знаний о себе, о межличностных взаимоотношениях, об обществе в основном осуществляется студентами-психологами через непосредственное взаимодействие с другими людьми, а также посредством литературы и СМИ. В процессе приобретения знаний о природе и технике, ведущим для них способом познания является изучение литературы.

Выявленные различия в способах познания различных объектов реальности позволяют говорить о том, что знания о себе, обществе и взаимоотношениях в основном приобретаются посредством обыденного познания, их накопление носит неосознанный характер, а потому они являются устойчивыми и трудноизменяемыми. Для усвоения знаний о природе и технике молодые люди чаще прибегают к научному способу познания, в основе которого лежит целенаправленная деятельность человека по выработке объективированного знания. Данные знания более подвижны, т.к. основаны на периодическом обращении к их первоисточнику и специальном подкреплении уже имеющейся информации.

С.Н. Щур (Научный руководитель Н.Н. Чайчиц)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ИСПЫТЫВАЮЩИХ ОДИНОЧЕСТВО

Проблема одиночества является одной из серьезнейших проблем человечества, когда взаимоотношения не складываются, не порождая ни дружбы, ни любви, ни вражды, оставляя людей равнодушными по отношению друг к другу. Одиночество – тяжелое психологическое состояние, обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными эмоциональными переживаниями. Глубоко одинокие люди, как правило, очень несчастны, у них мало социальных контактов. Теоретический анализ исследований по проблеме одиночества показал, что данное состояние впервые в наиболее заостренной форме проявляется в подростковом возрасте (Р.С. Вейс, И.С. Кон, Г.С. Салливан, С.В. Малышева, Н.А. Рождественская, О.Б. Долгинова и др.), когда происходит поиск собственной идентичности и связей с окружающим миром. Данный возрастной период следует рассматривать как особую фазу в психическом развитии, эпоху перехода от детства к взрослости. От того, как закладываются на этом этапе основы социальной ориентации, зависит становление социальных установок личности, вероятность возникновения и глубина переживания чувства одиночества. Особенности переживания одиночества по-разному определяют перспективы развития подростка, и эти особенности в свою очередь сами зависят от степени осознания и обращенности к своим ресурсам и возможностям. Переживание одиночества может стать фактором, способствующим развитию, стимулирующим появление рефлексии по поводу собственной жизни. Но одиночество может переживаться и осознаваться как непродуктивное негативное эмоциональное состояние, которое даже может завести подростка в тупик, и стать препятствием для личностного развития.

Цель нашего исследования – выявить психологические особенности подростков, испытывающих одиночество.

Задачи исследования: выявить глубину переживания одиночества и описать его виды в подростковом возрасте; выделить психологические особенности подростков, испытывающих одиночество (личностные характеристики, эмоциональные состояния, потребность в общении).

В эмпирическом исследовании приняли участие 96 подростков 11–16 лет: 11–12 лет – младший подростковый возраст, 13–14 лет – средний и 15–16 – старший подростковый возраст. Выборка была случайной. При формировании выборки исследования учитывалась необходимость коли-

чественного равенства подростков обоих полов. Из 96 учащихся 48 (50%) мальчиков и 48 (50%) девочек.

В рамках проведения эмпирического исследования психологических особенностей подростков, испытывающих одиночество, использовались следующие диагностические методики:

1. Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной для выявления глубины переживания одиночества.

2. Опросник для определения вида одиночества С.Г. Корчагиной, направленный на определение вида переживания одиночества: диффузное, отчуждающее, диссоциированное одиночество.

3. Методика «Потребность в общении» Ю.М. Орлова выявляет у испытуемых уровень потребности в общении.

4. Личностный опросник Г.Ю. Айзенка (подростковый вариант) предназначен для диагностики и изучения индивидуально-психологических особенностей и характерологических проявлений лиц подросткового возраста.

5. Методика самооценки эмоциональных состояний (А. Уэссман, Д. Рикс) применяется для самооценки эмоциональных состояний и степени бодрствования.

Проведенное исследование позволило нам выделить основные психологические особенности подростков, испытывающих одиночество.

Для большей части подростков, испытывающих неглубокое переживание одиночества характерен экстравертированный тип: открытость, беззаботность, живость; более трети подросткам присущ интровертированный тип. Однако и экстраверты, и интроверты характеризуются в большей степени стабильностью эмоционального состояния. Анализ методики «Потребность в общении» показывает, что подростки, испытывающие неглубокое переживание одиночества имеют среднюю потребность в общении. А результаты опросника С.Г. Корчагиной «Вид одиночества» не выявили высокого уровня преобладания какого-либо вида одиночества (диффузного, отчуждающего, диссоциированного). Данные виды одиночества у подростков имеют средний и низкий уровни. Анализ результатов методики самооценки эмоциональных состояний младших подростков показывают по шкалам преобладания «спокойствия», «энергичности», «приподнятости», «уверенности в себе».

В среднем подростковом возрасте в самооценке испытуемых прогнозируется неуверенность и напряженность, нерешительность, подавленность, а в старшем подростковом возрасте эмоциональное состояние стабилизируется и имеет высокие и средние показатели. Суммарная оценка показала, что большая часть подростков высоко оценивают свое эмоцио-

нальное состояние, хотя состояние одиночества и присутствует, подростки неглубоко его переживают.

У половины подростков, испытывающих глубокое переживание одиночества, выявлен высокий показатель потребности в общении, т.е. они испытывают в нем дефицит, особенно это проявляется в среднем и старшем подростковом возрасте. Потребность в общении у девочек проявляется в большей степени, чем у мальчиков. Личностный опросник Айзенка показал, что для большей части подростков характерен интровертированный тип: рассудительность, пассивность, осторожность, и их эмоциональное состояние нестабильно, т.е. они более неустойчивы в стрессовых ситуациях. Анализ опросника С.Г. Корчагиной «Вид одиночества» показал, что у подростков с глубоким переживанием одиночества преобладает диссоциированный вид одиночества, который выражается в тревожности, возбудимости и демонстративности характера, противоборстве в конфликтах, эгоистичности и подчиняемости в межличностных отношениях. У девочек отмечен высокий уровень отчуждающегося одиночества, который проявляется в высокой тревожности, страхе, агрессивности, недоброжелательности, скепсисе, потерянности. Анализ результатов методики самооценки эмоциональных состояний подростков, испытывающих глубокое переживание одиночества, показывает, что более трети подростков оценили себя как напряженных, закомплексованных, нервных, апатичных, угнетенных, подавленных. Суммарная оценка по шкалам показала, что большая часть подростков средне оценивают свое эмоциональное состояние.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что переживание одиночества характерно для подросткового возраста, но более глубоко переживается в среднем и старшем подростковом возрасте. Сравнительный анализ результатов также показал, что подростки, имеющие глубокое переживание одиночества, имеют высокую потребность в общении, они более интровертированы (меньше направлены на внешний мир и обладают эмоциональной нестабильностью, т.е. более остро и эмоционально реагируют на внешние воздействия). Было установлено, что интровертированность и эмоциональная нестабильность в большей степени характерны для девочек.

Результаты данного исследования могут быть использованы в работе психологов и педагогов, работающих с подростками. Проблема подросткового одиночества остается актуальной и требует дальнейшего изучения.

СЕКЦИЯ № 3 ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.В. Абрамчук (Научный руководитель И.Е. Валитова)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ У ДЕВУШЕК РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Актуальность изучения психологической готовности к материнству продиктована неразработанностью проблемы психопрофилактической работы по подготовке к беременности, а также той ситуацией, которая сложилась в последние десятилетия в нашей стране: снижение престижа и ценности семьи, рост семейного насилия, увеличение числа неблагополучных семей, рост числа аборт и социального сиротства. В целом возраст беременных женщин в стране увеличивается: средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 23 лет в 2000 году до 25 лет в 2012 году.

Имеющиеся в научно-публицистической литературе факты свидетельствуют о том, что современные молодые люди крайне мало ориентированы на выполнение материнских и отцовских ролей (В.Я Титаренко, А. Мытиль и др.). Отечественные и зарубежные исследователи считают, что несформированность психологической готовности к выполнению материнских функций ведёт к искажению нравственных ценностей самой личности женщины, к формированию идеологии антиматеринства. В нашей работе мы попытались выяснить, связан ли возраст будущих матерей с уровнем личностной готовности к материнству, одинаково ли готовы к материнству девушки, обучающиеся в школе, в университете и работающие девушки.

Цель исследования – определить уровень психологической готовности к материнству у девушек разного возраста. Психологическая готовность к материнству имеет сложную структуру и состоит из трех компонентов:

- когнитивный – осознание матерью материнской связи с ребенком, представление о себе как о матери, представление об идеальной матери, знание материнских функций, образ ребенка.
- эмоциональный – субъективное ощущение себя матерью, материнские чувства, отношение к ребенку, отношение к себе как к матери.
- поведенческий – умения, навыки и деятельность матери по уходу за ребенком, воспитанию и обучению ребенка, стиль семейного воспитания.

В исследовании принимали участие девушки в возрасте от 15 до 30 лет, не имеющие детей, не состоящие в браке. Общая выборка исследования составила 90 человек. Из них тридцать девушек в возрасте 15–18 лет (1-я группа), тридцать девушек 21–24 лет (2-я группа), тридцать девушек 25–30 лет (3-я группа).

Мы исследовали углубленно когнитивный и эмоциональный компоненты готовности, так как поведенческий компонент мы не могли наблюдать из-за отсутствия реального взаимодействия девушек с ребенком. Мы использовали несколько методик: методика «Кто я?», рисуночный тест «Мой будущий ребенок», опросник.

Первая методика, которая предлагалась к выполнению, была методика «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда. Для нас в результатах данной методики важно было проследить наличие в образе Я девушек представления «Я будущая мать». В 1-й группе образ «Я будущая мать» в самосознании представлен у незначительного процента девушек (20%), во 2-й группе только у 10%, в 3-й группе – у 37%. Наличие или отсутствие в самосознании девушек образа «Я будущая мать» у девушек трех групп различается. Мы предполагаем, что это может быть связано с жизненными приоритетами девушек в разном возрасте. Наличие наибольшего числа указаний на образ будущей матери в самосознании девушек 25–30 лет может быть связано с тем, что в этом возрасте важным является создание семьи, родительство.

Следующей проводилась рисуночная методика «Мой будущий ребенок». Анализ рисунков испытуемых 3-х групп показал, что у большинства девушек имеется представление об образе ребенка. Об этом свидетельствуют изображения детей на рисунках. Предпочтений в половой принадлежности ребенка у испытуемых 2-й и 3-й группах нет, примерно равное соотношение желаний иметь мальчика или девочку. Но в 1-й группе предпочтение выбора пола отдается девочкам.

Возраст изображаемого ребенка варьируется от младенчества до взрослости. Девушки всех групп в большинстве изображают младенцев, детей дошкольного возраста. Такое изображение возраста детей соответствует изображению детей в подобных исследованиях беременных женщин (В.И. Брутман). Можно предположить наличие такой же закономерности, как и в выше названном исследовании: чем младше возраст изображаемого ребенка, тем ярче и четче, конкретнее его образ у будущей матери, тем больше он осознается. Но изображение детей другого возраста не является показателем «неготовности».

Девушки 25–30 лет чаще остальных рисуют беременных матерей. Чем ближе друг к другу изображены мать и ребенок, тем сильнее положительная эмоциональная связь между ними.

В последнюю очередь испытуемым предлагался разработанный нами опросник, направленный на выявление информированности девушек по вопросам материнства, мотивации рождения ребенка. Девушкам предлагалось ответить на 12 вопросов об их отношении к материнству. Опросник составлен с использованием как закрытых вопросов, так и открытых. В первом вопросе опросника испытуемым необходимо провести ранжирование 20 предложенных вариантов ответа – это позволяет выявить их жизненные ориентации.

При ранжировании жизненных ценностей у всех трех групп наиболее значимой является счастливая семейная жизнь. Для 1-й группы также наиболее значимым является здоровье, самостоятельность, независимость. Для 2-й – самообразование, интересная работа, здоровье. Для 3-й – реализация родительских функций, духовная и физическая близость с любимым человеком. Наиболее высокий ранг по критерию реализация родительских функций у 3-й группы, затем у 1-й и самый низкий у 2-й группы.

Относительно планирования беременности у девушек прослеживается определенная закономерность. Так, большинство девушек 1-й группы планируют родить ребенка в ближайшие 5–10 лет, девушки 2-й группы – в ближайшие 3–5 и 5–10 лет. Девушки 3-й группы планируют рождение ребенка в ближайшее время и в ближайшие 3–5 лет. Чем младше девушка, тем позже она планирует стать матерью. Причиной того, что может заставить отложить решение завести ребенка, для 1-й и 3-й групп является собственное нежелание, чувство неготовности к принятию роли матери. Для 2-й группы это в первую очередь недостаточная материальная обеспеченность, отсутствие собственного жилья.

Проведенное исследование показывает, что жизненные приоритеты девушек определенного возраста связаны с уровнем сформированности психологической готовности. Именно социальная ситуация развития во многом определяет отношение девушек к родительству на определенном жизненном этапе. Так, возраст 15–18 лет – время становления тесных интимно-личностных отношений, выбор дальнейшего пути, где возможны различные варианты принятия решения. Один из них – создание семьи. Возможно, поэтому у некоторых девушек в сознании присутствует образ своего будущего ребенка и себя как будущей матери. Возраст 21–24 лет – это период окончания учёбы, профессионального самоопределения. Как показало проведенное нами исследование, девушки данного возраста менее всего идентифицируют себя с матерью, в их сознании нет четкого образа будущего ребенка. Возраст 25–30 лет – время создания семьи, определения в профессиональном плане. Вероятно поэтому девушки данного возраста чаще, чем остальные, видят себя как будущую мать, лучше осоз-

нают всю ответственность материнства и хотят в ближайшее время взять на себя новую для них роль – роль матери.

Полученные данные можно использовать для повышения качества психологической помощи девушкам в возрасте 15–30 лет, для работы психолога в школе, для психопрофилактической работы по подготовке к беременности в учреждениях здравоохранения. Также результаты могут быть интересны преподавателям при подготовке лекционных курсов по дисциплинам «Психология семьи», «Возрастная психология».

Т.А. Евдокименко (Научный руководитель А.В. Сацук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОТНОШЕНИЕ СО СТОРОНЫ УЧИТЕЛЕЙ И СВЕРСТНИКОВ К ДЕТЯМ, ЧЬИ РОДИТЕЛИ НАХОДЯТСЯ В ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ

Семейные отношения и брак всегда привлекали внимание психологов. В свете проблем современного общества и наступающей смены системы ценностей большое распространение получило такое явление как гражданский брак. Проблема гражданского брака в разных аспектах изучалась Л.П. Богдановой, А.С. Шукиной, М.Н. Босанац, В.М. Целуйко, а вот отношение к детям, чьи родители находятся в гражданском браке, в настоящее время остается не изученным. В то же время, можно предполагать, что разное общественное отношение к гражданскому браку может отразиться и на отношении к детям, рожденным в гражданском браке, в частности, со стороны значимых в жизни детей лиц – сверстников и учителей, что и определило актуальность нашего исследования.

Цель нашего исследования – выявить специфику отношения учителей и сверстников к детям из «гражданских семей» по сравнению к детям из традиционных семей. Выдвигая гипотезу исследования, мы предполагали, что в современном обществе отношение со стороны учителей и сверстников к детям, рожденным в гражданском браке, не отличается от отношения к детям из традиционной семьи. Контргипотеза: отношение со стороны учителей и сверстников к детям, рожденным в гражданском браке отличается и имеет свою специфику.

Мы использовали следующие методы исследования, для учителей: 1) опросник оценочного отношения к «гражданской семье», 2) проективная методика «Образ ребенка из гражданской семьи»; для сверстников: 1) опросник оценочного отношения к «гражданской семье» (для подростков), 2) проективный прием «Расскажи по картинке, о чем говорят сверстники». Методики являются авторскими разработками.

Опросник оценочного отношения к гражданскому браку, разработанный для учителей, включал вопросы, направленные на выявление их представления о гражданском браке, отношения к наличию детей в таком браке, в т.ч. в собственной жизни, предлагалось также обозначить свое оценочное отношение к гражданскому браку по шкале, описывающей достоинства и недостатки гражданского брака. Полюса данной шкалы представлены положительными и отрицательными характеристиками гражданского брака, которые мы выявили в пилотажном исследовании (позитивные: получение льгот для ребенка, хороший подготовительный этап к свадьбе, ощущение внутренней свободы, штамп в паспорте – чистая условность, отсутствует процедура развода; негативные: ощущение недоверия со стороны общества, разные фамилии членов семьи, ребенок может почувствовать себя неполноценным, дети с юридической стороны более беззащитны, напряженная обстановка в семье).

Проективная методика «Образ ребенка из гражданской семьи» разработана для изучения отношения к детям из традиционной и гражданской семей. Учителям предлагалась шкала с полярными характеристиками по которой оценивался и создавался образ того или иного ребенка. Учителя таким образом создавали четыре образа детей: образы «идеального ребенка», «проблемного ребенка», «ребенка из гражданской семьи», «ребенка из традиционной семьи».

Опросник оценочного отношения для сверстников включал в себя вопросы, связанные с выявлением отношения к родителям детей, рожденных в гражданском браке, к детям из гражданских семей, а также с выявлением разницы в отношении к ним по сравнению с детьми из традиционных семей.

Проективный прием «Расскажи по картинке, о чем говорят сверстники»: респондентам предъявлялась картинка, на первом плане которой изображен подросток, а на втором плане девочки, которые, поглядывая на него, что-то обсуждают. Детям было дано пояснение, что это мальчик из гражданской семьи и было предложено представить, о чем могли бы говорить девочки.

В исследовании принимали участие 20 учителей от 22 до 48 лет, работающие на 5–11 классах, среди них все женского пола, и 20 учеников 8 класса возраст 14 лет (1 ученик 13 лет) средней школы № 37 г. Бреста.

Методики предъявлялись индивидуально и выполнялись анонимно, временных ограничений в выполнении заданий не было.

Проведенное исследование обнаружило следующие данные:

- у большинства учителей нейтральное отношение к гражданским бракам вообще с некоторой тенденцией к негативному отношению;

- представленные в методике достоинства гражданского брака, выделенные в пилотажном исследовании, учителя не считают положительной стороной гражданского брака; в то время как разделяют заявленные недостатки гражданского брака;
- из четырех образов детей образы проблемного ребенка и ребенка из гражданской семьи оказываются содержательно наиболее схожи;
- обнаружена специфика отношения к детям из разных видов семей, а именно: если положительные качества признаются как за детьми из традиционных, так и из «гражданских» семей, то отрицательные чаще приписываются детям из «гражданских» семей.

Согласно представленным в методике личностным качествам учителя считают, что дети из традиционных семей несколько добрее, вежливее, организованнее и способнее детей из «гражданских» семей (разница не велика). Наибольшие различия обнаруживаются при приписывании негативных личностных качеств. Так, злыми не считают ни тех, ни других; в адрес детей из «гражданских» семей появляется представление о том, что они могут быть грубыми; наиболее выражено представление о неорганизованности детей из «гражданских» семей (20% ответов), в то время как относительно детей из традиционных семей такого представления вообще нет; качество бездарности связывается тоже только с детьми из «гражданских» семей; появляется представление о том, что дети из гражданских семей могут быть пассивными.

Итак, выяснилось, что образ гражданского брака в сознании учителей связывается скорее с негативными характеристиками. При общем позитивном образе ребенка из традиционной семьи ребенок из «гражданской» семьи представляется скорее неорганизованным, бездарным, иногда грубым и пассивным.

Представление и отношение сверстников-подростков выглядит следующим образом. По данным опросника, сверстники не выделяют отличительных характеристик детей из разных видов семей; отношение к родителям детей из гражданских браков, со стороны подростков скорее позитивное, лишь 5% респондентов выразили негативное отношение. Сверстники не выделяют предпочтений, с кем дружить в зависимости от семьи ребенка. Таким образом, подростки декларируют позитивное отношение к сверстнику из гражданской семьи.

В то же время при использовании проективного рисуночного приема «Расскажи по картинке, о чем говорят сверстники» подростки обнаруживают скорее негативное отношение к таким детям, что указывает на амбивалентное отношение подростков и требует дальнейшего детального изучения.

Обобщая полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что отношение учителей к детям, чьи родители находятся в гражданском бра-

ке, скорее негативное, а сверстников – амбивалентное. В нашем исследовании подтвердилась контргипотеза о том, что в наше время отношение к детям из данной категории со стороны учителей и сверстников различное и имеет свою специфику по сравнению с отношением к детям из традиционных семей.

А.Н. Мельничук (Научный руководитель Д.Э. Синюк)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

РОДИТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ У СУПРУГОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

Современный компетентный родитель – это не тот, у кого нет проблем, у кого идеальный, послушный, высокоуспевающий ребенок. Современные специалисты отмечают, что компетентный родитель – это человек, который не испытывает страха за то, что он «плохой» родитель. Это человек, готовый видеть реальную ситуацию, в которой растет его ребенок, и предпринимать усилия для того, чтобы ее менять. Это человек, который знает, что если не помогает одно – надо пробовать другое. Компетентный родитель осознаёт, что для изменения развития ребенка в более благоприятную сторону надо меняться самому, пробовать, искать, в общем – учиться.

Целью настоящей работы являлось изучение особенностей формирования родительской компетентности у супругов, воспитывающих девочек-подростков. Для реализации поставленной цели мы использовали следующие методики: опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафер, анкету для изучения характера общения девочек-подростков с их родителями, а также анкету для выяснения основных проблем, возникающих у родителей в процессе воспитания девочек-подростков. Выборку для проведения исследования составили 120 человек: 40 девочек-подростков и 80 родителей этих девочек.

Обратимся к анализу результатов, полученных при проведении опросника. В первую очередь, рассмотрим особенности поведения матерей и отношение к ним опрошенных. Мы обнаружили, что большинство матерей (75%), по мнению девочек-подростков, проявляют к ним позитивный интерес на высоком уровне, т.е. эти женщины часто улыбаются своим дочерям, совместно выполняют с ними какую-то работу, прислушиваются к мнению детей. У 15% матерей позитивный интерес выражен на среднем уровне, а у десятой части – на низком, т.е. 10% девочек-подростков считают, что их матери редко говорят им о своей любви, не поддерживают их в трудные минуты. Рассмотрим количественные показатели по шкале директивности. У большинства матерей (85%) обнаружен средний уровень ди-

рекативности. Мы считаем, что это хороший результат, т.к. на данном этапе девочке-подростку необходим определенный контроль и внимание. 10% женщин проявляют низкий уровень директивности и 5% – высокий уровень, т.е. такие матери постоянно следят за детьми. Нас очень порадовал тот факт, что у довольно большого количества матерей (72,5%), по мнению опрошенных, обнаружен низкий уровень враждебности по отношению к своим дочерям. Наряду с этим у пятой части матерей выявлен средний уровень враждебности, а у трёх женщин (7,5%) – высокий уровень. По шкале автономности у большинства женщин (70%) проявляется средний уровень автономности, т.е. эти матери, по мнению девочек, иногда предоставляют им свободу, часто девочки могут уходить без разрешения к друзьям или на прогулку. У пятой части женщин выявлен низкий уровень автономности, что говорит об отсутствии контроля за дочерями, а у десятой части матерей наблюдается высокий уровень автономности. Также мы выяснили, что у 45% женщин низкий уровень непоследовательности в своих действиях. У 32,5% матерей мы наблюдаем средний уровень непоследовательности, а у 22,5% матерей – высокий уровень непоследовательности, т.е. они склонны, по мнению опрошенных, к резкой смене стиля, переходу от очень строгого к либеральному и, наоборот, переходу от психологического принятия дочери к эмоциональному её отвержению.

Во вторую очередь, проанализируем особенности поведения отцов и отношение к ним опрошенных. Проанализировав полученные ответы, мы получили следующие результаты: 42,5% отцов проявляют высокий позитивный интерес к дочерям, т.е. они всегда откровенно разговаривают с ними, с пониманием выслушивают дочь и стараются поддержать ее в трудную минуту. 30% опрошенных утверждают, что их отцы проявляют позитивный интерес на среднем уровне, и у остальных отцов выявлен низкий уровень. По шкале директивности результаты разделились следующим образом: большая часть отцов (62,5%) проявляют средний уровень директивности. У 27,5% отцов, по мнению опрошенных, выражен низкий уровень директивности, а высокий уровень директивности выявлен только у десятой части мужчин. Нас очень порадовал тот факт, что у большинства отцов (85%), по мнению опрошенных, обнаружен низкий уровень враждебности по отношению к своим дочерям. Наряду с этим у 5% отцов выявлен высокий уровень враждебности, а у десятой части мужчин – средний уровень. По шкале автономности приблизительно у половины отцов выявлен средний уровень автономности. В то же время у 40% отцов обнаружен низкий уровень, т.е. таким отцам практически не интересно, что происходит с их детьми. У 7,5% отцов наблюдается высокий уровень автономности. Также мы выяснили, что низкий и средний уровень непоследовательности наблюдается в равных количествах у 45% отцов. Только десятая часть муж-

чин, по мнению их дочерей, проявляют в своих действиях высокий уровень непоследовательности.

Далее рассмотрим данные, характеризующие общение девочек-подростков с их родителями. Мы выяснили, что девочкам-подросткам зачастую нравится общение с родителями (52,5%). Важным показателем является то, что на вопрос об отношении к критике и похвале в свой адрес 70% опрошенных ответили, что эти виды воздействия близких взрослых справедливы. Это говорит о том, что девочки уже осознают и могут правильно оценить свое поведение, а значит, в будущем будут совершать меньше необдуманных поступков. В то же время 40% девочек-подростков ответили, что иногда слышат критику в свой адрес. 55% респондентов считают, что родители их часто критикуют. Интересным является тот факт, что 45% девочек-подростков относятся к вмешательству родителей в их личную жизнь с терпением, 30% принимают как должное, а четверть опрошенных указали, что это их раздражает.

На следующем этапе нашего анализа обратимся к данным, полученным при проведении анкеты для родителей. Нас очень огорчило то, что на вопрос об ответственности за воспитание дочери только 10% родителей ответили, что оба занимаются воспитанием девочки, остальные 90% ответили, что эту функцию в основном выполняет мама. На вопрос: «Как вы относитесь к тому, что ваш ребенок пользуется косметикой?» большая часть матерей (62,5%) ответила, что это нормальное поведение. Также мы выяснили, что 27,5% матерей конфликтуют с девочками-подростками из-за их увлечения косметикой, лишь незначительная часть матерей и 60% отцов утверждает, что им всё равно. Пятая часть отцов говорит о конфликте, возникающем в результате того, что их дочь пользуется косметикой, 15% мужчин ответили, что это нормальное поведение и только 5% родителей (отцов и матерей) утверждают, что их ребенок не пользуется косметикой. На вопрос об организации деятельности дочери большинство (72,5%) матерей ответили, что следят за тем, как их дочь выполняет домашние задания. Десятая часть матерей обучает дочь бытовому труду, такое же количество женщин помогает девочкам с выполнением домашнего задания, только 7,5% матерей указали, что совместно выезжают на природу. Проанализировав ответы мужчин, мы выяснили, что 62,5% отцов любят совместно с детьми выезжать на природу. В отличие от матерей, только 22,5% отцов следят за тем, как их дочь выполняет домашнее задание, лишь 7,5% отцов помогают выполнять домашнее задание и остальные 7,5% отцов ответили, что их дочь самостоятельная и сама найдет себе занятие.

С учётом теоретических и эмпирических данных мы разработали и частично апробировали программу социально-психологического сопровождения родителей, воспитывающих девочек-подростков «Дружная семья».

Е.В. Никитенко (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К БРАКУ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Изучение проблемы психологической готовности к браку за последние годы приобрело особую актуальность. На протяжении длительного времени данный вопрос является предметом изучения различных научных дисциплин и синтезирует различные аспекты воспитания, прежде всего, нравственного, правового и физического, а также несёт в себе особый психологический смысл.

Подготовка молодых людей к предстоящей семейной жизни всегда была одной из главных задач общества, не менее важной, нежели подготовка к труду. Но эта проблема не стояла так остро, как сейчас. С одной стороны, налицо прогрессивная тенденция к индивидуализации любовных отношений, которые регулируются не столько материальным расчетом и внешними нормами, сколько собственными чувствами и установками любящих. С другой стороны, налицо угроза дегуманизации отношений между мужчиной и женщиной, рост сексуального отчуждения, нестабильности интимных отношений, превращение сексуальности в предмет массового потребления, лишённого подлинного человеческого тепла и интимности. Медико-педагогические исследования показывают, что наши юноши и девушки невежественны в элементарных вопросах, решение которых первоначально для семьи. Положение молодежи в обществе, тенденции и перспективы ее развития представляют для общества большой интерес и практическое значение, прежде всего потому, что именно они определяют его будущее. Тем не менее, исследование ценностных ориентаций молодых людей показывает, что семья остается основной ценностью для молодежи. При этом рассматривается как семья родителей, в которую они входят, так и их собственная будущая семья.

Молодые люди ищут в семье своих родителей поддержку и опору в процессе социализации, а свою будущую семью готовы строить на основе гуманистических и нравственных принципов, но испытывают при этом огромный недостаток в психологических знаниях и умениях.

В настоящее время отмечается значительное ослабление ранее установленных в обществе и закреплённых в сознании норм и стандартов поведения в семье. Значительно изменились и функциональные роли, типичные для мужчины-супруга и женщины-жены, имевшие место в прошлом. Брак и семья в представлении отдельных людей все больше становятся в

основном средством удовлетворения их потребностей в интимном и неформальном общении.

Существенным моментом психологической готовности молодого человека к вступлению в брак является его готовность не только к реализации потребности в близости с человеком другого пола, но и к осознанию значения своих действий, первым делом, в системе правовых норм, регулирующих брачно-семейные отношения. Таким образом, подготовка молодежи к семейной жизни, формирование адекватных представлений о семье является серьезной проблемой для современного общества, чем и объясняется актуальность выбора темы данной работы.

Теоретический анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что психологическая готовность к браку – это интегрированное психологическое образование, которое включает в себя устойчивую положительную мотивацию брака, актуализацию знаний, умений и навыков, а также личностных качеств семьянина, способность к эмпатическому пониманию партнера, конструктивному поведению в семье. Таким образом, формирование психологической готовности к браку – это сложный и динамичный процесс. Исходя из этого, наличие именно психологической готовности является очень важным условием при вступлении в брак и создании будущей семьи, однако в настоящее время не все молодые люди, в частности представители юношеского возраста, осознанно готовы к её созданию.

Таким образом, целью исследования является изучение половых особенностей психологической готовности к браку в юношеском возрасте. Для реализации поставленных задач использовались следующие психодиагностические методики: тест-карта оценки готовности к семейной жизни И.Ф. Юнда и методика «Психологическая готовность к семейной жизни».

Методика, разработанная И.Ф. Юндом, предназначена для изучения и определения готовности молодых людей к семейной жизни. Она позволяет выявить то, насколько у юношей и девушек развиты качества, необходимые для создания полноценной семьи. Методика показывает, насколько верны представления молодых людей о брачно-семейных отношениях и о культуре семьи в целом и насколько значимыми они являются на данном возрастном этапе. Чтобы определить готовность к семейной жизни, юношам и девушкам нужно выбрать в каждой из десяти предложенных в методике типичных ситуаций, по одному из трех вариантов верной, по их мнению, форме поведения в данной ситуации и подсчитать результаты в баллах по шкале оценок для каждого из трех вариантов поведения.

Методика «Психологическая готовность к семейной жизни» определяет особенности формирования определённого нравственного комплекса – готовность личности принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнёру, будущим детям. Также эта методика по-

звояет оценить подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству, умению разрешать конфликты конструктивным способом.

Данная методика выполнена в форме теста и содержит в себе 26 утверждений с тремя возможными вариантами ответов: «да», «нет» или «иногда». Выполнение сводится к следующему. Испытуемый должен выбрать один вариант ответа, наиболее характерный для него. Сумма баллов, набранная испытуемым, используется для вычисления коэффициента готовности (КГ) к вступлению в брак, который вычисляется по формуле: $КГ = (СБ : 52) \times 100\%$. Именно данный результат будет говорить о процентном соотношении готовности к браку.

В исследовании приняли участие 50 человек, учащиеся 11-х классов: из них 25 девушек и 25 юношей.

Результаты тест-карты оценки готовности к семейной жизни выявили следующую картину. Преобладающее большинство юношей (75%) имеют достаточный уровень готовности к семейной жизни, что говорит о высокой степени осознанности молодыми людьми особенностей брачно-семейных отношений. Удовлетворительная подготовленность к семейной жизни была выявлена у 25% юношей. Достаточный уровень подготовленности к семейной жизни наблюдается у 82,6 % девушек, а удовлетворительный – у 17,4%.

Анализ результатов методики «Психологическая готовность к семейной жизни» позволяет сделать следующие выводы. Частичная готовность молодых людей к вступлению в брак составляет 87,5%, в свою очередь, 12,5% юношей являются готовыми к браку, что говорит о способности личности брать на себя ответственность по отношению к своему брачному партнёру и будущим детям, о высокой личностной зрелости и нравственности, высокой эстетической культуре чувств и поведения личности в целом. Преобладающее большинство девушек (87%) обладают частичной готовностью к вступлению в брак, что указывает на высокую или среднюю готовность личности к построению зрелых супружеских взаимоотношений, а также на готовность воспитывать детей. В свою очередь, полная готовность к семейной жизни была выражена у 13% девушек.

Сравнив полученные в ходе проведённого эмпирического исследования результаты, выяснилось, что большинство юношей и девушек обладают набором личностных качеств, необходимых для создания семьи, но в то же время психологическая готовность принять на себя ответственность за поддержание отношений с партнером, будущими детьми отмечается достаточно у небольшого количества респондентов. На наш взгляд, объяснение такого несоответствия связано с тем, что знакомое не стало внутренним убеждением, ценностью для молодых людей. Что касается половых различий психологической готовности к браку, то достаточный уровень готовности к

семейной жизни был более выражен у девушек, в то время как у юношей преобладала частичная готовность к браку.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности разработки психолого-педагогической программы, а также предложений для оптимизации подготовки молодёжи к браку и семейной жизни.

А.В. Подшиблова (Научный руководитель А.В. Сацук)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ МЕЖДУ СУПРУГАМИ В СЕМЬЯХ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

Проблемы семьи всегда были в центре внимания многих исследователей, в том числе и социальных психологов. В этой тематике накоплен богатый теоретический материал и описание его практического использования. В то же время большинство исследователей практически не учитывают такую базовую характеристику, как стаж брака, оказывающую влияние на различные внутрисемейные и внесемейные процессы.

В последние годы, как отмечают многие исследователи, в развитии института семьи наблюдается ряд негативных явлений: растёт число одиноких людей, увеличивается число разводов и неполных семей и т.д. Актуальность исследования динамики семейных отношений связана не только с тем, что психологическая близость супругов значительно изменяется в ходе развития семьи, но и с тем, что эти изменения носят закономерный и предсказуемый, а не случайный характер. Все это требует более глубокого понимания процессов, происходящих в современной семье с целью использования этих знаний на практике для оптимизации межличностных отношений в семьях (например, при оказании консультативной помощи либо при подготовке молодёжи к браку). Эффективная помощь семьям невозможна без четкой картины изменений, происходящих во взаимоотношениях супругов в ходе их совместной жизни.

Супружеские отношения не являются застывшим конструктом, каждый этап супружеской жизни определяет свою специфику супружеских отношений. Само понятие психологической близости является сложным конструктом и связано с характеристиками доверия, открытости, свободы и времени. Важно отметить, что близость не имеет четкого финала, ее необходимо выстраивать непрерывно, следовательно, необходим постоянный активный интерес к партнеру и усилия для его изучения.

Наше исследование было направлено на изучение особенностей психологической близости между супругами в семьях с различным стажем

супружеской жизни. В ходе исследования было опрошено 45 семейных пар, стаж супружеской жизни которых составил от 2 до 42 лет.

Исходя из полученных результатов тест-опросника удовлетворенности браком (ОУБ), разработанного В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, можно сделать вывод о том, что максимальной степени удовлетворенности и благополучия в браке супруги достигают в начале семейной жизни, а конкретнее в первые 5–6 лет, а также после 20 лет супружеского стажа. Можно предположить, что в начале семейной жизни высокая степень благополучия в браке обусловлена стремлением супругов познавать друг друга, учиться на ошибках, желанием изменяться, прислушиваться к мнению другого и т.д. В старшем возрасте такой высокий уровень благополучия отчасти объясняется продолжительностью совместной жизни. Супруги уже изучили ценности, приоритеты, интересы, пристрастия друг друга и т.д., что дает им возможность организовать все сферы семейной жизни, учитывая и не ущемляя интересы друг друга. Важно отметить, что в большинстве случаев женщины оценивают степень благополучия брака выше, чем их мужья, что может указывать на то, что у мужчин более высокие требования к супружеству.

Анализируя полученные данные по методике А.А. Кроника «Динамика психологической близости в супружеской паре», можно отметить несколько важных аспектов:

1. Оценка психологической близости супругами в своей паре различается в зависимости от стажа супружеской жизни: молодые супружеские пары после отметки «свадьба» продолжают график вверх, т.е. воспринимают свои отношения как сближающиеся, большинство же семей с более продолжительным супружеским стажем сразу после свадьбы чертят резкий изгиб вниз, что указывает на то, что такие пары более критично оценивают свой прошлый опыт в построении отношений с супругом.

2. В оценке динамики психологической близости в своей супружеской паре обнаружены гендерные различия: мужчины более реалистично оценивают перспективу развития отношений, в то время как женщины склонны продлевать график в сторону улучшения вне зависимости от реально предполагаемого развития отношений. Т.е. мужчины отображают реально прогнозируемый образ будущих отношений, а женщины – желаемый, что выражается и в устных комментариях, в которых женщины констатируют ухудшение отношений, однако выражают нежелание изображать это на графике. Возможно, это может указывать на неприятие действительности, избегание, нежелание реагировать на происходящее либо, наоборот, такое видение будущего определяет большую готовность и расположенность женщин к сохранению семьи, укреплению отношений с супругом.

3. Мужчины чаще отражают общий вид изменения отношений (в сторону увеличения либо в сторону снижения близости), избегая указания либо обсуждения деталей, динамики и перемен в отношениях. Женщины рисуют все изменения, комментируют их по ходу выполнения заданий.

По результатам данной методики можно выделить 3 основных этапа в супружеских отношениях: начальный этап (от знакомства до свадьбы), который характеризуется повышением психологической близости; следующий этап наступает через 5–6 лет совместной жизни и отличается ухудшением в отношениях, снижением удовлетворенностью браком. О наступлении третьего этапа свидетельствует повышение уровня близости между супругами.

Оценка психологической близости в собственной семье также связана со стажем супружеской жизни и соответствующим этапом развития отношений. Среди молодых семей наблюдается тенденция переоценивать свои возможности и недооценивать возможные трудности в семейной жизни. Семьи, находящиеся на этапе снижения близости, часто не видят выхода и не верят в то, что отношения могут измениться в лучшую сторону. Этап восстановления близости позволяет объективно оценивать прошлое и строить реалистичные планы на будущее.

Результаты изучения аспектов взаимодействия между супругами через совместное обсуждение «10 законов семейной жизни», которые описал Г. Клауд, доказывают, что наибольшую сплоченность и близость демонстрируют в основном молодые супруги и семьи со стажем более 20 лет, что подтверждают данные других методик. Однако важно отметить, что выявлены семьи, супружеский стаж которых составляет от 5 до 20 лет (т.е. этап снижения близости), умеющие быстро приходить к общему мнению, понимающие друг друга, уважающие точку зрения супруга, а следовательно, можно говорить о том, что стаж супружеской жизни – это не единственный фактор, определяющий степень психологической близости. Этот аспект требует дальнейшего более глубокого изучения и исследования.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующий вывод: общий вид благополучия или неблагополучия семей в соответствии с супружеским стажем имеет U-образную форму, т.е. степень психологической близости между супругами достигает максимальных значений в первые годы и после 20 лет совместной жизни.

С.А. Преснякова (Научный руководитель Е.Л. Малиновский)
Минск, БГПУ имени М. Танка, Беларусь

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В МОДЕЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Метакоммуникация представляет собой следование, стиль общения, а также систему превращения образовательного процесса в инструмент опосредованной связи между двумя и более индивидами на основе взаимопонимания с последующим изменением собственного поведения (коммутиация). Значение метакоммуникации для будущих специалистов-психологов, прежде всего в том, что она является главным источником подкрепления либо усвоения модели взаимоотношений через имитацию поведения других людей, прежде всего значимых других (Ч. Кули, Дж. Мид, А. Бандура) в ходе символической интеракции. В области теории обратной связи превалирует гипотеза зеркального, идеального и реального «Я». С феноменологической точки зрения важно то, как индивид субъективно интерпретирует значение обратной связи. Родители, осуществляющие обратную связь, оказывают влияние на развитие Я-концепции индивида. Под термином «значимые другие» понимаются также лица, которые важны для студента вследствие того, что он чувствует их способность оказывать опосредствованное влияние на его жизнь. Исследования Г.М. Андреевой, В.Н. Дружинина, Л.Г. Лысюк, В.М. Целуйко и др. подтверждают значимость метакоммуникативного источника информации для образовывающегося субъекта. Условия семейного консультирования (Л.Г. Лысюк, 2002) характеризуются организацией метакоммуникации как комментария по поводу сигналов, помогающих правильно понять контекст сообщения. С привлечением эксплицитных и метакогнитивных репрезентаций возникают яркие представления, что их влияние на поведение может осуществляться при его контроле.

Наше наблюдение семейных отношений фиксирует подобные качественные показатели в ходе образовательного процесса. Например, грустную улыбку у студентов вызвало замечание пятилетнего Никиты, который во время прогулки обнаружил лежащего под забором мужчину: «Мама, смотри, вон ничейный папа валяется». Ответной реакции на независимые метакоммуникативные характеристики послужило наше наблюдение сцены «конвоирования» анонимной мамой своего трёхлетнего ребенка в детский сад холодным зимним утром: «Иди скорее, сколько можно тебя подгонять». Надзирательский, не терпящий возражений тон в направлении понуро плетущегося перед ней ребенка вызывает боль и отчаяние от не-

возможности поддержать маленького человека хотя бы жестом протянутой к нему руки.

Целью нашего исследования является определение уровневых показателей обратной связи во взаимоотношениях. Объект исследования – обратная связь как условие построения конгруэнтных отношений. Предметом исследования – моделирование обратной связи при изучении психологических дисциплин вследствие уменьшения «астигматичности осознания» (М. Кемплер, 1995). В исследовании применялись анкетирование, анализ продуктов деятельности, субтесты «История с завершением», «История с дополнением». В исследовании приняли участие 54 студента первого и четвертого курсов психологического факультета БГПУ им. М. Танка, специализирующихся по психологии семейных взаимоотношений. Моделирование обратной связи осуществлялось на занятиях по «Психологии религии и духовности», предусматривающих анализ влияния семейных взаимоотношений на формирование самосознания личности. Для получения обратной связи каждое занятие завершалось вербальным и образным выражением его личностного смысла. Вербальное сопровождение раскрывали вопросы: «Чем меня заинтересовало содержание занятия?»; «С чем я не согласен?»; «Какие ассоциации вызвало содержание?». Подтверждением вербального высказывания выступал образ, который являлся конгруэнтным завершением оценки. Заключительное эссе и анкетирование подтвердило уменьшение астигматичности осознания: указание на обратную связь как обязательное условие развития отношений и личности было в подавляющем большинстве работ – 88% респондентов. Анкетирование показало увеличение количества студентов с высоким уровнем обратной связи до 21%, и только 8% респондентов продемонстрировало её низкий уровень. Увеличение показателей обратной связи сопровождалось сложностью при построении сообщений в образной форме. Вербальные сообщения первокурсников отражали незначительную степень осмысления утверждений, типа «Всё отлично», «Познавательно», свидетельствуя о формальной, закрытой коммуникации. Сообщения студентов четвертого курса содержали аффективную окраску: «Интересно было бы прочитать работу Винникота», «Бежим, летим, а всё на месте, ноги из глины, крылья из жести». Исследование свидетельствует о моделирующем значении образовательных метакоммуникаций в формировании психологической культуры, которая строится с помощью эксплицитных и метакогнитивных репрезентаций.

М.В. Стреж (Научный руководитель Т.В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМАНСИПАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Юношеский период является одним из самых напряженных и противоречивых этапов личностного развития человека. Период юности характеризуется наличием кризиса, суть которого в разрыве, расхождении образовательной системы и системы взросления. Кризис возникает на рубеже школьной и новой взрослой жизни. Юноши стремятся к обретению собственной идентичности. Центральной проблемой становится нахождение молодым человеком индивидуального отношения к своей культуре, к социальной реальности, к своему времени, авторство в становлении своих способностей, в становлении своего собственного взгляда на жизнь. Этот мотив пристрастного и неустанного рассекречивания собственной самости, переживание чувств утраты прежних ценностей, представлений, интересов и связанное с этим разочарование и позволяет квалифицировать этот период как критический.

Одним из проявлений кризиса юношеского возраста является реакция эмансипации – стремление юноши освободиться от опеки, контроля и покровительства старших. Противоречивый характер отношений в семье проявляется, с одной стороны, в экономической, эмоциональной и нормативной зависимости от родителей, а с другой стороны – в желании получить самостоятельность, потребность в независимости (которая, впрочем, не является абсолютной и всесторонней). Такое противоречие обнаруживает себя в реакции эмансипации – стремлении юноши освободиться от опеки, контроля и покровительства старших. Именно поэтому реальные взаимоотношения юношей и девушек с родителями обременены конфликтами. Отчасти дело заключается в том, что взрослые не желают замечать изменения внутреннего мира подростка и юноши. Изменения, происходящие с подростком и юношей, часто совершаются слишком быстро для родительского глаза и родители не успевают перестроиться, продолжая воспринимать своего ребенка таким, каким он был несколько лет назад, причем собственное мнение им кажется непогрешимым.

Выделяют следующие виды эмансипации юношей: эмоциональная – стремление к большей эмоциональной близости не с родителями, а со сверстниками (возможно, противоположного пола); поведенческая – предполагает обретение независимости и свободы в той мере, чтобы действовать самостоятельно, стремление освободиться от контроля со стороны ро-

дителей; нормативная – стремление отвергнуть нормы и ценности, которых придерживаются родители.

Целью нашего исследования стало изучение представлений юношей и девушек об особенностях их взаимоотношений с родителями. Юношам и девушкам, учащимся старших классов средних школ, предлагалось письменно ответить на следующие вопросы: «По каким поводам Вы чаще всего конфликтуете с родителями?»; «Как поведут себя Ваши родители, если Вы что-то сделаете без их ведома?»; «К кому Вы обращаетесь за помощью?»; «Чего Вам не хватает в отношениях с родителями?»; «Какой вид свободы и независимости Вы предпочитаете?»; «Взрослость» для Вас это...»; «Если бы у Вас была такая возможность, что бы Вы изменили в Ваших взаимоотношениях с родителями?»; «За что Вы можете поблагодарить Ваших родителей?». В исследовании приняли участие 34 старших школьника: 17 юношей и 17 девушек.

Анализ ответов испытуемых показал, что наиболее конфликтной сферой взаимоотношений юношей с родителями является поведение юношей и девушек. Относительного понимания со стороны родителей старшие школьники достигли в сфере внешнего вида, финансовых и бытовых вопросах. Остальные сферы, такие как друзья и противоположный пол, профессиональное самоопределение являются также зонами разногласия, при этом юноши чаще, чем девушки, указывают на непонимание со стороны родителей. Возникшие с родителями разногласия все респонденты как правило преодолевают с помощью беседы с ними, в которой они стараются убедить родителей в своей правоте. При этом половина опрошенных девушек часто прибегает к методу выжидания, а юноши – к активному отстаиванию своих позиций.

Большинство юношей и девушек считают, что родители им доверяют, поэтому они могут принимать собственные решения, которые могут быть не всегда согласованы с родителями. Однако третья часть девушек боятся подвергнуться осуждению и столкнуться с неудовольствием родителей, если они что-то предпримут без их ведома.

При возникновении жизненных трудностей абсолютное большинство как юношей, так и девушек обратятся за помощью, в первую очередь, к своим друзьям и сиблингам. Также почти все девушки и большая часть юношей указали, что они будут искать помощи и у родителей, если в этом будет необходимость.

Большинство юношей и девушек оценили свои взаимоотношения с родителями как нормальные и полностью их устраивающие. Но четвертая часть испытуемых указала, что им не хватает понимания, поддержки и вежливости в отношениях со стороны родителей.

Характеризуя позицию родителей по отношению к возможности юношей и девушек быть самостоятельными и независимыми, половина девушек указали, что их родители способствуют воспитанию у них относительной самостоятельности и ответственности, а также уважают образ жизни своих детей. Около половины юношей также считают, что родители стремятся подтолкнуть их к принятию самостоятельных решений и готовы совместно решать возникшие семейные вопросы. Но значительное количество юношей и некоторые девушки отметили, что родители не хотят «отпускать» своих детей и стремятся подчинить их жизнь своим представлениям. Большинство опрошенных юношей и девушек стремятся обрести независимость от родителей, чтобы самостоятельно принимать решения и нести ответственность за свои поступки, а также освободиться от контроля родителей. Показательно, что, характеризуя взрослость, юноши и девушки в первую очередь указывали на возможность свободы выбора и действий как на атрибут взрослости. Кроме этого, в понятие взрослости у юношей входит наличие своей линии поведения, собственных взглядов и способность отстаивать свою точку зрения.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что у большинства современных юношей и девушек в целом обнаруживается поведенческий и эмоциональный виды эмансипации. При этом стремление к эмансипации имеет некоторые гендерные различия. В данном возрасте большое значение для всех юношей и девушек имеют сверстники, с которыми они общаются. Но для девушек родители играют не менее значимую роль, что обнаруживает их незащищенность, несостоятельность, недостаточность сил для преодоления трудностей или противостояния другому человеку. Поэтому при решении возникающих проблем в отношениях с родителями девушки имеют более деликатный или пассивный подход, нежели юноши, и стремятся сохранить эмоциональную близость и ценностное единство с родителями, чтобы всегда чувствовать их защиту и поддержку. Юноши занимают более активную и агрессивную позицию в стремлении к эмансипации, проявляя это демонстрацией своей линии поведения, отстаиванием своей точки зрения и отвержением норм и ценностей, которыми живут родители.

Выявленные нами особенности эмансипации современных юношей и девушек позволяют говорить о том, что юноши и девушки, а также их родители зачастую нуждаются в психологической помощи, чтобы конструктивно преодолеть тупик взаимоотношений, в котором они оказываются из-за незрелости личности юношей и неготовности развивать отношения в соответствии с меняющимися возможностями и потребностями юношей со стороны родителей.

І.М. Ярошук (Науковий керівник Д.Т. Гошовська)

Луцьк, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, Україна

ТЕОРЕТИКО-ЕМПІРИЧНИЙ АНАЛІЗ ВПЛИВУ СІМЕЙНИХ КОНФЛІКТІВ НА ФОРМУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ ПІДЛІТКІВ

Сім'я – це модель групи, що складає біологічну цілісність, сумісність поведінкового, емоційного і когнітивного рівнів, яка регулює не лише стійкість шлюбу, але й визначає формування особистості і забезпечує задоволеність партнерів.

Одним з основних факторів, що призводять до дисгармонії взаєморозуміння у родині є конфлікти. Вони ведуть до сильної психічної травми заці особистості дитини, та є сприятливим джерелом для формування в неї таких особистісних рис, як тривожність, емоційна нестабільність, невпевненість у собі, злість, зниження самооцінки, байдуже ставлення до оточення, замкнутість. Підлітки стають неспроможними до самопізнання, стає неможливим подальший розвиток здорової психіки дитини, виникає агресивна поведінка, створюється негативне ставлення дитини до своєї майбутньої сім'ї.

Актуальність проблеми визначається сукупністю факторів, що зумовлені соціальною ситуацією, яка склалася і найважче відображається на дітях, та на оцінці психології особистості, вивчення індивідуальних рис окремого члена сім'ї. На необхідність вивчення конфліктів в педагогічному процесі та сімейних конфліктів неодноразово вказували науковці В.М. Бехтерев, П.П. Блонський, О.Р. Лурія, В.М. Мясіщев, С.Т. Шацький та інші, які вважали, що міжособистісний конфлікт психологічно переноситься дітьми важко та болісно, особливо якщо вони були його безпосередніми учасниками.

Методологічну та теоретичну основу дослідження склали основні теоретичні концепції психологічної науки про закономірності психічного й особистісного розвитку (Г.С. Костюк, С.Д. Максименко, А. Маслоу, К. Роджерс), про значення і роль психологічного консультування і психотерапії у розв'язанні сімейних конфліктів (Л.Ф. Бурлачук, Б.Й. Хасан, Б.Г. Херсонський).

Сімейні відносини є основою для формування здорової особистості підлітка. Руйнування гармонії у сім'ї дуже сильно впливає на розвиток психіки дитини, адже може стати причиною тривожності, емоційної нестабільності, невпевненості у собі, зниження самооцінки, байдужості до оточення, замкнутості, неспроможності до самопізнання, злості і агресивного ставлення до соціального оточення.

Конфлікти частіше виникають через незадоволення потреб подружжя. Зазвичай причиною виникнення подружніх конфліктів може стати психосексуальна несумісність подружжя, незадоволення потреби в значимості свого «Я», неповага почуття гідності з боку партнера, незадоволення потреби в позитивних емоціях: відсутність ласки, турботи, уваги і розуміння, пристрасть одного з подружжя до надмірного задоволення своїх потреб (алкоголь, наркотики, фінансові витрати тільки на себе і т.д.), незадоволення потреби у взаємодопомозі і взаєморозумінні.

Результати емпіричного дослідження. Вибірку склали 32 учні 7-го класу, 16 хлопчиків і 16 дівчаток, вік 13 років (підлітки) Володимир-Волинської загальноосвітньої школи I-III ступенів.

В якості діагностичного інструментарію, в данному дослідженні були використані: шкала сімейного оточення (ШСО), адаптована С.Ю. Купріяновим; тест «Діагностика рівня конфліктності особистості», методика «Діагностика рівня емоційного «вигорання»» (В.В. Бойко), адаптована для підлітків Л.В. Кондрацькою; опитувальник «Аналіз сімейного виховання».

Аналіз результатів дослідження дозволяє стверджувати, що сім'я як форма мікродовкілля є вагомим чинником руйнації ідентичності. Наявність сімейних конфліктів підтвердило 94% досліджуваних і лише 6% вказали на їх відсутність (рис.1).

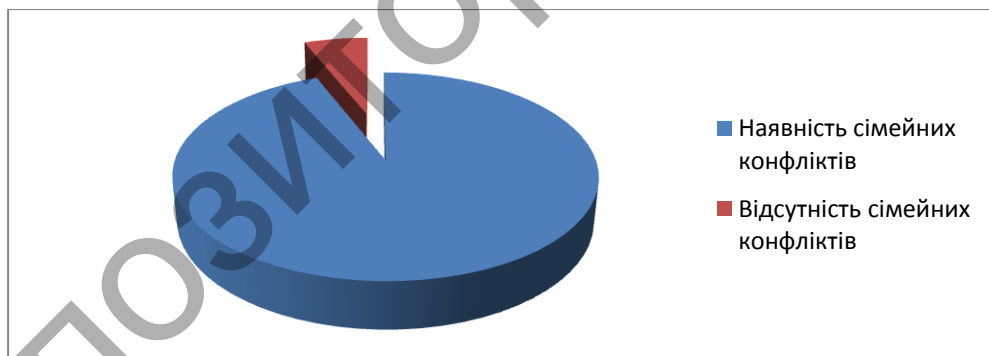

Рисунок 1 – Наявність сімейних конфліктів

На думку 77,9% дітей їх виводять з рівноваги сварки між батьками. Найчастіше причиною конфліктів у сімейному колі для 31,8% респондентів є несумісність характерів, нестриманість – 10%, імпульсивність у розмові – для 36,5%, емоційна нестійкість – 21,7%. Причому 47,6% опитуваних, співіснуючи в таких конфліктних сім'ях, не поступаються батькам у суперечках, уперто відстоюють свою думку.

Психологічні особливості переживання підлітками конфлікту між батьками: під час конфлікту відчувають роздратованість 50% опитуваних, обурення – 37,5%, злість – 30%, гнів – 25%, пригніченість – 22,5%, від-

чай – 20%, образа – 15%, страх – 12,5%. Не впливає конфліктна ситуація – 10% опитаних, а задоволення отримують 5%. А 17,5% респондентів відповіли, що продовжують ще деякий час гніватися всередині навіть після зняття конфліктної ситуації.

Результати дослідження дозволяють стверджувати, що у сімейних стосунках у дітей переважає амбівалентне ставлення до батьків. Це проявляється у їхньому прагненні до довірливого спілкування на рівних, в отриманні психологічної підтримки, порад і водночас у підвищеному емоційному неприйнятті своєї залежності, що почасти є причиною поведінкового негативізму.

СЕКЦИЯ № 4 **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ** **И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

***В.В. Васюта** (Научный руководитель Е.Д. Мишина)*
Гродно, ГрГМУ, Беларусь

НАЧАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ– **МЕДИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Современная научная психология 21 века предлагает широкий спектр возможностей, позволяющих изучать различные отрасли деятельности человека. Категориальное значение понятия «деятельность» приобретает специфическую окраску, в зависимости от постановки целей и задач. К человеку как к субъекту деятельности предъявляется ряд новых требований, способствующих качественному освоению определенных умений и навыков, реализующихся как непосредственный результат действий, составляющий компетентность специалиста. Компетентность специалистов в медицинской сфере является проблемным и востребованным направлением психологического исследования.

Традиционно медицину считают консервативной отраслью знаний человека, так как деятельность специалиста четко регламентирована и должна укладываться в определенные стандартизированные рамки, например, сроки лечения, определенный набор манипуляций, перечень рекомендуемых препаратов и т.д. Каждый человек, обратившись к врачу за помощью, фактически передает свое здоровье и себя самого в руки профессионала, который должен принимать решение о подходе, методе лечения не только исходя из знаний и умений, но и индивидуальных особенностей самого пациента. Только в этом случае возможно достижение максимальных

результатов выздоровления и повышения уровня здоровья человека в целом. Компетентность специалиста в медицинской практике, в свою очередь, зависит не только от средств и методов обучения будущего специалиста либо места и формы работы уже практикующего врача, но и от его готовности к профессиональной деятельности.

Вопрос о готовности специалистов медицинской сферы к своей профессиональной деятельности на данный момент является наиболее актуальным. Готовность специалиста, как правило, заключается в его компетентности, которая основывается не только на базовых знаниях, умениях, навыках, но и особенностях функционирования личностной сферы специалиста.

На основании вышеизложенного было подготовлено проведение исследования, направленного на изучение личностной компетенции специалиста в области медицины. В данной статье приводятся результаты первого этапа исследования.

Настоящее исследование является актуальным, так как современная медицина быстро развивается, появляются новые методы и подходы в лечении. Новейшие технологические разработки позволяют модернизировать профессиональную деятельность врача и помогают достичь адекватного успеха в процессе лечения и диагностики пациентов. Быстро меняющаяся медицинская наука требует от настоящих и будущих специалистов наличия гибкого мышления, точного восприятия, эмоциональной стабильности, а также наличия актуализированных многофункциональных способностей, помогающих профессионалам качественно адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности и сохранять стабильные профессиональные знания, что максимально востребовано потребителями медицинских услуг – пациентами.

Целью настоящего исследования является изучение готовности студентов медицинского университета к врачебной деятельности. Исследователями были поставлены следующие задачи: определить уровень социальной эмпатии, уровень коммуникативной толерантности, а также выявить показатели принятия других у студентов-медиков.

В исследовании приняли участие студенты медицинского вуза 1 курса. Общее количество испытуемых составило 96 человек, из них 34 – юноши и 62 девушки. Испытуемые находились в возрастном диапазоне от 17-ти до 23-х лет. Группы формировались с учетом ряда средовых особенностей, позволяющих сохранить репрезентативность выборки. Для решения поставленных задач был использован следующий набор психодиагностических методик: «Диагностика социальной эмпатии», «Диагностика коммуникативной толерантности (В.В. Бойко)», «Диагностика принятия других (по шкале Фейя)».

После проведения психодиагностического исследования были получены следующие данные: юноши продемонстрировали низкий уровень социальной эмпатии (65%) и средний уровень социальной эмпатии (35%). Девушки продемонстрировали высокий уровень эмпатии (9%), средний (48%) и низкий (43%).

Данные по определению коммуникативной толерантности распределились следующим образом: все юноши склонны проявлять средний уровень коммуникативной толерантности, у 46% девушек – высокий уровень коммуникативной толерантности, у 54% – средний уровень.

При исследовании принятия других установлено, что у 6% юношей данный показатель находится на среднем уровне, у 94% испытуемых на низком уровне. Девушки характеризуются показателями принятия других на среднем уровне (42%) и низком уровне (58%).

Общие показатели по искомым критериям следующие: социальная эмпатия – средний уровень, коммуникативная толерантность – средний уровень, принятие других – низкий уровень.

На основании полученных данных можно предположить, что у студентов-медиков 1 курса преобладает средний уровень эмпатии. Данный факт может указывать на затрудненное понимание других людей и способность оказывать эмоциональную поддержку в связи с возможной ошибочностью в интерпретации чувств и переживаний. В свою очередь, средний уровень коммуникативной толерантности свидетельствует о некоторой степени терпимости студентов-первокурсников к окружающим, их проблемам, но возникает трудность в принятии проблем других людей и определении уровня значимости проблемы в возникших ситуациях.

В заключение необходимо отметить, что качественный рабочий альянс «врач – пациент» в подобных условиях невозможен. Но подчеркнем, что в исследовании принимали участие студенты первого курса медицинского университета, которые только приступили к постижению медицинской профессии, поэтому позитивные изменения возможны, так как университетская среда призвана формировать компетентного специалиста в своей области.

Настоящее исследование является не законченным, исследователям предстоит установить уровень эмпатии, коммуникативной толерантности и показатели принятия других у студентов старших курсов, о чем будет изложено в последующих статьях.

О.В. Голубцова (Научный руководитель Э.В. Котлярова)
Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

В современной системе высшего образования Республики Беларусь экспорт образовательных услуг становится одним из приоритетных направлений. Это связано с повышением конкурентоспособности образовательных учреждений на международном рынке, с экономической выгодой как учреждения образования, так и образовательной политики страны. В этих условиях важной задачей для системы высшего образования является обучение иностранных студентов и создание необходимой материальной, научной и учебно-методической базы. Ключевым аспектом в решении данной задачи становится адаптация иностранных студентов к новой социокультурной среде, условиям учебно-профессиональной деятельности, во многом определяющая успешность их обучения. В связи с этим актуализируется проблема социально-психологической адаптации иностранных студентов к обучению в вузе.

Целью нашей работы является рассмотрение видов адаптации иностранных студентов, а также факторов, способствующих их успешному приспособлению к изменившимся условиям социокультурной среды.

В настоящее время различают физиологическую, психологическую и социальную адаптацию. Под физиологической адаптацией понимается совокупность физиологических реакций, лежащая в основе приспособления организма к изменению окружающих условий и направленная на сохранение относительного постоянства его внутренней среды. Сложности данного вида адаптации могут проявляться в повышенном реагировании на любые нагрузки, ухудшении самочувствия или возобновлении старых заболеваний.

Психологическая адаптация определяется активностью личности, что способствует отсутствию или низкому уровню тревожности и высокому уровню самооценки.

Социальная адаптация – такой вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого осуществляется согласование требований и ожиданий социальных субъектов с их возможностями и реальностью социальной среды. Механизм адаптации, складывающийся в ходе социализации как основа поведения и деятельности личности, носит одновременно адаптивный и адаптирующий характер.

Также выделяют социально-профессиональную адаптацию в связи с тем, что учение является специфической формой индивидуальной активности, вызывающей поведенческие изменения. Причины, определяющие

уровень адаптации иностранных студентов, условно разделяют на объективные, которые обусловлены учебной деятельностью и условиями жизни в новых условиях; объективно-субъективные (слабые навыки самостоятельной работы и самоконтроля и т.д.) и субъективные (нежелание учиться, застенчивость и т.п.).

Процесс адаптации личности к изменениям окружающей среды обусловлен внутриспсихическими и средовыми факторами, при этом адаптированность определяется двумя положениями. Во-первых, личность принимает социальные ожидания, с которыми сталкивается в обществе, отвечает им. Во-вторых, личность проявляет «гибкость» по отношению к изменившейся среде, сохраняя способность придавать событиям желательное для себя направление. В процессе адаптации личность может приобретать профессиональные знания, умения, навыки и адаптироваться в сфере личных взаимоотношений, где важную роль играют эмоциональные связи между людьми.

Выделяют три основных типа адаптации иностранных студентов:

1) иностранный студент, попадая в новую социокультурную среду, полностью принимает обычаи, традиции, нормы, ценности и т. п., которые постепенно начинают доминировать над первоначальными этническими чертами;

2) происходит частичное восприятие новой социокультурной среды, которое проявляется в принятии норм общества, но при этом сохраняются основные этнические черты посредством образования этнических групп;

3) происходит отказ или уклонение от принятия культурных норм и ценностей, характерных для большинства представителей социального окружения.

В контексте адаптации личности важным является рассмотрение критериев социально зрелой личности: 1) способность понимать условия, проблемы и требования окружения; 2) наличие знаний и умений, соответствующих требованиям среды; 3) осознание сопричастности и солидарности с обществом, в котором живешь, ответственности за существующий порядок; 4) умение контролировать свои потребности и исполнять принятые на себя социальные роли.

В процессе адаптации личности происходит формирование или изменение социальных качеств субъекта под воздействием новой окружающей среды. Элементами, формирующими социальные качества человека, являются цель его деятельности; занимаемые социальные статусы и выполняемые социальные роли; ожидания в отношении этих статусов и ролей; нормы и ценности, которыми он руководствуется в процессе выполнения деятельности; используемую систему знаков; совокупность знаний;

социально-психологические особенности; активность и степень самостоятельности в принятии решений.

Необходимо отметить, что адаптация иностранных студентов – это многоаспектный процесс, включающий приспособление к новой социокультурной среде, приспособление к новым климатическим условиям, к новой системе образования, к новому языку общения, к культуре новой страны и т.д.

Таким образом, основное число иностранных студентов сталкивается с определенными трудностями, которые носят физиологический и социально-психологический характер. Социально-психологическая адаптация включает приспособление личности к социальным проблемным ситуациям, привыкание индивида к новым условиям внешней среды с затратой определенных сил, взаимное приспособление индивида и среды. Показателями успешного прохождения процесса адаптации могут являться положительные эмоции в отношениях с окружающими, удовлетворительное самочувствие и ощущение душевного комфорта.

Т.В. Горох (Научный руководитель Е.А. Бай)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Медицинская деятельность имеет ряд специфических особенностей и ее успешность определяется не только и не столько собственно профессиональными знаниями и навыками, сколько умениями реализовать их в своей деятельности за счет развития профессиональных качеств личности. Одним из наиболее важных личностно-профессиональных качеств медицинского работника является умение сопереживать и понимать эмоциональные состояния как больных, так и здоровых людей, то есть эмпатия. Больные ждут от медицинского персонала сочувствия, заботливости, что требует проявления эмпатийности, поэтому роль эмпатии в профессиональной деятельности трудно переоценить.

В отечественной и зарубежной литературе феномен эмпатии рассматривался с позиции взаимоотношения врача и больного (В.А. Ташлыков, 1978; Е. Бажин, 1980; Н.А. Аминов, 1992 и др.), изучались основные виды эмпатии (В.В. Ковалев, 1979; Т.П. Гаврилова, 1981; А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, 1985;), этапы ее развития (И.А. Васильев, 1976; В.В. Бойко, 1996), а также функции и механизмы эмпатии (А.Д. Бодалев, Т.Р. Каштанова, 1975; И.М. Юсупов, 1991; В.В. Бойко, 1996 и др.).

Согласно К. Роджерсу, эмпатия является не состоянием, а скорей процессом, суть которого заключается во вхождении в личностный мир другого и пребывание в нем «как дома», при постоянной чувствительности к его изменяющимся переживаниям. Полный эмпатический процесс включает в себя сопереживание, сочувствие и содействие.

В настоящее время общепризнан тот факт, что внешние проявления сочувствующего, заботливого отношения со стороны профессионалов в здравоохранении по отношению к тем, кого они лечат, положительно сказываются на улучшении здоровья пациентов. Это уменьшает состояние тревоги и позволяет пациентам справиться с болью и страданиями, с которыми им приходится сталкиваться в ходе пребывания в больнице (Арнольд и Боггс, Кэрис-Ферхаллен и др.).

Актуальность данной работы определяется практической потребностью внедрения в профессиональную медицинскую деятельность программ по развитию эмпатии как профессионально-важного качества медицинской сестры.

С целью исследования уровня эмпатии у медицинских сестер терапевтического профиля на базе учреждения здравоохранения г. Бреста было проведено исследование. В исследовании приняли участие 30 медицинских сестер в возрасте от 22 до 53 лет, со стажем работы от 1,5 до 35 лет.

Для достижения поставленной цели были применены методики диагностики эмпатических способностей В.В. Бойко и И.М. Юсупова.

Результаты эмпирического исследования по методике В.В. Бойко показали, что высокий уровень эмпатии в обследуемой выборке не зафиксирован вообще. Средний уровень эмпатии выявлен у 10% респондентов, заниженный – у 50% и очень низкий – у 40% испытуемых.

С помощью методики И.М. Юсупова были получены следующие результаты: очень высокий, высокий и очень низкий уровни эмпатии не выявлены; нормальный уровень зафиксирован у 60% респондентов, низкий – у 40%. Полученные данные по 2 методикам отличаются, так как методика И.М. Юсупова характеризуется большим диапазоном показателей.

Далее мы проанализировали влияние возраста, стажа работы, образования, семейного положения, наличия детей на уровень эмпатии медицинских сестер терапевтического профиля.

Как следует из полученных данных более эмпатичны респонденты в возрасте от 43 до 53 лет, со стажем работы в медицине более 10 лет, а также состоящие в браке и имеющие детей. Вероятно, это связано с большим жизненным опытом респондентов, а также почти все испытуемые в этой группе имеют семью и детей, что является источником развития личности, а следовательно, и эмпатических способностей.

Менее эмпатичны респонденты молодого возраста от 22 до 31 года, со стажем работы менее 5 лет. Вероятно, респонденты не знают, как реагировать на боль и страдания людей в условиях лечебного учреждения, что снижает эффективность эмпатического восприятия и эмоциональную отзывчивость. Но судя по тому, что «проникающая» способность у них выше, чем в других возрастных группах, можно предположить, что при правильной направленности будет происходить формирование эмпатии. Нельзя не учитывать и того, что медицинские работники, постоянно сталкивающиеся со страданием людей, вынуждены воздвигать своеобразный барьер психологической защиты от больного, становиться менее эмпатичными, иначе им грозят эмоциональное выгорание и даже невротические срывы (Харди, 1988).

Во всех возрастных группах менее развиты идентификация и интуитивный канал, более развита эмпатия к родителям и старикам.

Исходя из анализа литературных источников и результатов исследования, можно утверждать о необходимости разработки и внедрения в профессиональную деятельность медицинских сестер терапевтического профиля программы по развитию эмпатии.

Цель программы – развитие эмпатии как профессионально-важного качества у медицинских сестер терапевтического профиля. Задачи: 1) развитие знаний медицинских сестер в области медицинской психологии; 2) обучение способам саморазвития эмпатии; 3) формирование умения давать обратную связь; 4) актуализация механизмов, способствующих реализации человеком эмпатии.

Программа состоит из 8 занятий и рассчитана на 2 месяца. Регулярность проведения занятий – 1 раз в неделю. Для проведения программы рекомендован психолог.

Структура программы включает в себя 3 взаимосвязанных блока: организационный, формирующий и рефлексивно-оценочный. Основными формами работы в программе являются тренирующие упражнения, направленные на развитие компонентов эмпатии. Для актуализации механизмов эмпатии в программу включен кинотренинг – групповая форма работы под общим названием «терапия искусством». Правила эмпатического слушания и реагирования были раскрыты в форме лекции.

Таким образом, данные, полученные нами в ходе исследования, свидетельствуют о том, что существует проблема низкой эмпатичности у медицинских сестер терапевтического профиля. Внедрение в профессиональную деятельность медицинских сестер терапевтического профиля занятий с психологом по развитию эмпатии положительно скажется на личностном росте медицинского работника, на повышении его профессионализма, ведь

ни один современный аппарат не заменит доброго сердца медицинского работника и его чуткой души.

П.Г. Евстратов (Научный руководитель С.Л. Яцук)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАНТОВ И МУЗЫКАНТОВ- ЛЮБИТЕЛЕЙ

В настоящее время музыка играет важную роль в повседневной жизни миллионов людей, и, прежде всего, ее образовательный и воспитательный аспекты, влияющие на становление и развитие личности, ее ценностных ориентаций.

Смысл – чрезвычайно объемное понятие, которое занимает немаловажное место во многих гуманитарных науках: философии, языкознании, социологии, культурологии, психологии. Теоретический анализ проблемы смысла позволяет сделать заключение о чрезвычайно широком спектре его понимания. Существует множество определений понятия смысл как имеющих общее, очень широкое значение, так и сводящих его до одной из составляющих когнитивных и мотивационных процессов. Эта тенденция наблюдается практически во всех дисциплинах гуманитарных наук, исследующих феномен смысла.

В психологии как в отечественной, так и в зарубежной, категория «смысл» рассматривается в рамках отдельных научных школ, по большей части, в контексте понятий смысла жизни или же структурных элементов жизнедеятельности. Причем, если в зарубежной психологии преобладают исследования преимущественно смысло-жизненной проблематики (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, В. Франкл, И. Ялом, Р. Мэй, А. Маслоу и др.), то в отечественной (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, В.Г. Асеев, К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев и др) уклон делается на изучение смысла как единицы сознания, деятельности, личности.

В зависимости от теоретической ориентации авторов смыслы представляются в их концепциях субъективные и объективные, осознаваемые и неосознаваемые, истинные и явные, наблюдаемые и скрытые, внутренние и внешние, биологические и личностные, индивидуальные и социальные и др. Кроме того, в зависимости от предмета изучения, смыслы охватывают весь спектр жизнедеятельности человека: реакция, действие, деятельность, поведение, жизнь, существование. На различных уровнях взаимодействия человека с действительностью смысл выступает как сущность объектов, жизненная задача или цель. В соответствии с этим смысл предстает в виде

смысла ситуаций, жизненной необходимости, смысла жизни, смысла мироздания. Таким образом, смысл имеет двойственную природу: с одной стороны он представляет собой результат воздействия на человека окружающего мира, с другой стороны, элементы действительности получают свое представительство в сознании только после их осмысления.

Несмотря на такой разброс мнений относительно феномена смысла, практически все исследователи этой проблемы определяют смысл через отношение, которое строится не на определенной связи между реальностью и действительностью, а прежде всего на сложной системе связей, которые обуславливают взаимодействие как субъективных отношений к действительности, так и обратное отношение.

Несомненно одно – смысл выражается в отношении к элементам действительности, представленным в структурах сознания. Для того чтобы такое отношение осуществилось, необходим, прежде всего, субъект этого отношения. Поскольку сознание присуще только человеку, то смысл как феномен сознания отражает человеческую природу и делает человека субъектом отношений. Это отношение в различных ситуациях может осуществляться на различных уровнях и стадиях жизнедеятельности. Соответственно, смысл отражает системное свойство личности. Для того чтобы понять феномен функционирования личности в различных жизненных ситуациях, необходимо рассматривать смысл как систему, обеспечивающую функционирование самой личности. Более того, многогранность смысла позволяет говорить о его уровневой организации и, соответственно, о системе личностных смыслов.

В нашем исследовании приняло участие 20 студентов Брестского музыкального колледжа им. Г. Ширмы, получающих профессиональное музыкальное образование и 20 студентов УО «БрГУ имени А.С. Пушкина», задействованных в творческой жизни университета, возраст испытуемых 19–24 года. Для изучения особенностей системы жизненных смыслов нами была использована «Методика исследования системы жизненных смыслов В.Ю. Котлякова».

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить наличие статистически достоверных различий в распределении результатов системы жизненных смыслов. Для каждой субшкалы теста нами был использован χ^2 -критерий Пирсона. 5 из 8 субшкал имеют статистически значимые различия распределения результатов. Это указывает на то, что разница в системе жизненных смыслов между профессиональными музыкантами и любителями существует.

На наш взгляд, степень различия субшкал «экзистенциальные», «гедонистические», «коммуникативные» не достигла статистически значимого результата в виду ряда особенностей респондентов. «Экзистенциализм»

как понятие подразумевает под собой наличие у человека мыслей о своем существовании, своей уникальности. В нашей выборке испытуемые молодые (возраст 19–24), и в дальнейшем их ожидает получение диплома, выход на работу, построение карьеры, создание семьи и т.п., мы полагаем, что такого рода мысли свойственны всем испытуемым.

Гедонизм – это когда удовольствие есть высшее благо, и является целью жизни. В современном социуме достаточно сильно насаждается культ удовольствия посредством навязанных потребностей, массовых бомбардировок рекламы, всякого рода пропаганды. В этой субшкале статистических значимых различий нет, а желание получать удовольствие по результатам обследования свойственно большинству респондентов из обеих выборок. Мы предполагаем, что это обусловлено тем, что все участники исследования родились в период активного развития телевидения, радио и интернета, где постоянно слышно: «Баунти – райское удовольствие» и т.д. В рекламах явно слышен призыв к получению удовольствия, что и обуславливает эту ориентацию. Под коммуникативными смыслами понимается способность к общению, к установке связей, контактов. Современное общество есть яркий пример коммуникации, т.к. все процессы взаимодействия протекают посредством общения.

Остальные 5 субшкал имеют статистически значимые различия, но показатели выборок по субшкалам находятся в зоне средней выраженности (от 9 до 17 баллов). Одной из целей музыкального воспитания является развитие духовного мира человека, его ценностей, нравственности. Посредством углубленного общения с музыкой у человека формируется более сочувственное отношение к людям и окружающему миру. Таким образом, у музыкантов-профессионалов более выражены такие жизненные смыслы, как альтруизм, семья, а также желание самореализации, что может быть результатом развитого творческого мышления в процессе обучения музыке.

У музыкантов-любителей более выражены такие жизненные смыслы, как самореализация, статусность, коммуникативность, которые можно охарактеризовать «как эгоцентрические», т.к. они больше направлены на самого себя. Профессии, получаемые в педагогических вузах, подразумевают больший контакт с другими людьми, чем у музыкантов, деятельность которых больше направлена на развитие определенных профессионально-музыкальных знаний, умений, навыков.

О.О. Колосовская (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА

Профессия педагога является одной из наиболее важных в современном мире и никогда не потеряет свою значимость. Гуманистические задачи воспитания молодого поколения в силах конструктивно решить педагоги, обладающие определенными внутренними личностными качествами, относящиеся к своей работе как к призванию, источнику реализации потенциала, испытывающие положительные эмоции, удовлетворенные работой, вовлеченные в профессиональную деятельность.

Требование времени заключается в необходимости придать образовательному процессу осмысленность, что неизбежно обращает исследователей к ценностно-смысловой сфере педагога, проблеме его личностно-профессионального роста и индивидуальным тенденциям самоактуализации.

Проблема самоактуализации личности имеет в психологии не очень большую, но довольно яркую историю. Эту проблему начали разрабатывать лишь в послевоенное время, но уже к концу 60-х гг. она «стала неотъемлемой частью интеллектуального ландшафта Запада». Теория самоактуализации является ключевым системообразующим элементом гуманистического направления в психологии и педагогике. Основопологающей для гуманистического направления является идея о том, что осознанное стремление к максимально возможному раскрытию своего человеческого потенциала и его реализации в практической жизнедеятельности на благо общества путем самоактуализации является необходимым фактором полноценного развития человека.

Понятие «самоактуализация» было введено в психологию А. Маслоу. Этим термином он обозначил особенность людей, которые отличаются тем, что они более полно реализуют в жизни свой потенциал, используют свои силы и способности. Синонимами понятия «самоактуализация» нередко выступают понятия «развитие личности», «психологическое здоровье», «личностный рост».

А. Маслоу сформулировал характеристики, в которых проявляется самоактуализация: полное принятие реальности и комфортное отношение к ней (не прятаться от жизни, а знать, понимать ее); принятие других и себя («Я делаю свое, а ты делаешь свое. Я в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям. И ты в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим ожиданиям. Я есть я, ты есть ты. Я уважаю и принимаю тебя таким, каков ты есть»); профессиональная увлеченность любимым де-

лом, ориентация на задачу, на дело; автономность, независимость от социальной среды, самостоятельность суждений; способность к пониманию других людей, внимание, доброжелательность к людям; постоянная новизна, свежесть оценок, открытость опыту; различение цели и средств, зла и добра («Не всякое средство хорошо для достижения цели»); спонтанность, естественность поведения; юмор философского плана; саморазвитие, проявление способностей, потенциальных возможностей, самоактуализирующее творчество в работе, любви, жизни; готовность к решению новых проблем, к осознанию проблем и трудностей, к осознанию своего опыта, к подлинному пониманию своих возможностей, к повышению конгруэнтности (соответствия переживания, сознавания опыта его настоящему содержанию).

А. Маслоу охарактеризовал самоактуализацию как желание человека стать тем, кем он может стать.

Цель нашего исследования – изучить особенности самоактуализации педагогов. В исследовании приняли участие 20 педагогов дошкольного учреждения. Методика «Диагностика самоактуализации личности» (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина) позволила измерить уровень самоактуализации испытуемых по 11 шкалам: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность, автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, гибкость в общении.

В результате исследования получены следующие данные:

1. По шкале ориентаций во времени, которая показывает, насколько человек живет настоящим, не откладывая свою жизнь «на потом» и не пытаясь найти убежище в прошлом. Высокий результат продемонстрировали 40% испытуемых; низкий – 13%. Высокий результат характерен для лиц, хорошо понимающих экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь», способных наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушением грядущих успехов. Низкий результат – это люди, невротически погруженные в прошлые переживания, с завышенным стремлением к достижениям, мнительные и неуверенные в себе.

2. Шкала ценностей. Высокий результат – 27%; низкий – 0%. Высокий балл по этой шкале свидетельствует о том, что человек разделяет ценности самоактуализирующейся личности, к числу которых А. Маслоу относил такие, как истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми, далекое от желания манипулировать ими в своих интересах.

3. Взгляд на природу человека может быть положительным (высокая оценка) или негативным (низкая). Эта шкала описывает веру в людей, в могущество человеческих возможностей. Высокий уровень составил – 0%; низкий уровень – у 33% испытуемых. Высокий показатель может интерпретироваться как устойчивое основание для искренних и гармоничных межличностных отношений, естественная симпатия и доверие к людям, честность, непредвзятость, доброжелательность.

4. Высокая потребность в познании характерна для самоактуализирующейся личности, всегда открытой новым впечатлениям. Эта шкала описывает способность к бытийному познанию: бескорыстную жажду нового, интерес к объектам, не связанный прямо с удовлетворением каких-либо потребностей. Такое познание, считает А. Маслоу, более точно и эффективно, поскольку его процесс не искажается желаниями и влечениями, человек при этом не склонен судить, оценивать и сравнивать. Он просто видит то, что есть и ценит это. Высокий уровень – 13%; низкий – 0%.

5. Стремление к творчеству, или креативность, – неперенный атрибут самоактуализации, которую попросту можно назвать творческим отношением к жизни. Высокий уровень – 13%; низкий – 0%.

6. Автономность, по мнению большинства гуманистических психологов, является главным критерием психического здоровья личности, ее целостности и полноты. Самоактуализирующаяся личность автономна, независима и свободна, однако это не означает отчуждения и одиночества. В терминах Э. Фромма автономность – это позитивная «свобода для» в отличие от негативной «свободы от». Высокий уровень составили 6% респондентов; низкий – у 13%.

7. Спонтанность – это качество, вытекающее из уверенности в себе и доверия к окружающему миру, свойственных самоактуализировавшимся людям. Высокий уровень – 13%; низкий – 20%. Высокий показатель по шкале спонтанности свидетельствует о том, что самоактуализация стала образом жизни, а не является мечтой или стремлением. Способность к спонтанному поведению фрустрируется культурными нормами, в естественном виде ее можно наблюдать разве что у маленьких детей. Спонтанность соотносится с такими ценностями, как свобода, естественность, игра, легкость без усилия.

Е.А. Корнеева (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГРУППЕ ВЗАИМОПОМОЩИ

Проблема адаптации пожилых людей к своему возрасту, процессу старения актуальна в настоящее время в связи с тем, что картина общества не имеет стабильности, неопределенным видится не только будущее, но и прошлое. Это, как отмечают О.В. Краснова и А.Г. Лидерс, дезорганизует пожилых людей, усиливает напряженность, вызванную неудовлетворительным самочувствием в связи с возрастными изменениями и новым статусом, обусловленным выходом на пенсию.

Многочисленные возрастные периодизации (Ш. Бюлер, Э. Эриксон, Д.Б. Бромлей, О.В. Краснова и А.Г. Лидерс, И. Бернсайд, Е.С. Авербух, Э. Эриксон и др.) не позволяют однозначно выделить границы пожилого возраста. Пожилой возраст предшествует старческому. Мы можем выделить его условные границы, ориентируясь на взгляды Д.Б. Бромлея, который выделяет предпенсионный период (55–65 лет) и «уход от дел» (65–70 лет) как непосредственно предшествующие старости. Российский психиатра Е.С. Авербух выделяет пожилой возраст в рамках 60–75 лет. Выполнение социальных ролей в соответствии с нормами определяет социальный возраст человека, часто не совпадающий с календарным.

А.А. Налчаджян отмечает, что социально-психологическая адаптация – процесс преодоления проблемных ситуаций личностью, в ходе которого она использует навыки социализации, что позволяет ей взаимодействовать с группой без внутренних или внешних конфликтов, продуктивно выполнять ведущую деятельность, оправдывать ролевые ожидания, удовлетворять потребности. И.А. Красильников и В.В. Константинов выделяют следующие критерии адаптированности: общий уровень психологического здоровья, способность развиваться в соответствии с жизненным потенциалом, чувство самоуважения и осмысленность жизни.

Адаптация пожилых людей к своему возрасту и процессу старения эффективна в групповой форме при включении в процесс взаимопомощи и, тем самым, самопомощи. С.А. Ануфриев определяет группу взаимопомощи «как формальное или неформальное объединение людей, имеющих общие проблемы и встречающихся регулярно для оказания друг другу помощи, эмоциональной поддержки, обмена информацией». В группе нет ограничений во времени, иерархической структуры, состав группы может меняться. Для пожилых людей группы взаимопомощи способствуют со-

хранению независимости, что оценивается нередко выше, чем безопасность и защита.

Цель нашего исследования – выявить особенности динамики показателей социально-психологической адаптации людей пожилого возраста – членов группы взаимопомощи. Исследование проводилось в Территориальном центре социального обслуживания населения Ленинского района г. Бреста, где в октябре 2012 г. нами была организована группа взаимопомощи. Членами группы являлись женщины пожилого возраста от 60 до 75 лет в количестве 12 человек.

Задачи группы взаимопомощи: принятие факта старения; взаимопомощь в переживании утраты; избавление от одиночества; обсуждение способов решения конфликтов; обсуждение страха смерти; повышение эмоционального комфорта; создание положительного образа стареющего человека; выделение сильных сторон и имеющихся возможностей личностного роста; повышение самооценки, веры в себя; признание важности и полезности их жизненного опыта.

Методики для выявления первоначального уровня социально-психологической адаптации в октябре 2012 г.:

- методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса–Р. Даймонда состоит из утверждений, сформулированных в третьем лице. Нами использована адаптированная А.К. Осницким форма опросника, которая позволяет исследовать следующие показатели: адаптацию, самопринятие, принятие других, эмоциональную комфортность, интернальность, есть шкала лжи.

- шкала одиночества Н.Н. Лепешинского (аналог Шкалы одиночества UCLA Д. Рассела и М. Фергюсона) состоит из 15 пунктов, предполагает количественное выделение уровня одиночества;

- методика «Незаконченные предложения» (о прошлом, настоящем и будущем) предполагает качественный анализ.

Выявлены следующие результаты: низкий уровень эмоционального комфорта (у 3 человек), высокий уровень эмоционального дискомфорта (у 5 человек); высокие показатели по внутреннему (интернальному) локусу контроля (у 5 человек). У большинства – высокие показатели принятия других при средних показателях принятия себя по методике К. Роджерса–Р. Даймонда; по шкале одиночества Н.Н. Лепешинского высокий уровень одиночества (у 7 человек), низких показателей одиночества не выявлено.

Методика «Незаконченные предложения» дала более обширный материал. В отношении к прошлому у большинства пожилых присутствуют положительные воспоминания, прошлое переоценивается в хорошую сторону. Детство, молодость, замужество выделены как лучшие годы жизни. После выхода на пенсию отмечены такие чувства: одновременно радость и

грусть, одиночество, уныние и скука. У 6 человек было понимание самореализации после выхода на пенсию: семья, возможность заняться собой (саморазвитие), общественный труд. 2 человека почувствовали себя более свободными. В отношении настоящего есть тревога и беспокойство. В ответах о том, чем является старость сегодня, заметна неуверенность, растерянность (пугающее будущее, боязнь быть обузой, уравнение с неизвестными, незащищенность). На настоящий момент для пожилых людей важны: общение, путешествия, спокойствие, преодоление одиночества, надежда на улучшение. В отношении своего будущего у большинства вера в лучшее для себя и своих детей, улучшение здоровья и увеличение друзей. Выраженные потребности пожилых людей – безопасность, стабильность, близость, принятие их жизненного опыта.

Проведенный через месяц повторный срез показал: низкий уровень эмоционального комфорта (у 3 чел.), высокий показатель по интернальному и экстернальному локусу контроля (по 3 чел.); высокие показатели принятия других при средних показателях принятия себя (у 4 чел.); высокий уровень одиночества (у 4 чел.). Содержание ответов по методике «Незаконченные предложения» качественно осталось тем же.

Нами были проведены занятия в группе взаимопомощи на следующие темы: «Взаимопонимание в общении», «Пути повышения самооценки», «Самопознание», «Личностный рост в пожилом возрасте», «Тревога: пути преодоления», «Старость в радость», «Одиночество – зло или благо?», «Утраты», использовались элементы арт-терапии и многое др. Также обсуждались конкретные вопросы и темы, которые возникали спонтанно, в процессе встреч у самих участников.

На данном этапе проводится третий срез по указанным выше методикам, обрабатываются результаты с целью выявить наличие или отсутствие повышения показателей социально-психологической адаптации пожилых людей, участников группы взаимопомощи.

О.И. Кушпетюк (Научный руководитель А.В. Сацук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

РАЗЛИЧИЯ В ПОДВЕРЖЕННОСТИ СТРЕССАМ У ОДИНОКИХ ПОЖИЛЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Пожилым возраст – это один из самых сложных периодов жизненного пути человека. В этот период пожилой человек прекращает свою трудовую деятельность, теряет признание и авторитет, начинает чувствовать свою психологическую изоляцию. Пожилые люди являются одной из групп риска по подверженности стрессам.

Основными стрессорами для людей пожилого и старческого возраста являются уход от активной трудовой деятельности, одиночество, отсутствие четкого жизненного ритма, сужение сферы общения, уход человека в себя, ощущение дискомфорта от замкнутого пространства и многие другие жизненные события и ситуации. Одним из наиболее кризисных моментов на жизненном пути человека является выход на пенсию. Наиболее сильным стрессом в старости может быть одиночество.

Актуальность изучаемой темы объясняется тенденцией к накоплению психологического напряжения с малой возможностью избавляться от него в пожилом возрасте. Пожилые люди часто переживают, беспокоятся, тревожатся, паникуют, впадают в депрессию. По данным суицидологии, второй пик суицидальной активности приходится на возраст около 60 лет. Помимо психологических проблем для этого возраста характерно ухудшение соматического здоровья, гормональная перестройка, изменение иерархии ценностей, что часто сочетается с депрессией. Способность же преодолевать стрессовые ситуации является залогом психического здоровья людей и непременным условием социальной стабильности, прогнозируемости процессов, происходящих в обществе.

Наше исследование проводилось в государственном учреждении социального обслуживания «Брестский дом ветеранов» среди одиноких пожилых мужчин и женщин. В исследовании приняли участие 40 человек пожилого возраста (20 мужчин и 20 женщин). Возраст женщин составил 55–76 лет, мужчин – 60–78 лет.

Цель данного исследования – диагностировать подверженность стрессовым состояниям у людей пожилого возраста и описать гендерную специфику. В исследовании были использованы следующие эмпирические методы: разработанная нами анкета «Типы стареющей личности» на основе классификации старения Д.Б. Бромлей; тест реактивной тревожности Ч.Д. Спилбергера–Ю.Л. Ханина; методика диагностики состояния стресса А.О. Прохорова; копинг-тест Р. Лазаруса.

На основе полученных данных были сделаны следующие выводы. Для большинства пожилых мужчин и женщин в целом характерен конструктивный тип стареющей личности. Люди данного типа более уравновешенны, у них сохраняются способность радоваться жизни, хорошие, теплые отношения с другими людьми. Пожилые люди не драматизируют окончание своей профессиональной деятельности, стараются сохранять оптимистическое отношение к жизни.

Высокая степень тревожности для большинства мужчин и женщин наблюдается больше по показателю личностной тревожности, чем по показателю реактивной тревожности. Это дает основание предполагать появление состояния тревоги в ситуациях, которые касаются оценки его компе-

тенции и престижа. Большинство пожилых мужчин и женщин склонны воспринимать достаточно широкий круг ситуаций как угрожающие и реагировать на эти ситуации появлением состояния тревожности различного уровня.

Пожилые мужчины и женщины в равной степени обладают высоким уровнем регуляции стрессовых состояний. Большинство мужчин и женщин ведут себя в стрессовой ситуации довольно сдержанно и умеют регулировать свои эмоции.

У большинства мужчин наиболее предпочитаемыми копинг-стратегиями являются самоконтроль, положительная переоценка, планирование решения проблемы. Это говорит о том, что им свойственно преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на восприятие ситуации, высокого контроля поведения, стремления к самообладанию. Для большинства женщин характерными оказались такие копинг-стратегии, как поиск социальной поддержки и бегство-избегание. У некоторых наблюдается планирование решения проблемы и положительная переоценка. Женщины в отличие от мужчин предпочитают разрешение проблемы за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки. Для них характерны ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание поддержки, внимания, совета, сочувствия, конкретной действенной помощи. Женщины больше рассчитывают на помощь окружающих в стрессовой ситуации, в то время как мужчины в стрессовой ситуации самостоятельно планируют решение проблемы.

С.С. Лебедева (Научный руководитель Д.Э. Синюк)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЮНОШЕЙ К ОБУЧЕНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ЛИЦЕЕ

Юноши и девушки, окончив школу, переходят на новый жизненный этап, который включает в себя смену не только места учебы, места жительства, но и смену уже устоявшегося коллектива. Новоиспеченным первокурсникам нужно привыкнуть как к новой группе, так и к новым правилам и нормам учебного заведения. От успешности же адаптации студента к образовательной среде во многом зависят дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста.

Для изучения процесса адаптации юношей к обучению в профессионально-техническом лицее мы использовали авторскую анкету и шкалу

социально-психологической адаптированности. В исследовании участвовали первокурсники государственного профессионального лицея мебельного производства и автомобильного транспорта (г. Пинск).

Обратимся к анализу эмпирических данных, полученных с помощью анкетирования. На вопрос «Что повлияло на выбор учебного заведения?» 15% учащихся, живущих в городе, указали, что последовали советам родителей. 35% городских первокурсников проявили интерес к профессии, а 5% респондентов выбрали данное учебное заведение, так как оно находится недалеко от дома, 5% опрошенных последовали примеру знакомых. Самостоятельно приняли решение о выборе учебного заведения 40% учащихся, живущих в городе. Сельские жители ответили на этот вопрос следующим образом: 30% руководствовались советом родителей и родственников, четверть – интересом к профессии, 10% последовали примеру знакомых, 35% самостоятельно приняли решение. Значительного расхождения ответов у сельских и городских жителей не отмечено. Однако для сельских жителей пример знакомых в выборе учебного заведения является более значимым. В свою очередь, городские ребята чаще принимают самостоятельное решение.

Большинство ребят из сельской местности (70%) довольны своим учебным заведением, 10% не совсем удовлетворены, пятая часть недовольна. В то же время абсолютное большинство опрошенных городских ребят (90%) довольны выбором учебного заведения, 5% не совсем довольны, 5% – недовольны.

На вопрос «Трудно ли было привыкать к учебному заведению» четверть горожан отметила, что никакой адаптации им совсем не требовалось, большая часть (65%) указала, что процесс адаптации был менее двух недель, 5% отметили, что привыкали около месяца, и такое же количество опрошенных городских ребят до сих пор не адаптировалось к условиям лицея. Большинство ребят из сельской местности (70%) отметили, что привыкание длилось менее двух недель, четверти, как и городским, вообще не требовалось никакой адаптации, 5% сельских ребят до сих пор не адаптировались.

Большинство ребят, живущих с родителями в городе (80%), высказались, что в состоянии здоровья после поступления в лицей ничего не изменилось, 15% заметили ухудшение состояния здоровья, обострение хронических и появление новых заболеваний, 5% стали более раздражительны. Ребята из общежития отмечают следующее: четверть из них стали больше болеть, десятая часть стала более раздражительна, у 65% респондентов в состоянии здоровья, по их мнению, ничего не изменилось.

Пятая часть городских ребят отмечает, что они с желанием идут на учебу, более половины (55%) – почти без желания, 5% – абсолютно без же-

лания, 20% респондентов этой группы затрудняются с ответом. Деревенские юноши с удовольствием идут на учебу в 60% случаев, 15% – почти без желания, четверть из них затрудняется дать ответ.

На вопрос «Что вы скажете о своей учебе?» 20% городских юношей ответили, что учатся с удовольствием, 5% учатся в угоду родителям, большая их часть (65%) учится, так как это требует будущая карьера, 10% равнодушны к учебе. Среди деревенских юношей с удовольствием учится 30%, 5% желают угодить родителям, 55% думают о будущей карьере, 10% равнодушны к учебе.

Также мы выявили, что около половины городских ребят (45%) ощущают напряжение в учебе, 35% учатся легко, пятая их часть испытывает незначительные трудности. Большинство из них (70%) практически не устаёт, 15% испытывают легкую усталость, 15% отметили, что сильно устают. Среди деревенских ребят трудности в учебе отмечают 35%, 15% опрошенных необходимо прилагать значительные усилия, половина сельских ребят учится легко. При этом 70% из них испытывают легкую усталость, пятая их часть практически не устаёт, 10% устают сильно.

Дружной свою группу считают 30% городских ребят, 45% отмечают наличие конфликтов в достаточно дружной группе, четверть говорит о том, что каждый сам по себе. Из них 10% городских первокурсников отмечает хорошее отношение к себе большей части одногруппников, 10% указали, что к ним хорошо относятся только нескольких человек. Пятая их часть не знает, как относятся к ним в группе, а 60% этот вопрос вообще не интересует. Юноши, живущие в общежитии, так ответили на эти вопросы: 60% считают группу дружной, но отмечают наличие конфликтов, 5% указали, что в группе каждый сам по себе, 35% считают группу в основном дружной. Большая часть опрошенных сельских ребят (60%) отметила хорошее отношение к себе большей части группы, 20% не знают ответа на этот вопрос, такое же количество респондентов данный вопрос не волнует.

На вопрос «Как вы оцениваете свою принадлежность к группе?» были даны следующие ответы. 15% горожан чувствуют себя полноправными её членами, 30% иногда участвуют в делах группы, 15% не чувствуют привязанности к группе, 35% затрудняются с ответом. Из них 40% поменяли бы несколько человек в группе, четверть ничего бы не меняла, 15% юношей очень довольны группой. В то же время половина сельских ребят считает себя полноправными членами группы, четверть отличается меньшей активностью от большинства, такое же количество респондентов затрудняется дать ответ.

40% горожан не хотели бы перейти в другую группу, но поменяли бы в ней несколько человек, пятая часть не видит в этом смысла, четверть ничего не стала бы менять, 15% довольны группой. Пятая часть ребят из

сельской местности сменили бы несколько человек в своей группе, такое же количество респондентов не видит разницы, около половины (45%) скорее бы остались в своей группе, 15% очень довольны коллективом.

30% городских ребят посещают секции и кружки, такое же количество опрошенных только думают записаться, 40% не собирается посещать. Сельские ребята активнее посещают кружки и секции (70%), 20% собираются записаться, 10% не желают этого делать.

Тестирование учащихся лица показало, что и городские ребята, и юноши, живущие в общежитии, имеют достаточно невысокий коэффициент социально-психологической адаптации. Так, у 60% ребят из обеих подгрупп данный коэффициент ниже нормы. Хотя, следует заметить, что городские юноши намного меньше отстают от нормы.

В целом, мы выявили, что юноши, живущие в условиях семьи, немного лучше адаптируются к учебно-профессиональной деятельности, а живущие в общежитии, лишенные привычной домашней обстановки, показали более низкие результаты. Но открылись и другие, не менее важные факты: уровень адаптации у ребят из обеих экспериментальных групп оказался недопустимо низким; юноши из общежития оказались более сплоченными и дружным, более активными в послеурочных занятиях.

Позитивную роль в преодолении этих проблем, достижении успешной личностной адаптации может сыграть комплексное психологическое сопровождение адаптационного процесса, которое должно осуществляться с опорой на личностный потенциал первокурсников.

А.В. Нестерак (Научный руководитель Д.П. Власюк)
Луцк, ВНУ имени Леси Украинки, Украина

СВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТА И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО СКОРОСТЬЮ ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

На современном этапе развития психологической науки осуществляется интенсивная разработка теоретических основ проблемы умственного развития человека. Однако современное состояние исследований не удовлетворяет условия практики, несмотря на то, что существует большое количество теорий интеллекта. Так как существует потребность в диагностике и коррекции структур умственной деятельности для максимизации умственного потенциала человечества, поскольку именно он являет собой не только личностную, но и экономическую ценность.

Цель статьи состоит в описании методики проведения исследования для выявления связи показателей интеллекта и успешности учебных действий со скоростью переработки информации.

Проблему связи интеллекта и скорости переработки информации поднял еще Ф. Гальтон. Среди исследователей, которых также интересовал этот вопрос, можно выделить К. Спирмена, К. Берта, М. Баргера, Г. Айзенка, Д. Фурнье, К. Вислера, Э. Рот, А. Дженсена, Г. Франко и другие. На советской территории этим вопросом занимались М.А. Холодная и Н.И. Чуприкова.

По мнению Ф. Гальтона, скорость переработки информации, является показателем интеллектуального развития человека. Он сделал предположение о том, что люди с высоким уровнем интеллекта перерабатывают информацию быстрее, чем те, у кого интеллект ниже. Г. Айзенк и Д. Фурнье выделяют скорость переработки информации как один из показателей интеллекта, наряду с двумя другими – настойчивостью и ошибочностью.

Для Н.И. Чуприковой скорость переработки информации является хорошей моделью для выявления способностей человека к разграничению и дифференциации сенсорных, перцептивных и концептуальных смыслов.

В своем исследовании для определения скорости переработки информации мы используем «метод вычитания» голландского офтальмолога Ф.К. Дондерса. Исследователь сделал предположение о том, что если время от подачи раздражителя до реакции исследуемого состоит из последовательности событий, в том числе и ментальных процессов, то можно определить их продолжительность. Для этого он использовал ряд задач, отличающихся друг от друга по уровню сложности.

На основе проведения пилотажных исследований с использованием различных карточек нами был создан экспериментальный стимульный материал, который представлен набором из 120 карт, размером 70 x 65 мм. Эти карточки, соответственно, разбиты на 3 серии, по 40 карт в каждой.

Первая серия, «А-реакция», представляет собой набор чистых карточек. Испытуемому нужно сортировать карты в две колоды, по принципу одна карта в одну колоду, следующая во вторую, еще следующая снова в первую и так далее. Эта серия позволяет измерить время моторных манипуляций.

Во второй серии – «В-реакция» – используются карточки с цифрами от 1 до 10. Испытуемому нужно выполнить сортировку карточек в две колоды по принципу: карточки с четными числами – в одну колоду, а карточки с нечетными – в другую. С начала для этой серии предлагались карточки с изображением «+» и «0», однако во время проведения пилотажных исследований было выявлено, что разница во времени между первой и второй серией была незначительной или отрицательной, поэтому мы нача-

ли использовать четные и нечетные числа, так как они дали большую разницу. Эта серия измеряет два показателя скорость моторики и скорость распознавания стимула.

Третья серия карточек на «С-реакцию» представлена картами с простыми математическими задачами, половина из которых решена правильно, а вторая половина – неправильно. Испытуемый, увидев задание, должен выполнить вычисления в уме и оценить, правильно ли решена задача. Если задание на карточке выполнено правильно, то испытуемый кладет ее в одну колоду, а если неправильно – в другую.

При подборе задач третьей серии мы опирались на проблему «экологичности» методики, которая поднята еще У. Найссером, т.е. задачи подобраны по критерию их широкой применимости в жизни. Также они подобраны в соответствии с учетом того, что каждое из них не превышает объем оперативной памяти (7 ± 2 единицы). Эта серия карт позволяет измерять, кроме скорости моторики и распознавания стимула, еще и скорость переработки информации. Экспериментатор фиксирует время, которое затрачено на выполнение всех серий в специальном бланке. При проведении третьей серии важным является количество допущенных ошибок, которые также фиксируются в бланке.

Для того чтобы избежать влияния эффектов обучаемости и утомляемости, нами были использованы схемы представления стимульного материала «A1-B1-B2-A2», где «А» – это материал первой серии (чистые карточки), а «В» – материал второй серии. Время выполнения первой и второй серий определяется по формуле $A = (A1 + A2) / 2$, и $B = (B1 + B2) / 2$.

После выполнения первой и второй серий испытуемому предлагают третью серию стимульного материала (выполнение математических задач). После выполнения этой задачи испытуемым экспериментатор фиксирует затраченное на это время и количество ошибок, допущенных при выполнении задания.

Так как каждая серия представляет собой набор показателей определенных скоростей, то можно вычислить каждую из них в отдельности. Скорость моторики будет выражена во времени выполнения первой серии. Скорость распознавания стимула рассчитывается через нахождение разницы между второй и первой сериями. Скорость же переработки информации рассчитывается через разницу между третьей и второй серией. Именно последний параметр интересует нас больше всего.

Вычислив скорость переработки информации, нужно диагностировать показатели интеллекта и успеваемости испытуемых. В качестве методики для определения показателей интеллекта предлагается использовать «Прогрессивные матрицы» Д. Равена. Показателями успешности обучения служат три показателя: результаты внешнего независимого оценивания

(ВНО), средний школьный балл и рейтинговый балл обучения в вузе. Эти показатели, по нашему мнению, дифференцировано показывают успешность испытуемых.

Связь между скоростью переработки информации, показателями интеллекта и успеваемости обретается с помощью корреляционной связи.

Проведенные пилотажные исследования на 26 студентах-психологах, показали, что время, затрачиваемое на переработку информации, колеблется, от 3,6 до 16,9 сек., среднее – 7,6 сек. Распределение испытуемых с низким, средним и высоким результатами показали, что 19% испытуемых получили низкие результаты, 73 % – средние и всего 8% – высокие.

Таким образом, скорость переработки информации – показатель интеллектуального развития, исследования которого могут пролить свет на изучение умственной одаренности человека. Избранная нами методика исследования подходит для изучения скорости переработки информации и выяснения того, имеет ли она связь с интеллектом и успешностью учебной деятельности. Исследование этого феномена планируется провести на выборке студентов факультетов точных и гуманитарных наук, для выяснения не только связи выбранных психологических параметров, но и определения различий в их проявлениях в зависимости от выбора специальности.

И.В. Осочук (Научный руководитель В.Ю. Москалюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЛИЦЕЯ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИИ

Большую часть поступающих в училища, лицеи, колледжи составляют 15-ти и 16-тилетние молодые люди. Их успешная адаптация к новым условиям обучения и проживания является залогом дальнейшего развития личности.

Адаптация молодого человека к студенческой жизни – сложный и многогранный процесс, требующий вовлечения биологических резервов еще не до конца оформившегося организма, имеющих социальные навыки; процесс приспособления к новым условиям учебной деятельности и общения, к новым социальным условиям проживания (общежитие). Изменение социальной ситуации приводит к появлению неуверенности, дискомфорта, эмоциональному напряжению, растерянности у большинства студентов (М.В. Голубева, 2006). Снижается уровень психологического благополучия, которое является показателем успешности адаптации, и ощущение которого важно для психического здоровья. Референтными показателями

адаптированности для юношей и девушек, поступивших в высшие и средние специальные учебные заведения, согласно К. Рифф, являются: положительные эмоции в отношениях с окружающими, удовлетворительное самочувствие и ощущение душевного комфорта, отражающиеся на настроении, психическом состоянии, психологической устойчивости личности, удовлетворенности жизнью в целом (Е.Ю. Григоренко, 2009).

К. Рифф в своей методике обобщила и выделила шесть основных компонентов психологического благополучия: положительные отношения с другими, самопринятие, автономию, управление окружением, цель в жизни, личностный рост (Н.Н. Лепешинский, 2007). Исследование с использованием методики К. Рифф проводилось среди учащихся 1 и 3 курсов УО «Пинский государственный профессиональный лицей строителей», проживающих в общежитии. Выборка исследования представлена 50 юношами в возрасте от 16 до 19 лет: 30 человек – учащиеся 1 курса, 20 человек – учащиеся 3 курса.

Анализ данных по методике К. Рифф показал, что значения показателей по всем шкалам в обеих группах находятся в зоне средних, ближе к низким, при этом диапазон разброса значений не очень велик. Это свидетельствует об однородности выборки по уровню выраженности показателей. Выборка представлена лицами юношеского возраста, что и позволяет говорить об определённой устойчивости измеряемых показателей.

Самые высокие значения показателей получены по шкале «Цель в жизни». Количество респондентов с низким уровнем значений по данной шкале в обеих группах минимальное, а у 15% учащихся 3 курса выявлены высокие значения данного показателя (самый высокий результат по выборке в целом). У респондентов-первокурсников преобладают низкие значения показателей по шкалам «Положительные отношения с другими» и «Управление окружением». Это говорит о том, что учащиеся 1 курса испытывают трудности в установлении и поддержании доверительных отношений с другими людьми, они замкнуты, не желают искать компромисс в общении. Отсутствие этих качеств может свидетельствовать об одиночестве, неспособности учащихся устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелании искать компромиссы. Учащиеся 1 курса чаще испытывают чувство неудовлетворенности собой, своим прошлым, своими личностными качествами.

Результаты в группе 1 курса ниже по всем шкалам опросника. Можно предположить, что первокурсники испытывают дискомфорт, вызванный адаптацией к новым условиям, связанный с началом обучения в лицее, усложнением межличностных отношений, возникновением проблем в связи с оторванностью от семьи, проживанием в общежитии.

У респондентов 3 курса значения по всем шкалам опросника располагаются в зоне средних по уровню психологического благополучия. У респондентов данной группы складываются близкие, доверительные отношения с окружающими, они открыты для общения, при этом более независимы и способны противостоять социальному давлению. Их характеризует стремление к непрерывному саморазвитию, личному росту и самосовершенствованию с течением времени. Есть у юношей третьего года обучения и цель в жизни, и чувство её осмысленности.

Различия значений в двух группах являются достоверными по четырем шкалам опросника из шести (за исключением шкал «Автономия» и «Личностный рост») и шкале «Общий балл». Достоверность различий проверялась с помощью t-критерия Стьюдента и U-критерия Манна-Уитни.

Различия значений по шкале «Положительные отношения с другими» ($t_{кр} = 2,9$ при $p \leq 0,01$; $U_{эмп} = 164$ при $p \leq 0,01$) позволяют сделать вывод о том, что учащиеся 1 курса испытывают трудности в установлении и поддержании доверительных отношений с другими людьми, не желают искать компромисс в общении. Различия значений по шкале «Управление окружением» ($t_{кр} = 2,5$ при $p \leq 0,05$), располагающиеся в зоне неопределенности по t-критерию Стьюдента, и в зоне значимости по U-критерию Манна-Уитни ($U_{эмп} = 174,5$ при $p \leq 0,01$) указывают на большую успешность учащихся 3 курса в овладении различными видами деятельности, в способности добиваться желаемого и преодоления трудностей на пути реализации целей. Различия значений по шкале «Цель в жизни» ($t_{кр} = 3,2$ при $p \leq 0,01$; $U_{эмп} = 131,5$ при $p \leq 0,01$) свидетельствуют о том, учащиеся 1 курса реже осознают ценность того, что было в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем, нежели учащиеся 3 курса. Различия значений по шкале «Самопринятие» ($t_{кр} = 3,4$ при $p \leq 0,01$; $U_{эмп} = 140,5$ при $p \leq 0,01$) позволяют сделать вывод о том, что учащиеся 1 курса чаще испытывают чувство неудовлетворенности собой, своим прошлым, своими личностными качествами, реже дают положительную оценку самим себе и своей жизни в целом. Различия значений по шкале «Общий балл» ($t_{кр} = 4,7$ при $p \leq 0,01$; $U_{эмп} = 93$ при $p \leq 0,01$) позволяют рассматривать учащихся 3 курса как «более благополучных» по данному опроснику, нежели учащиеся 1 курса.

Дополнительно учащиеся лица были обследованы с использованием методики И.Я. Киселёва «Самооценка личности», результаты которой дают нам основания для заключения о том, что среди респондентов 1 курса преобладают лица с низкой самооценкой – 73,3% от выборки в целом. Низкая самооценка проявляется в повышенной тревожности, постоянной боязни отрицательного мнения о себе; ориентирует на восприятие реальных успехов и положительной оценки окружающих как временных и слу-

чайных; снижает социальную активность, инициативу, может провоцировать конфликты. У респондентов 3 курса значения показателей самооценки по всем трём уровням (низкая, средняя, высокая) распределились поровну. Можно предположить, что по мере взросления появляется более реалистичная оценка собственной личности и растёт независимость от мнения других людей, что способствует более успешной адаптации.

Для оценки достоверности различий значений самооценки двух групп мы также использовали *t*-критерий Стьюдента и *U*-критерий Манна-Уитни. Расчёты показали, что различия значений находятся в зоне значимости: $t_{кр} = 2,9$ при $p \leq 0,01$; $U_{эм} = 162$ при $p \leq 0,01$. Таким образом, самооценка студентов 3 курса достоверно выше, нежели самооценка студентов 1 курса.

Изучение проблемы психологического благополучия учащихся лицея строителей г. Пинска, проживающих в общежитии, позволяет фиксировать у первокурсников сниженный уровень позитивных самоощущений, успешности поведения, продуктивности деятельности, эффективности межличностного взаимодействия и многих других сторон внешней и внутренней активности учащихся. Результаты обследования указывают на необходимость проведения целенаправленной работы с теми учащимися, которые испытывают трудности адаптации к условиям проживания в общежитии.

А.А. Пастушенко (Научный руководитель Н.Н. Чайчиц)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УСПЕВАЕМОСТИ

Исследование проблемы компьютерной зависимости подростков приобретает особую значимость в бурном развитии компьютерных технологий. В настоящий момент увеличивается количество детей и подростков, умеющих работать с компьютерными программами, в том числе и играть в компьютерные игры. Несмотря на несомненное положительное значение компьютеризации, следует отметить негативные последствия этого процесса, влияющего на социально-психологическое здоровье подростков. Негативным последствием этого процесса является компьютерная зависимость, которую можно часто встретить в подростковом возрасте. Это может объясняться различного рода изменениями, происходящими с человеком в этот период жизни.

Учебная успеваемость является важным компонентом процесса учебной деятельности в подростковом возрасте, потому что на данном этапе развития происходит становление личности: подростки находятся на

пороге взрослой жизни, перед ними стоит проблема выбора профессии. Это и обусловило проблему нашего исследования: влияет ли наличие компьютерной зависимости на уровень учебной успеваемости в подростковом возрасте.

Цель исследования – изучить компьютерную зависимость у подростков с разным уровнем успеваемости.

Респондентами исследования выступали молодые люди ($n=90$) в возрасте 11–16 лет. Испытуемые были разделены на три возрастные группы: младший ($n=30$), средний ($n=30$) и старший ($n=30$) подростковый возраст.

В рамках проведения исследования использовались следующие диагностические методики: методика Л.Н. Юрьевой, предназначенная для диагностики компьютерной зависимости подростков; тест «Интернет-аддикция», разработанный Т.А. Никитиной и А.Ю. Егоровым. Для выявления уровня успеваемости учащихся был осуществлен анализ школьной документации (классных журналов). Уровень успеваемости школьников определялся на основе распределения отметок за три четверти учебного года с помощью программы SPSS.

Были получены следующие данные: каждый десятый учащийся младшего подросткового возраста имеет низкий уровень успеваемости, такое же количество учащихся имеют высокий уровень успеваемости, а четверо из пяти учащихся – имеют средний уровень успеваемости. В среднем подростковом возрасте каждый третий учащийся имеет низкий уровень успеваемости, 6% учащихся являются высокоуспевающими, фактически половина опрошенных имеют средний уровень успеваемости. В старшем подростковом возрасте практически каждый третий учащийся относится к группе слабоуспевающих школьников, каждый шестой старший подросток имеет высокий уровень успеваемости, фактически половина опрошенных имеют средний уровень успеваемости.

Следующий этап исследования – диагностика компьютерной и интернет-зависимости. В результате исследования были выделены следующие группы испытуемых: учащиеся без риска развития компьютерной и интернет-зависимости, учащиеся на стадии увлеченности, учащиеся с риском развития компьютерной и интернет-зависимости и зависимые от компьютера и интернета на каждом возрастном этапе.

В младшем подростковом возрасте нет учащихся с компьютерной зависимостью, $\frac{1}{3}$ часть подростков не имеет риска развития компьютерной зависимости, более половины респондентов (67%) относятся к группе риска развития зависимости. Описывая данные, полученные при диагностике интернет-зависимости, можно сказать следующее: половина учащихся (50%) находятся в группе риска развития интернет-зависимости, меньше половины подростков (43%) данной возрастной группы не имеют риска

развития зависимости, каждый десятый учащийся младшего подросткового возраста имеет интернет-зависимость.

В среднем подростковом возрасте нет учащихся с компьютерной зависимостью, практически $\frac{1}{3}$ часть подростков не имеет риска к развитию компьютерной зависимости, большая часть респондентов (73%) относятся к группе риска развития зависимости. Описывая данные, полученные при диагностике интернет-зависимости, можно сказать следующее: практически половина учащихся (47%) находятся в группе риска развития интернет-зависимости, меньше половины подростков (36%) данной возрастной группы не имеют риска развития зависимости, каждый четвертый (17%) учащийся среднего подросткового возраста имеет интернет-зависимость.

В старшем подростковом возрасте 3% учащихся имеют компьютерную зависимость, 3% подростков не имеет риска развития компьютерной зависимости, большая часть респондентов (94%) относятся к группе риска развития зависимости. Описывая данные, полученные при диагностике интернет-зависимости, можно сказать следующее: $\frac{1}{3}$ часть учащихся (33%) находятся в группе риска развития интернет-зависимости, больше половины подростков (57%) данной возрастной группы не имеют риска развития зависимости, каждый десятый (10%) учащийся старшего подросткового возраста имеет интернет-зависимость.

Описывая полученные количественные данные, можно сделать вывод о том, что во всех возрастных категориях отмечается большой процент учащихся, которые относятся к группе риска формирования как компьютерной, так и интернет-зависимости.

Также можно выделить следующую особенность: в младшем, среднем и старшем подростковом возрасте имеется значительное количество учащихся со сформированной интернет-зависимостью. Это может быть объяснено тем, что сфера интересов подростков перекликается с возможностями кибер-пространства (возможность общения, развлечения, доступ к любой информации, самореализация).

Для выявления наличия взаимосвязи между компьютерной, интернет-зависимостью и учебной успеваемостью в качестве инструмента анализа нами был использован метод ранговой корреляции Спирмена. В итоге корреляционного анализа были выделены следующие связи: в младшем подростковом возрасте существует значимая отрицательная корреляционная связь между учебной успеваемостью и интернет-зависимостью, в среднем подростковом возрасте существует значимая положительная корреляционная связь между учебной успеваемостью и компьютерной зависимостью, в старшем подростковом возрасте компьютерная и интернет-зависимость на учебную успеваемость существенного влияния не оказывают.

Таким образом, эмпирическое исследование показало, что в младшем подростковом возрасте на учебную успеваемость негативно влияет интернет-зависимость, компьютерная зависимость не оказывает значимого влияния на учебные достижения. В среднем подростковом возрасте интернет-зависимость не влияет на учебную успеваемость, компьютерная зависимость повышает учебные достижения (возможно, за счет использования компьютера в обучающих целях). В старшем подростковом возрасте ни компьютерная, ни интернет-зависимость не влияют на уровень учебной успеваемости.

Полученные данные могут быть использованы с целью оптимизации учебного процесса и с целью профилактики формирования компьютерной и интернет-зависимости в подростковом возрасте.

Д.Г. Потапова (Научный руководитель Е.А. Гузюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕВУШЕК-ВЫПУСКНИЦ ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Большое значение для изучения как практических, так и теоретических проблем воспитания детей в сиротских учреждениях имеют работы А.С. Макаренко, Н.К. Крупской, В.А. Сухомлинского, А.И. Захарова. Многочисленные исследования Л.И. Божович, И.В. Дубровиной, М.И. Лисиной, А.Г. Ружской, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, Дж. Боулби посвящены анализу неблагоприятных последствий воспитания детей в государственных учреждениях, в том числе и нарушениям в эмоционально-личностной сфере, недостаточному уровню развития коммуникативных навыков. Важный аспект адаптации ребенка-сироты в обществе – уровень его подготовки к самостоятельной жизни, особенно бытовая и социальная адаптация. Государственная опека избавляет воспитанников учреждений от какой-либо привычки к самообеспечению, позиционированию себя в обществе, общению с новыми людьми. Неспособность сдерживать свое раздражение, конфликтность отдаляют их от сверстников и делают еще более озлобленными и беспомощными. На Западе дети-сироты, которые воспитываются в семейных детских домах или интернатах, обязаны проходить курсы «независимого проживания» и получать сертификат об их окончании. Это является одним из условий самостоятельного проживания.

Согласно данным статистики сегодня успешно социализируются лишь около 10% выпускников интернатных учреждений, остальные по-

полняют ряды социальных аутсайдеров. Среди наиболее серьезных проблем детей-сирот выделяют задержку, или специфичность, развития эмоционально-психической и волевой сферы; отсутствие опыта семейной социализации; отсутствие или недостаточность опыта взаимодействия с окружающей средой и другими людьми; потребительское отношение к материальным ценностям и людям; неадекватность самооценки, замкнутость, одиночество и т.п. Перечисленные особенности развития детей, растущих в детском учреждении, обуславливают трудности их социально-психологической адаптации. Поэтому мы считаем, что вопрос о социально-психологической адаптации выпускников, в частности девушек-выпускниц интернатных учреждений, является актуальным.

Цель исследования – выявить особенности социально-психологической адаптации девушек-выпускниц интернатных учреждений и девушек из полных семей. Мы предполагаем, что есть отличия в социально-психологической адаптации девушек-выпускниц интернатных учреждений и девушек из полных семей, в частности, менее развиты коммуникативные навыки, социальная адаптация проходит сложнее, вследствие недостаточных знаний своих прав, льгот, законодательства, отделения от сложной ситуации, приложения меньших усилий по изменению ситуации.

По результатам проведения копинг-теста Лазаруса выяснилось, что девушки-выпускницы интернатных учреждений меньше прилагают усилий для разрешения сложных жизненных ситуаций, чем девушки из полных семей (53% и 44%). Желание отделиться от ситуации, забыть быстрее все относящееся к трудной ситуации чаще возникает также у девушек-выпускниц интернатных учреждений (56% и 43%). Усилия по регулированию своих чувств и действий практически не различаются (58% и 56%). За помощью к специалистам, государственным органам и соцслужбам чаще обращаются девушки из полных семей (47% и 67%). Девушки из полных семей осознают свою роль в возникновении проблемы и принимают, хотя и не всегда, на себя ответственность за ее решение, в ряде случаев признают свою вину (43%) и лишь незначительное количество подвергает себя самокритике и самобичеванию (5%), переживают чувство вины и хронически не удовлетворены собой.

Девушки-выпускницы интернатных учреждений не всегда осознают свою роль в возникновении проблемы и не всегда принимают на себя ответственность за ее решение, хотя признают свою вину в ряде случаев (67%). Подвергает себя самокритике и самобичеванию 15%, переживанию чувства вины и хронической неудовлетворенности собой.

И девушки-выпускницы интернатных учреждений, и девушки из полных семей, с небольшой разницей, стараются уйти от проблемы (46% и 56%). Над тем, как избежать проблемы, попадания в трудную жизненную

ситуацию, нахождением выхода из сложной ситуации больше задумываются девушки из полных семей (48% и 37%). И девушки-выпускницы интернатных учреждений, и девушки из полных семей стараются найти положительное в трудной ситуации (44% и 47%).

Для решения поставленных задач в исследовании мы также использовали тест коммуникативных умений Михельсона. У большинства девушек из полных семей наблюдалось компетентно-агрессивное поведение (45%) и компетентное (35%), а у девушек-выпускниц интернатных учреждений преобладает компетентно-зависимое поведение (75%). Девушки из полных семей свободно могут сказать комплимент, выразить благодарность (75%). Любят, когда им говорят комплименты, хвалят (65%). Девушки-выпускницы интернатных учреждений не всегда умеют сказать комплимент, выразить благодарность (45%). Часто смущаются, краснеют, если им говорят комплименты, хвалят (55%). На любую критику как на справедливую (60% и 58%), так и на несправедливую (56% и 52%), реагируют довольно агрессивно девушки из обеих групп. Девушки из полных семей на задевающее, провоцирующее поведение со стороны собеседника редко отвечают молчанием, краснеют и чувствуют себя виноватыми (17%), агрессивно реагируют 67%, могут разрешить конфликт 16%.

Девушки-выпускницы интернатных учреждений на задевающее, провоцирующее поведение со стороны собеседника могут отвечать молчанием, краснеют и чувствуют себя виноватыми (43%), агрессивно реагируют 27%, могут разрешить конфликт 30%. Свободно могут обратиться к сверстникам 85% девушек из полных семей. Девушки-выпускницы интернатных учреждений намного реже (55%) обращаются к сверстникам. Не всегда могут сказать нет, часто не могут отказать на чужую просьбу 24% девушек из полных семей и 47% девушек-выпускниц интернатных учреждений. Охотно оказывают сочувствие, поддержку, редко остаются в стороне и те, и другие. При этом девушки из обеих групп одинаково не любят, когда им сочувствуют сверстники (39% и 38%). Сложности при вступлении в контакт с незнакомым человеком реже возникают у девушек из полных семей (48%), чем у девушек-выпускниц интернатных учреждений (78%), агрессивно отвечают на попытку вступить с ними в контакт 39% девушек из полных семей и 69% девушек-выпускниц интернатных учреждений.

По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что у девушек-выпускниц интернатных учреждений менее развиты коммуникативные навыки, они не всегда могут постоять за себя, ответить отказом на чью-либо просьбу, не всегда осознают свою роль в возникшей трудной ситуации, надеются на такое разрешение проблемы, как «само собой образуется». Девушкам-выпускницам интернатных учреждений значительно труднее общаться со сверстниками, а тем более с незнакомыми людьми.

Очевидно, что им не хватает опыта общения с людьми. Они часто ощущают себя «одинокими, брошенными», так как у них нет родного человека, который их поддержит, поможет советом и т.д. Поэтому задача государства, педагогов и психологов помочь выпускникам интернатных учреждений найти свое место в обществе, развивать коммуникативные навыки, обучать ведению домашнего хозяйства и т.д.

А.И. Рык (Научный руководитель А.А. Стреленко)
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, Беларусь

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАДЕ «УЧИТЕЛЬ–УЧЕНИК» КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В последнее время всё чаще поднимается проблема, касающаяся безопасности жизнедеятельности человека в определённых условиях. Неблагоприятные условия могут являться причиной различных психических нарушений, эмоционального неблагополучия. Условием безопасности образовательной среды является создание личностно-ориентированной модели взаимодействия в диаде «учитель–ученик» и модели обучения.

В последние годы как в России, так и в Белоруссии, обращается внимание на необходимость активной разработки данной проблематики, представленной в работах И.А. Баевой, Г.В. Грачева, А.А. Деркача, Т.С. Кабаченко, М.А. Котик, В.Е. Лепского, А.И. Петренко, В.Н. Футина и др.

В любой педагогической системе происходит взаимодействие участвующих в ней людей: воспитателей и детей, учителей и школьников, преподавателей и студентов. Различают учебно-дисциплинарную и личностно-ориентированную модель педагогического взаимодействия.

Учебно-дисциплинарная модель педагогического взаимодействия является риском психологической безопасности образовательной среды и характерна для традиционной педагогики и практики обучения. Так как основная задача традиционного обучения состоит в том, чтобы передать ученикам ряд очевидных знаний, педагог просто излагает содержание материала и проверяет уровень его освоения. Главным видом деятельности преподавателя является репродукция, не допускающая альтернатив. В качестве субъекта деятельности признается только педагог. Ученику отводится пассивная роль как объекту воздействия со стороны педагога. Основное противоречие, возникающее между участниками взаимодействия, преодолевается путем явного или неявного принуждения.

Личностно-ориентированная модель обучения является более благоприятной моделью обучения в школе, так как она исходит из признания за каждым ребенком права проявить свои возможности в познании, поведении. Для этого педагог организует различные учебные ситуации, где любой ребенок, независимо от его «готовности» к школе смог проявить свою детскую любознательность, самостоятельность, стремление к творчеству, не боясь ошибиться, «сделать не так», получить плохую отметку. В обучении основное внимание уделяется работе с субъектным опытом, а он у каждого ученика свой, неповторимый, в известном смысле уникальный. Педагог не подгоняет развитие каждого ребёнка к определённым канонам, а предупреждает возникновение возможных тупиков личностного развития детей, исходя из задачи максимально полно развернуть возможности их роста. Знания, умения и навыки рассматриваются не как цель, а как средство полноценного развития личности.

Цель нашего исследования – выявить особенности взаимодействия в диаде «учитель–ученик».

Основными методами исследования являются:

1. Теоретический сравнительный анализ психолого-педагогических концепций, посвящённых данной проблеме.

2. Эмпирические:

– анкета «Диагностика ориентированности педагога на различные модели взаимодействия с учащимися». Цель анкеты – выявить тип ориентированности учителя на учебно-дисциплинарную или личностную модель взаимодействия с детьми. На основе такого исследования определяются учителя, которые уже способны действовать и вести себя с позиции ненасилия, и те учителя, которые ориентированы на учебно-дисциплинарную модель. Данная анкета использовалась в исследованиях И.А. Бaeвой и Е.Н. Волковой;

– опросник «Психологическая диагностика безопасности образовательной среды школы» для учителей, направленный на выявление отношения к безопасной образовательной среде, удовлетворённость её субъектов основными характеристиками взаимодействия, определение индекса психологической безопасности. Данный опросник также применялся в исследованиях И.А. Бaeвой и Е.Н. Волковой.

Эмпирическое исследование было проведено в начальных классах и начальных классах интегрированного обучения общеобразовательной средней школы. В исследовании приняли участие 45 учителей начальных классов общеобразовательной школы, из них: 24 учителя начальных классов и 21 учитель начальных классов интегрированного обучения.

Исходя из результатов проведённого нами исследования, было выявлено, что 41% педагогов начальных классов ориентированы на личностно-

ориентированную модель взаимодействия в диаде «учитель–ученик», а 59% имеют ориентированность на учебно-дисциплинарную модель взаимодействия.

При исследовании педагогов начальных классов интегрированного обучения было выявлено, что 42% педагогов ориентированы на учебно-дисциплинарную модель взаимодействия и 58% педагогов в своей деятельности придерживаются личностно-ориентированной модели педагогического взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в большей степени на личностно-ориентированную модель ориентированы учителя начальных классов интегрированного обучения, нежели учителя начальных классов. Это свидетельствует о том, что использование демократического стиля является основой для большинства учителей начальных классов интегрированного обучения.

Таким образом, педагоги, ориентированные на личностную модель взаимодействия считают образовательную среду наиболее безопасной по сравнению с педагогами, имеющими учебно-дисциплинарную ориентацию, так как у педагогов личностной модели менее выражена потребность в безопасности, они полностью удовлетворены своей работой, положительно к ней относятся, отмечают, что работа требует постоянного совершенствования и помогает развитию способностей.

Исходя из этого можно отметить, что задачей социальной психолого-педагогической службы в школе является контроль за ходом психического, физического здоровья всех участников учебно-воспитательного процесса.

Т.А. Сливко (Научный руководитель А.В. Сацук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ

Современные исследования спортивной психологии личности в основном посвящены изучению особенностей развития отдельных личностных свойств спортсменов, черт характера в зависимости от занятий тем или иным видом спорта, направленности личности юных спортсменов. Почти отсутствуют исследования, посвященные изучению влияния занятий спортом на учебную деятельность юных спортсменов. Между тем некоторые подростки-спортсмены, отдающие спорту все силы и все свое время, имеют низкую успеваемость в общеобразовательной школе. Практическая задача организации жизнедеятельности подростков заключается в том, чтобы найти те условия, при которых подросткам удавалось бы со-

вмещать учебную и спортивную деятельность без ущерба для каждой из них. Анализ работ по проблеме формирования личности юного спортсмена показал недостаточность разработки данной темы, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Качества самоорганизации юных спортсменов, волевой саморегуляции, умение планирования и реализации своей деятельности представляются нам ведущими при достижении прикладной задачи продуктивного совмещения учебной и спортивной деятельности.

Предметом нашего исследования является способность к организации своей активности во времени (временная самоорганизация) подростков. В качестве цели нашего исследования выступает выявление и описание связи временной самоорганизации юных спортсменов и эффективности их учебной деятельности, интегральным показателем которой является академическая успеваемость. В качестве дополнительной цели выступало также изучение связи школьной успеваемости и ценности учебной деятельности. В исследовании приняли участие 40 подростков в возрасте 12–14 лет обоих полов.

В нашем квазиэксперименте были выделены две группы участников: в состав экспериментальной группы вошли дети, занимающиеся спортом (две подгруппы): подростки-спортсмены с низкой академической успеваемостью и хорошо успевающие подростки-спортсмены 12–14 лет. В состав контрольной группы вошли учащиеся того же возраста, не занимающиеся в спортивных секциях. Экспериментальная и контрольная группы включали по 20 исследуемых, из которых всего 10 слабоуспевающих и 10 с высоким уровнем школьной успеваемости.

В данном эмпирическом исследовании использовались следующие методики: 1) тест «Самооценка силы воли», методика описана Н.Н. Обозовым (1997) и предназначена для обобщенной характеристики проявления силы воли и выявления уровня ее развития; 2) опросник «Самооценка организованности», методика описана Е.П. Ильиным и предназначена для определения организованности; 3) специально разработанная анкета «Моя организация времени и отношение к учебе и спорту», направленная на изучение организации времени подростков-спортсменов и ценности учебной деятельности.

Проведенное эмпирическое исследование выявило небольшие различия в отношении к учебе и во временной самоорганизации между подростками, занимающимися спортом, и подростками, которые спортом не занимаются, однако более яркие различия обнаружились между успевающими и неуспевающими школьниками, независимо от занятий спортом.

Результаты исследования показали, что развитой силой воли (высоким уровнем) обладают успевающие подростки независимо от того, зани-

маются они спортом или нет. Занятия спортом не связаны с уровнем силы воли. Чуть выше уровень силы воли у неуспевающих подростков, которые спортом не занимаются.

Существенных различий в организованности не обнаружено. Различия в организованности сильнее выражены у успевающих и неуспевающих подростков, которые спортом не занимаются, в то время как у спортсменов примерно одинаково.

Большинство подростков-спортсменов ничем другим, кроме спорта не увлекаются, в то время как неспортсмены проявляют различные интересы, причем эти данные различаются в зависимости от успеваемости: среди неуспевающих подростков нет выраженных различий в дополнительных увлечениях, в обоих случаях они нешироки. Успевающие же школьники, независимо от того, спортсмены они или нет, находят себе дополнительные занятия и увлечения.

Неуспевающие подростки как спортсмены, так и не занимающиеся спортом, меньше переживают из-за отметок, в то время как хорошо успевающие подростки обеих выборок всегда переживают из-за отметок. При этом школьники, не занимающиеся спортом, склонны больше беспокоиться о своих отметках, чем спортсмены.

Готовясь к урокам, все подростки, в первую очередь, выполняют письменные задания и то, что задано выучить наизусть. Неуспевающие подростки обеих выборок чаще начинают с легких предметов, а сильные ученики – с тяжелых (если есть трудности в подготовке домашнего задания). У детей с хорошей успеваемостью обеих выборок часто встречаются социальные мотивы выбора тех предметов, которые готовятся в первую очередь: «Пригодится в жизни», «Нужно будет сдавать экзамен», «Учу самые важные», «Человек должен знать свой язык». У неуспевающих детей ответ «Важные» встретился только однажды. Хорошо успевающие подростки обеих выборок (20% спортсменов и 30% неспортсменов) отметили, что они выполняют письменные предметы, а устные успевают прочитать перед уроком. Можно сделать вывод, что за счет интеллектуального развития сильные дети обеих выборок не затрачивают много времени на приготовление домашних заданий, поэтому у них остается время на спорт и другие увлечения.

Некоторые различия получены между группами успевающих и неуспевающих из выборки спортсменов. Так, успевающие подростки-спортсмены главным в своей жизни считают в равной мере спорт и учебу, тем временем как неуспевающие подростки-спортсмены главным занятием для себя считают спорт и в дальнейшем планируют стать профессиональными спортсменами.

Подростки, занимающиеся спортом (80%), считают, что школьная программа содержит предметы, изучение которых не пригодится в будущем, неспортсмены считают так же в 50% случаев.

В случае нехватки времени успевающие подростки-спортсмены обычно делают выбор между выполнением спортивного или учебного задания в зависимости от конкретной ситуации, определяя каждый раз важность для себя того или иного задания. Неуспевающие подростки, которые считают главным в своей жизни спорт, в первую очередь выполняют задание тренера.

Половина подростков-спортсменов относятся к пропускам занятий из-за тренировок или соревнований как к нормальному явлению. Интересно, что успевающие спортсмены чаще, чем неуспевающие, радуются, что можно отдохнуть от школы.

Занятия спортом отнимают значительное количество энергии, что, однако, не оказывает определяющего воздействия на выполнение домашних заданий как у успевающих, так и у неуспевающих подростков, занимающихся спортом.

В заключение хотелось бы сказать, что занятия спортом отнимают значительное время у подростков, отчего даже дети, которые обладают достаточным уровнем организованности и соблюдают распорядок дня, испытывают дефицит времени. Однако занятия спортом не являются причиной низкой успеваемости в школе.

К.В. Тхир (Научный руководитель Н.Ю. Шлат)
Псков, ПсковГУ, Россия

К ВОПРОСУ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ

Актуальность проблемы здоровья детей в последние годы значительно возросла. Рост нервно-психических и соматических заболеваний коррелирует с общим снижением успеваемости, особенно на начальных этапах обучения. Одной из наиболее распространенных форм аномалий психики в раннем онтогенезе в настоящее время является задержка психического развития (ЗПР).

Психологи и педагоги прошлого столетия и современности (Т.П. Артемьева, П.П. Блонский, Т.А. Власова, В.П. Кащенко, С.Н. Крюков, Н.А. Менчинская, Г.В. Мурашёв, А.В. Мудрик, В.Н. Мясищев, Л.П. Стрелкова и др.) выделили категорию детей, требующую специальных условий обучения и воспитания. Необходимость разработки вопросов образования и развития детей с ЗПР, переход современной школы на но-

вые образовательные стандарты усугубили положение стойко неуспевающих школьников.

Особого внимания данная проблема заслуживает в младшем школьном возрасте, так как известно, что рассматриваемый возрастной период отличается особенной уязвимостью в отношении средовых факторов, среди которых ведущую роль играют взаимоотношения в системе «ребенок – взрослые», «ребёнок – сверстники». Включение в новый вид деятельности – учебную деятельность – предъявляет ряд серьёзных требований к младшему школьнику, заставляет подчинить свою жизнь строгой (само)организации. В связи с этим возникает необходимость решения задачи успешной адаптации детей с ЗПР в условиях школы.

Физиологическая адаптация – совокупность физиологических реакций, лежащих в основе приспособления организма к изменению окружающих условий и направленных на сохранение относительного постоянства его внутренней среды. Социально-психологическая адаптация – результат гармонизации отношений субъекта и социальной среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели, обеспечивая, в то же время, соответствие деятельности человека, его поведения требованиям среды.

Механизмы адаптации детей в условиях образовательного учреждения изучали Г.М. Андреева, Л.С. Выготский, А.И. Донцов, Т.В. Залевский, А.В. Карпов, В.А. Новиков, Ж. Пиаже, Л.И. Уманский и др.

В связи с актуальностью решения проблемы успешной адаптации первоклассников с ЗПР нами была проведена комплексная диагностика, включающая методику определения уровня школьной мотивации (Н.Г. Лусканова) и методику экспресс-диагностики интеллектуальных способностей детей 6–7 лет с ЗПР (МЭДИС) (И.С. Аверина, Е.Н. Завдорина, Е.И. Щепланова). В экспериментальном исследовании участвовал 1 класс в количестве 11 человек (8 мальчиков и 3 девочки).

Цель исследования – определение уровня удовлетворенности учащихся различными факторами успешности в период адаптации к школьной жизни; выявление уровня интеллектуальных способностей учащихся при поступлении в школу.

Анализируя полученные данные, мы обнаружили следующие результаты. Была выявлена группа детей с низким уровнем школьной мотивации (25% учеников): такие дети отличаются наличием низких познавательных мотивов, учащиеся посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия, испытывают затруднения в процессе учебной деятельности. У детей, участвующих в эксперименте, не сформирована психологическая готовность к школе.

По результатам исследования положительное отношение к школе наблюдается у одной ученицы, но школа привлекает ее больше внеучебной деятельностью, как правило, игровой. Оптимальную мотивацию в классе имеют пять учеников, как правило, те, кто успешен в учебной деятельности. Среди мотивов обучения преобладает познавательный.

Неудовлетворенность межличностным общением среди одноклассников диагностирована у одного ученика. В данном классе не выявлены учащиеся с негативным отношением к школе.

По итогам первичного исследования стартовых образовательных возможностей учащихся обнаружено, что в экспериментальном классе определилась группа школьников с интеллектуальным развитием ниже нормы. Наибольшее количество низких результатов показала диагностика фактора «математические способности» (100% учеников); с заданиями на «количественные и качественные соотношения» не справились 89% учащихся, задание на общую осведомленность вызвало затруднение у 78% учащихся, по фактору «классификация» 44% учащихся показали низкие результаты.

Таким образом, основными причинами неполной адаптации учащихся в первом классе являются: недостаточная активность учебной деятельности, недостаточный уровень усвоения знаний, проблемы поведения на уроке, ярко выраженная игровая мотивация.

По результатам проведенного диагностического исследования на начальном этапе адаптации в 1 классе, участвующем в эксперименте, отмечается преобладание позитивного оценивания учащимися различных факторов школьной жизни: наблюдается позитивное отношение к себе, что позволяет судить о самопринятии и гармонии с собой; о принятии учителя как личности (значимого взрослого), одноклассников, что свидетельствует о сформированной социальной позиции школьника, и в целом позволяет судить о благоприятном эмоциональном состоянии учащихся.

Результаты, полученные в ходе комплексной диагностики, позволили определить следующие направления психолого-педагогической работы с классом:

1. Организация психолого-педагогической помощи школьникам, испытывающим трудности адаптации в условиях школы, включающая развитие у детей когнитивных умений и способностей, необходимых для успешного обучения в начальной школе (комплекс этих умений и навыков входит в понятие психологической готовности к школе).

2. Психолого-педагогическая диагностика уровня школьной адаптации/дезадаптации первоклассников с ЗПР с целью выявления детей с негативным отношением к школе, оценки общего уровня школьной мотива-

ции в классе, отслеживания эффективности профилактической и коррекционно-развивающей работы.

3. Проведение психолого-педагогического консилиума по итогам диагностики с разработкой стратегии и тактики сопровождения каждого ребенка и, в первую очередь, тех школьников, которые испытывают трудности в адаптации.

4. Организация и проведение просветительской и консультативной работы с педагогами (очевидно, что успешность адаптации и дальнейшего обучения детей с ЗПР зависит от личностных особенностей педагога (А.В. Шетько)) и родителями.

СЕКЦИЯ № 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ю.С. Веремчук (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У ПОТРЕБИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Поведение потребителей – относительно новая научно-прикладная дисциплина, возникшая на стыке экономики, менеджмента, маркетинга и психологии, которая постепенно вобрала в себя колоссальное количество научной информации, теорий и гипотез, исследовательских методов и приемов не только из этих, но и многих других отраслей знаний. За последнее десятилетие в мире вышло большое количество книг, посвященных изучению поведения потребителей.

Проблемами изучения потребительского поведения занимались такие ученые, как К. Маркс, Т. Веблен, Г. Зиммель, В. Зомбарт, М. Вебер, Д. Статт, О.С. Посыпанова и другие.

Потребитель – индивид или организация, покупающие, использующие, владеющие и утилизирующие товар или услугу. Какие бы социальные роли мы ни играли в своей жизни – студента, дочери, родителя, рабочего той или иной специальности – мы все так или иначе ежедневно выступаем в роли потребителей. Мы постоянно покупаем различные товары и пользуемся какими-то услугами, для того чтобы есть, одеваться, читать, смотреть телевизор, играть, поддерживать свое здоровье, зарабатывать, а также для того, чтобы стать если не мудрецами, то хотя бы просто образованными людьми. Поэтому акт потребления – органичная и неотъемлемая часть нашего ежедневного существования.

Определение основных покупателей многих товаров не вызывает затруднений: бритвенные принадлежности приобретают мужчины, колготки – женщины. Но даже в ответах на такие, казалось бы, очевидные вопросы маркетологи должны проявлять осторожность, так как покупательские роли не есть нечто застывшее. Принимая решение о покупке, потребитель руководствуется определенным набором атрибутов (неотъемлемых свойств), характерных для товаров.

В соответствии с этим О.С. Посыпанова выделила 7 типов потребителей: инноваторы, модники, традиционалисты, консерваторы, индивидуалисты, ситуативисты и равнодушные. Выбирая тот или иной товар, потребитель оценивает его не только по набору атрибутов, но также исходя из своей системы ценностей. В настоящее время существует множество различных определений понятия ценность. М. Рокич определяет ценность как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования».

Ценностная ориентация – это способ организации человеком своего поведения в соответствии с осознанными мотивами, возведенными в ранг смысложизненных ориентиров. Исходя из данного определения, ценностные ориентации выступают в качестве индивидуальной идеологии стиля жизни. Они формируются при усвоении социального опыта и проявляются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других элементах внутреннего мира, реализуются в поведении личности.

В структуре деятельности ценностные ориентации тесно связаны с познавательными и волевыми сторонами, они обеспечивают устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности, основу жизненной концепции и «философии жизни». Ценностные ориентации на индивидуальном уровне инструментизируются, превращаются в инструмент ориентации индивида в социальном пространстве и мире вещей. Они принимают форму установок, вкусов, симпатий, антипатий, что в итоге влияет на выбор потребителя.

Также важный, но очень противоречивый фактор, лежащий в основе потребительского поведения, – это возраст. Экономисты и маркетологи не выделяют возраст в качестве ведущего фактора изменения потребительского поведения, но и не относят его к совершенно незначимым. Они просто его не рассматривают. Среди психологов мнения различны: одни относят его к ведущим факторам, другие – к второстепенным. Но большинство

психологов отмечает его значимость. Тем не менее, важно отметить, что запросы на различные услуги и предметы потребления с возрастом не остаются неизменными. Люди становятся старше, меняются их потребности и предпочтения.

В проведенном нами эмпирическом исследовании были изучены 2 возрастные группы (стадии): стадия развития потребительских предпочтений (17–23 года) и стадия фиксации потребительских предпочтений (23–45 лет). Выборка составила 60 человек (в каждой возрастной группе по 30). Для реализации поставленной цели использовался следующий диагностический инструментарий: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, методика «Психологический профиль потребителя» О.С. Посыпанова.

В результате проведенного исследования получены следующие данные. В первой возрастной группе (стадия развития потребительских предпочтений) были выявлены следующие типы потребителей и характерные для них ценности:

- 24% инноваторов (уверенность в себе, активная деятельная жизнь, свобода, смелость в отстаивании своих мнений, широта взглядов);
- 24% ситуативистов (любовь, здоровье, свобода и жизнерадостность);
- 15% традиционалистов (здоровье, любовь, счастливая жизнь, самоконтроль, ответственность и аккуратность);
- 12% индивидуалистов (продуктивная жизнь, уверенность в себе, самоконтроль, широта взглядов);
- 12% консерваторов (любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, честность и воспитанность);
- 3% равнодушных (любовь, наличие хороших друзей, образованность).

Во второй возрастной группе (стадия фиксации потребительских предпочтений) были получены следующие результаты:

- 24% консерваторов (любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, честность и воспитанность);
- 24% традиционалистов (здоровье, любовь, счастливая жизнь, самоконтроль, ответственность и аккуратность);
- 15% индивидуалистов (интересная работа, творчество, продуктивная жизнь и активная деятельная жизнь);
- 15% ситуативистов (для них характерен наибольший разброс ценностей: любовь, здоровье, красота природы, свобода, честность, чуткость, жизнерадостность и другие);
- 12% инноваторов (интересная работа, материальное обеспечение, свобода и высокие запросы).

Сравнивая выборы респондентов двух возрастных групп, можно отметить наличие определенных ведущих предпочтений. У респондентов воз-

растной группы 17–23 года область предпочтений находится в зоне инноваторы и ситуативисты, а у респондентов возрастной группы 23–45 лет область предпочтений находится в зоне консерваторы и традиционалисты (при этом степень выраженности равная в данных выборках).

Изучив особенности ценностных ориентаций потребителей разных типов в разных возрастных группах, можно в дальнейшем выстроить систему маркетинговых коммуникаций (рекламу, PR), учитывая особенности возраста целевой группы, что и обуславливает актуальность выбранной темы. Полученные результаты будут полезны для людей, совершающих прямые продажи, чтобы лучше и более полно понять и узнать своего потенциального покупателя.

Р.Н. Волчек (Научный руководитель Л.Л. Кубанская)

Барановичи, БарГУ, Беларусь

КОГНИТИВНЫЕ СХЕМЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ОДНОКУРСНИКОВ

В соответствии с доминирующими на сегодняшний день теориями, описывающими процесс возникновения эмоций, а именно когнитивными теориями эмоций (они же теории когнитивной оценки, appraisal theories), когнитивные процессы играют центральную роль в процессе возникновения эмоций. Эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние в познании и искусстве, в творчестве и в душевных кризисах человека. Такая универсальная значимость эмоций должна являться надежным залогом повышенного интереса к ним.

Эмоции характеризуются определенным качеством переживания и направленностью на объект. С точки зрения теоретиков когнитивного подхода, эмоции возникают тогда, когда объекты оцениваются как значимые с точки зрения мотивов переживающего. Дифференциация эмоций по определенным видам зависит, с одной стороны, от способа оценки, с другой стороны, от специфических установок в отношении фактических сведений относительно вызвавшего эмоцию объекта. Б.И. Додонов пишет: «Рассуждая о механизме возникновения эмоций, большинство физиологов, как правило, определяют эмоцию с точки зрения эффекта, произведенного сопоставлением, неправомерно вынося само сопоставление за скобки эмоционального процесса». В действительности же, считает ученый, эмоции – это и процесс, который есть не что иное, как деятельность оценки поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире, которую ощущение и восприятие кодируют в форме его субъективных образов. Поэтому Б.И. Додонов говорит об эмоциональной деятельности, которая заклю-

чается в том, что отраженная мозгом действительность сопоставляется с запечатленными в нем же постоянными или временными программами жизнедеятельности организма и личности. Эмоциональная оценка может подключаться к процессу рационального (словесно-логического) сопоставления информации, окрашивая в положительные или отрицательные тона ту или иную парадигму и тем самым придавая им больший или меньший вес. Важной целью представителей новейших теорий когнитивной оценки (К. Шерер, Р. Лазарус, П.В. Симонов) является разработка и систематизация результатов данного свыше наброска «когнитивного анализа» эмоций для каждой отдельной эмоции человека. При этом выяснилось, что такого рода анализ возможен в отношении большинства эмоций, различаемых в обиходной речи.

Для объяснения когнитивных процессов, включенных в познание, эмоциональные состояния, общение, М. Минский ввёл понятие «рамка». Рамочная структура – наличие контекста для каждого знания или процесса его получения позволяет распознать их сущность. А.Н. Леонтьев использует термин образ мира, наполненный личностным смыслом общепринятых значений. Когнитивная схема – конструкт, который выделяет приоритетность явления, способ переработки, сохранения и использования информации. В словаре когнитивные схемы определяются как структурированные группы понятий, которые включают базовые знания о событиях, действиях, сценариях поведения, сформированные в прошлом опыте. Следовательно, существует взаимосвязь между когнитивными схемами и памятью. Ф. Бартлетт определил понятие – избирательное запоминание, что доказывает взаимосвязь избирательной памяти с когнитивными схемами в его опыте, с запоминанием картины и последующим рассказом другому человеку. Ж. Пиаже считал, что когнитивная схема – это грань между ассимиляцией и аккомодацией. У. Найсер в своих трудах отметил, что на основе прошлого опыта у человека возникают такие процессы, как предвосхищение, воображение, прогнозирование, отчего можно сказать, что схема занимает центральное место между прошлым и будущим. Таким образом, схема – средство, позволяющее сформировать ожидание: образ, картину ожидаемого результата действия. Её можно рассматривать как результат, так и средство формирования эмоциональной направленности личности. Б.И. Додонов связывает направленность с доминированием одних мотивов над другими, с их устойчивой иерархией, указывает на важность характеристик эмоциональных состояний человека при изучении направленности.

Эмоциональная оценка человека (в нашем случае однокурсника) играет важную роль в формировании дальнейших взаимоотношений с этим человеком. Осознание ее актуальности привело нас к определению объекта исследования, в качестве которого выделен когнитивный компонент эмо-

циональных проявлений. Предметом изучения мы избрали взаимосвязь когнитивных схем оценки и эмоциональной направленности личности. Целью нашего исследования было определение когнитивных схем в эмоциональных оценках однокурсников, а гипотезой послужило предположение об их взаимообусловленности.

Для ее подтверждения мы использовали следующие методы: анализ научной литературы по исследуемой проблеме; методики «Определение общей направленности личности» Б.И. Додонова и семантический дифференциал Ч. Осгуда. В качестве испытуемых выступили студенты 1 курса БарГУ в количестве 25 человек. В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты. В ходе проведения семантического дифференциала респондентам было предложено проранжировать значимость оценочных критериев однокурсников. При анализе нами было выявлено, что в качестве наиболее значимого критерия семь респондентов выбрали оценку по фактору «хороший» и «привлекательный» – (10 чел.). Далее, по убыванию их востребованности, были выделены критерии: «существенный» – выбрали 7 респондентов, «желательный» и «значимый» – выбрали 6 респондентов. Наименее значимая характеристика определена как «важный» и «полезный» – (4 респондента).

Результаты исследования эмоциональной направленности по методике Б.И. Додонова свидетельствует о следующем: доминирующими эмоциями являются альтруистические (22,2% респондентов); 37% респондентов присущи только коммуникативные эмоции; 18,2% респондентов в качестве существенных выделяют практические эмоции, а акизитивные и пугнические – 8% испытуемых. Для одного респондента оказались характерны только гностические эмоции. Шести испытуемым не присущи эстетические эмоции, а двум – гедонистические и глорические эмоции. Для выявления связи между когнитивными критериями оценки и эмоциональной направленностью проведён сравнительный анализ этих явлений через показатели их выраженности в процентах. Наблюдаются различные комбинации их соотношений, которые указывают на взаимосвязь когнитивного и эмоционального компонентов оценки. Для респондентов, выделяющих фактор «хороший» и «привлекательный», в качестве доминирующего при оценке однокурсника характерны альтруистические эмоции. Выбор фактора «важный» и «полезный» обуславливает гностическую эмоциональную направленность, а фактора «привлекательный» и «приятный» – коммуникативную. В свою очередь, акизитивные и пугнические эмоции обусловлены предпочтительностью фактора «желательный».

Закономерно выделение пугнической эмоциональной направленности в факторе «желательный», так как тенденция к противостоянию сопряжена с мотивацией достижения. Коммуникативная направленность

обусловлена выбором фактора «привлекательный» и «приятный», потому что коммуникации необходимы для выражения просоциальных эмоций.

М.В. Гридунова (Научный руководитель И.А. Новикова)
Москва, РУДН, Россия

РОДИТЕЛЬСКИЕ ДИРЕКТИВЫ КАК ФОРМА СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

«Родительские директивы» – термин отечественных психологов В.К. Лосевой и А.И. Лунькова, фактически тождественный понятию «предписания» американских психотерапевтов Р. и М. Гулдингов, которые, в свою очередь, продолжали и творчески разрабатывали проблему «родительского программирования», поставленную в транзактном анализе Э. Берна. Предписания – это сообщения, передаваемые родителями своему ребенку в скрытой или явной форме, содержащие родительские жизненные правила, инструкции, ограничения, в том числе относительно мыслей и чувств ребенка. Мы склонны рассматривать родительские предписания, или директивы, как форму стереотипных представлений, что обусловлено сходством этих социально-психологических феноменов по ряду признаков. Такой подход позволил бы вписать новый феномен в систему уже сложившихся научных взглядов, подкрепленных многочисленными эмпирическими исследованиями, использовать проверенные методы для его изучения, а также соотнести полученные результаты с уже имеющимися.

Слово «стереотип» имеет греческие корни (*stereos* – твердый, *typos* – отпечаток) и используется в типографии для обозначения печатных форм или клише. Благодаря удачной аналогии с устойчивыми, ригидными явлениями психики термин получил широкое распространение в психологии и социальных науках. Стереотипом называют: 1) поведение инстинктивного или условно-рефлекторного типа, 2) комплекс условно-рефлекторных двигательных реакций («динамический стереотип» И.П. Павлова), 3) ритуал, 4) образ социальных объектов (социальный стереотип). Как предупреждает З. Фрейд, природа любит пользоваться одинаковыми формами при различном содержании. Психические явления, определяемые как «стереотип», могут быть похожи внешне, но при этом отличаться по сути, что обусловлено разной природой их генеза. Так, одни стереотипы имеют физиологическую основу, другие – социальную. Разделяющий эту точку зрения американский социолог У. Липпман отмечает, что «стереотип столь последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение, что кажется присущим физиологии индивида», поэтому «нужно отличать сугубо инстинктивное устройство сознания от стереотипов». Для этого им вводится

атрибут «социальный», позволяющий дифференцировать стереотип как общественное явление от других стереотипов. Здесь можно указать на *генетическое* (в смысле происхождения) сходство стереотипов и родительских директив. Оба явления есть продукты социальной среды, только предписания рождаются в более узкой социальной общности – семье. Схожи и механизмы формирования: усваиваются детьми в раннем детстве обычно из вторичных источников; возникают «при познании людьми друг друга... на основе достаточно ограниченного прошлого опыта, в результате стремления строить выводы на базе ограниченной информации»; формируются в процессе межличностной коммуникации, «через взаимные влияния, через имплицитные переговоры», передаются из поколения в поколение.

У. Липпман рассматривал социальный стереотип как «упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира», заложенную культурой, как «ядро нашей личной традиции». Такое широкое понимание стереотипа близко по содержанию с «социальным представлением» – теоретической концепцией французской социально-психологической школы С. Московичи. Данная концепция является продолжением идеи Э. Дюркгейма о «коллективных представлениях» – «образах мыслей, действий и чувствований», создаваемых общественной средой. В рамках подхода Московичи, «социальные представления» – это «любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку». Анализ психологической литературы не позволяет провести четкую грань между «стереотипом» и «социальным представлением». Поэтому мы считаем целесообразным опустить вопрос терминологии и использовать собирательное понятие «стереотипные представления» для того, чтобы подчеркнуть *содержательное* сходство этого понятия и «родительских директив». Оба явления включают некоторые образы, убеждения, направляющие схемы мышления и поведения.

В теоретической модели К.А. Абульхановой, интегрирующей взгляды Э. Дюркгейма, С. Московичи (представления идут извне, от общества) и К.Г. Юнга (внутренние коллективные представления уже заложены в бессознательном) заметен «сдвиг» представлений от «социальных» к «личностным». Стереотип же представляет собой «способ детерминации (влияния) сознания общественным сознанием», то есть средство интервенции социальных представлений в индивидуальное сознание в процессе социализации. Здесь мы видим два общих аспекта с подходом Гулдингов. Во-первых, ключевая роль принадлежит личности: Абульханова настаивает на личностном выборе представлений, личностном характере представлений; Гулдинги также подчеркивают (и в этом расходятся с Э. Берном), что предписания станут значимы, только если ребенок сам их примет, «он

властен принять их или отбросить». Во-вторых, обнаруживается *функциональное* сходство явлений, заключающееся в опосредовании индивидуального сознания общественным, в частности, семейным. Речь идет о психологических функциях, приписываемых стереотипам (упрощение и систематизация информации, экономия усилий при её восприятии), а также о некоторых функциях социальных представлений («интерпретация реальности», «смысловой синтез»). Наряду с когнитивными задачами, предписания также способствуют решению проблем адаптации, регуляции и групповых отношений, в чем снова проявляется их общность со стереотипными представлениями.

Родительские директивы и стереотипные представления сходны также и по своим *свойствам*: устойчивость, эмоционально-оценочный характер, согласованность в пределах конкретной социальной общности (свойства стереотипа), с одной стороны, и принудительный характер, неоспоримость, специфичность (свойства социальных представлений по Московичи), с другой.

Таким образом, на основании теоретического анализа соответствующей психологической литературы, мы выделяем генетическое, содержательное, функциональное сходство, а также сходство по свойствам между родительскими директивами и стереотипными представлениями, что позволяет рассматривать родительские директивы как конкретную форму стереотипных представлений, формирующихся в семье, во взаимоотношениях родителей и ребенка. Эмпирическим продолжением наших рассуждений будет выступать исследование родительских директив в кросс-культурном аспекте.

Х.А. Кишкевич (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВАХ У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

С давних времен люди пытаются ответить на вопрос: «Лидерами рождаются или становятся?» Для лидеров пытались выделить определенный необходимый набор качеств. Однако позднее выяснилось, что наличие этих качеств у человека вовсе не гарантирует ему перспективу стать лидером.

Лидер (от англ. *leader* – ведущий, руководитель) – член группы, за которым все остальные члены группы признают право принимать ответственные решения в значимых ситуациях, решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер деятельности всей группы.

Управление группой, её самоуправление, воздействие на психологию и поведение отдельных членов группы обычно осуществляется и через официально назначенных лиц, руководителей, и через неофициальных лиц, пользующихся авторитетом среди членов данной группы, имеющих в ней высокий статус и именуемых лидерами. Авторитет лидера в группе обычно не менее силён, чем авторитет руководителя. Лидер в состоянии поднять, увлечь членов группы на любое дело.

Лидер в группе нужен при всех условиях. Его необходимость диктуется тем, что в каждой группе существуют и должны кем-то регулироваться две взаимодополняющие системы отношений: деловые и личные. Если каждая из них отрегулирована, если отношения, складывающиеся в одной системе, противоречат отношениям, культивируемым в другой, то такая группа не сможет успешно работать, никогда не станет высокоэффективной. Это обстоятельство и требует наличие в группе лидера – наряду с официальным руководителем.

Различают формальных и неформальных лидеров, а также три основных стиля лидерства: авторитарный, демократический и либеральный.

На практике самым удачным является не какой-либо один из трёх перечисленных стилей лидерства, а гибкий, или комбинированный, при котором лидер, умея вести себя по-разному, гибко меняет стиль своего поведения в зависимости от сложившейся в группе обстановки.

Целевые лидеры (люди, ставшие лидерами в результате формального назначения или выборов), как правило, авторитарны. Социальным же лидерам (люди, ставшие лидерами в тех случаях, когда необходимо организовать командную работу, уладить конфликт и оказать поддержку) нередко присущ демократический стиль руководства.

Выделяют четыре группы лидерских качеств: физиологические, психологические, интеллектуальные и лично-деловые. Все качества лидера можно разделить на две группы: личные (относящиеся только к нему) и межличностные (особенности его общения с людьми).

Лидерами могут быть как мужчины, так и женщины. Естественно, встает вопрос о наличии различий между лидерами-мужчинами и лидерами-женщинами, и если они присутствуют, то в чем они проявляются и как?

Гендер – это весь поведенческий комплекс, присущий мужчинам и женщинам. Он может меняться в ходе исторического развития общества. Гендер выступает как совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

И мужчины, и женщины, живущие в обществе, должны выполнять свои гендерные роли, которое им приписало это общество. Естественно, в

разных обществах и роли будут разными. Таким образом, гендер – это социальная модель человека, которая определяет его положение в обществе.

В современной гендерной психологии выделяют 4 классические лидерские концепции:

1) *ситуационный должностной подход* (Р. Хауз и Дж. Хант) на первое место ставит позицию человека в официальной структуре, должность, которую он занимает в организации, а не пол;

2) *вероятностная модель лидерства* (Ф. Фидлер) постулирует, что женщины и мужчины будут отличаться по лидерской эффективности лишь в том случае, если будут использовать различный лидерский стиль;

3) *целевая теория* Р. Хауза предполагает, что женщины и мужчины-лидеры будут иметь преимущество по эффективности в разных ситуациях;

4) *представление о высокотрансформационном лидере* (Б. Басс, Дж. Хант), который обладает способностью преобразовывать своих подчинённых и мотивировать их на сверхдостижения.

В рамках когнитивизма известны 3 концепции: «информационной обработки человека» Д. Гамильтона; «теория схемы» С. Тейлора и Дж. Крокера; теория гендерной схемы С. Бэм.

Они имеют много общего друг с другом и предполагают, что при обработке социальной информации используется три типа схем: личностные, ситуационные и ролевые (гендерная роль, лидерская роль и т.д.).

В исследовании приняло участие 40 студентов юридических специальностей: из них 16 юношей и 24 девушки в возрасте 20–21 года. Для изучения гендерных особенностей представления о лидерских качествах у студентов юридических специальностей нами были использованы две методики: опросник Сандры Бэм по изучению маскулинности-фемининности и «Изучение лидерского стиля Бейлза-Шнейера» (модификация Т.В. Бендас).

Анализ данных, полученных в результате проведенного эмпирического исследования, позволил сделать выводы о том, что:

- всем юношам (100%) свойственна маскулинность; при этом большинство из них (75%) отдает предпочтение стилю лидерского поведения, ориентированного на задачу; 25% юношей предпочитают стиль лидерского поведения, ориентированного на взаимоотношения;

- фемининность проявляется лишь у 50% девушек, маскулинность – у 41,7%, андрогинность – у 8,3%; при этом большинство девушек, которым свойственна фемининность (66,7%), отдают предпочтение стилю лидерского поведения, ориентированного на взаимоотношения, и лишь 33,3% девушек – стилю лидерского поведения, ориентированного на задачу. Все девушки, которым свойственна маскулинность, отдают предпочтение стилю лидерского поведения, ориентированного на задачу, а все девушки, ко-

торым свойственна андрогинность, отдают предпочтение стилю лидерского поведения, ориентированного на взаимоотношения.

Таким образом, можно сказать, что юноши – студенты юридических специальностей – соответствуют гендерному стереотипу и предпочитают стиль лидерского поведения, ориентированного на задачу. В свою очередь, лишь 50% девушек, студенток юридических специальностей, соответствуют гендерному стереотипу, а 66,7% из них предпочитают стиль лидерского поведения, ориентированного на взаимоотношения.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, о наличии у студентов юридических специальностей определенной тенденции во взаимосвязи между гендером и лидерскими качествами.

Ю.В. Малашкевич (Научный руководитель Л.Л. Кубанская)
Барановичи, БарГУ, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Гендер обуславливает взаимосвязь специфических моделей поведения и гендерных концептов, возникающих как культуральный отпечаток, и предопределенных уровнем когнитивного развития личности. Гендерные стереотипы – это культурно и социально обусловленный набор представлений (убеждений, мнений, суждений) о качествах, признаках, нормах поведения, которые соответствуют поведению личности сообразно ее половой принадлежности. Рождение социальных стереотипов связано с определенными этническими и групповыми механизмами взаимодействия. Но социальная ситуация жизни группы и входящих в нее людей меняется значительно быстрее, чем порожденные ими стереотипы. В результате стереотип начинает жить собственной жизнью, влияя на развитие отношений. Изучению гендерных стереотипов было посвящено множество зарубежных исследований. Поначалу они были направлены на то, чтобы изучить само явление стереотипизации, формы проявления стереотипов. Позднее эти исследования углубились в поиск механизмов функционирования и объяснительных схем, на основе которых и происходит этот процесс.

В основную группу стереотипов входят представления о маскулинности/феминности – стереотипы мужественности/женственности. Качества маскулинности и феминности имеют полярные полюса: активность – пассивность, сила – слабость. По данным исследования Н.А. Нечаевой, традиционный идеал женщины включает такие свойства, как верность, преданность, скромность, мягкость, нежность, терпимость.

Вторая группа гендерных стереотипов связана с выделением приемлемых социальных ролей представителям определенного пола. Женщинам, как правило, в качестве основных отводятся семейные роли (матери, хозяйки, жены), а мужчинам – профессиональные. Как отмечает И.С. Клецина, «мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей».

Третья группа гендерных стереотипов отражает различия между мужчинами и женщинами в занятиях определенными видами труда. Так, мужчинам приписываются занятия и профессии инструментальной сферы деятельности, имеющей, как правило, творческий или созидательный характер, а женщинам – экспрессивной сферы, отличающейся исполнительским или обслуживающим характером. Поэтому распространенным является мнение о существовании так называемых «мужских» и «женских» профессий.

Выделение гендерных стереотипов в качестве фактора социальной перцепции привело нас к осознанию необходимости изучения механизмов, которые возникают при восприятии преподавателей в соответствии с гендерными схемами студентов.

Цель исследования – определить гендерные стереотипы студентов при восприятии преподавателей. Задачи исследования:

1. Изучить теоретические подходы к проблеме возникновения гендерных стереотипов в процессе социализации личности.
2. Охарактеризовать особенности стереотипизации как механизма социальной перцепции.
3. Провести исследование стереотипов в представлениях студентов в отношении преподавателей.

Объект исследования – гендерные стереотипы как фактор социальной перцепции. Предмет – особенности восприятия преподавателей в соответствии с гендерными схемами студентов.

Методы исследования: анализ литературы, тест Т. Лири (модификация Ю.А. Решетняк, Г.С. Васильченко), опрос (анкетирование).

Нами было проведено исследование в 3 группах Барановичского государственного университета. Общее количество испытуемых – 60 человек, из них 30 девушек и 30 юношей. Девушки одной из групп выделили у преподавателя-женщины следующие качества: доминантность (60%), отзывчивость (20%), требовательность (10%), уверенность в себе (10%). Студенты мужского пола, обучающиеся на инженерном факультете, охарактеризовали этого преподавателя, подчеркнув добросердечие (50%), уверенность в себе (30%), отзывчивость (20%).

Преподаватель-мужчина в представлении студентов инженерного факультета обладает уверенностью в себе (55%), скептицизмом (35%), требовательностью (10%). Студентки факультета экономики и права на-

звали значимые черты характера этого же преподавателя, выделив уверенность в себе (65%), скептицизм (15%), доверчивость (20%).

Сравнение результатов подтверждает наличие гендерных стереотипов и объясняет их особенности. Студенты мужского пола акцентируют внимание на специфично женских чертах: добросердечии и отзывчивости преподавателя-женщины, тогда как девушки указывают на приоритетность уверенности в себе преподавателя-мужчины. Представления представителя своего пола более реалистичны и могут быть объяснены требовательностью в отношении стереотипных моделей поведения. Таким образом, исследование подчеркивает значение социального понимания в процессе перцепции и эмоциональной оценки.

Т.А. Неленко, О.А. Неленко (Научный руководитель О.О. Чабурко)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОДИНОКИМ МАТЕРЯМ

В современных условиях в Республике Беларусь наблюдается ускоренное развитие тенденций социального неблагополучия в подростковой среде. Наркомания, токсикомания, злоупотребление алкоголем, курение, ранние половые связи, нежелательная беременность – вот далеко не полный перечень последствий размытых нравственных ориентиров подрастающего поколения.

Еще совсем недавно рождение ребенка у незамужней девушки считалось социально аномальным явлением и было предосудительным с точки зрения нравственности и морали. Современное общество стало более терпимо относиться к добрачным половым связям. На фоне этого произошло массовое снижение возраста вступления в половую жизнь и, соответственно, рост числа подростковых беременностей, аборт.

Отношение к несовершеннолетним матерям в обществе во многом определяется доминирующими концепциями материнства. Материнство в социокультурном пространстве – это не столько репродукция, сколько социальный феномен, включающий разнообразные предписания и правила, согласно которым четко определяется, что такое «правильное материнство», «хорошая мать» и т.п.

Транслирование «нормативной» концепции закрепляет одни явления как социально желательные, а другие, не вписывающиеся в эту матрицу, «патологизирует», «маргинализует», т.е. определяет что-то как неприемлемое, нежелательное, проблемное и аномальное. Выстраивается иерархия, в соответствии с которой легитимным вариантом является материнство,

осуществляемое в гетеросексуальном зарегистрированном браке здоровой совершеннолетней женщиной.

Подростковая беременность как с медицинской, так и социальной точек зрения, считается нежелательной, такое поведение воспринимается как «отклоняющееся». Раннее материнство опасно для женщины и может отрицательно сказаться и на ребенке. Становясь матерью в подростковом возрасте, юная женщина в силу социальной и психической незрелости не в состоянии осознать всей значимости произошедших в жизни перемен и той ответственности, которая ложится на ее плечи с рождением ребенка. Будучи несовершеннолетней, юная мать не может в полной мере осуществлять свои обязанности в области воспитания и обеспечения ребенка, так как сама еще не обладает полной своей дееспособностью. Юные мамы больше, чем кто-либо, зависимы от установок собственных родителей и окружающих. Социальная роль матери для несовершеннолетних воспринимается общественностью скорее как девиация, экстремальная ситуация, вызванная акселерацией и сексуальной революцией. Однако осуждение и порицание ранних сексуальных связей, раннего материнства, к сожалению, не сопровождается, как минимум, принятием мер и выработкой стратегий помощи данной категории молодых женщин, созданием специальных сервисов, призванных поддержать женщину, оказавшейся в такой ситуации.

В Республике Беларусь на сегодняшний день отсутствует сексуальное воспитание или просвещение как компонент образования. Те мероприятия, которые проводятся, носят единичный характер и часто направлены только на представительниц женского пола. Сексуальность все еще остается во многом табуированной и закрытой темой, это значит, что молодые женщины предпочитают молчать о своих переживаниях, опыте, нежели поделиться с родителями, обратиться за информацией в ту или иную службу из-за страха осуждения и порицания. Оказавшись беременными, в конфликте с родственниками молодые женщины оказываются без поддержки и средств к существованию, так как ранние сексуальные связи и ненормативное материнство репрезентируются как негативные явления, требующие не только порицания, но и наказания.

Сегодня юные мамы не выделяются в отдельную категорию социально незащищенных, для них не предусмотрены дополнительные выплаты и социальные пособия. Соответственно скорее можно говорить о том, что социальная среда конструирует и продуцирует негативные тенденции, которые сопровождают раннее материнство.

Проведенный теоретический анализ показал, что социальное благополучие юных матерей, с одной стороны, зависит от общей социально-экономической и политической стабильности в обществе, а с другой стороны, определяется социальной ситуацией и образом повседневной жизни

несовершеннолетней матери и ее семьи. В то же время социальное неблагополучие определяется показателями социальной напряженности и стрессогенным состоянием девушки на разных этапах до и во время беременности, риском в отношении образа жизни и сохранением негативных моделей поведения, несформированными ценностями собственного здоровья и здоровья будущего ребенка, неудовлетворенным социальным самочувствием, неустойчивым психологическим и родительским статусом.

С целью изучения отношения молодежи к несовершеннолетним матерям-одиночкам мы использовали метод опроса. В исследовании приняли участие 30 человек: 15 девушек и 15 юношей в возрасте 16–17 лет Брестского государственного профессионального лицея железнодорожного транспорта.

Опрос показал, что 80% респондентов женского пола отрицательно относятся к несовершеннолетним одиноким матерям, и только 20% положительно. Что касается представителей мужского пола, то 53,3% респондентов положительно относятся к данной категории женщин, отрицательное отношение высказали 46,6% опрошенных. По мнению опрошенных, основными побудительными мотивами для начала половой жизни служили «влюбленность, любовь» – 66%; «любопытство и интерес» – 35%; насилие в том или ином виде – 14%. На вопрос о причинах, по которым девушки рожают в раннем возрасте, 40% опрошенных отвечают: «неправильное воспитание»; 20% указывают на акселерацию; 25% полагают, что причиной является СМИ, пропагандирующие сексуальную свободу; 15% считают, что подростки недостаточно знают о способах предохранения, что и приводит к ранней беременности. В ответе на вопрос «В чьей поддержке, по-вашему, в первую очередь, нуждаются юные одинокие матери?» молодежь назвали: родителей (70%); часть уповают на государство (20%) и общество (10%).

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что насколько бы непредубежденно или безразлично мыслило на сегодня о раннем материнстве общество как о социальном явлении, – это скорее плохо, чем хорошо. Однако, с нашей точки зрения, однозначно негативное отношение к юному материнству неконструктивно. Во-первых, всегда существовали и будут существовать женщины, рожающие детей в юном возрасте в силу культурных, религиозных или иных установок или вопреки им. Во-вторых, при сформированном позитивном общественном мнении и действующей системе социальной поддержки и реадaptации юных матерей данное социальное явление может стать эффективным для развития личности юной женщины и ее ребенка.

А.М. Парецкая (Научный руководитель *О.В. Маслова*)
Москва, Российский Университет Дружбы Народов, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ СТУДЕНТОВ

Умение определить свои цели, осознать смыслы и выделить ценности – важный показатель зрелости личности. Постоянно изменяющийся мир требует от современной молодёжи активной жизненной позиции, умения принимать решения, брать ответственность за свои действия и обращаться к экзистенциальным проблемам. Каждый день человек сталкивается с новыми предметами и явлениями, тем самым расширяя свой круг жизненных отношений. Каждое новое жизненное отношение, в свою очередь, мотивирует новые смыслы или же проверяет на прочность старые. Ведь, как сказал Л.С. Выготский, «вся психическая жизнь индивида есть смена боевых установок, направленных к разрешению единой задачи – занять определенную позицию по отношению к имманентной логике человеческого общества, к требованиям социального бытия».

Мы заинтересовались, какова динамика ценностно-смысловой сферы студентов, в частности, динамика предельных смыслов? Это и стало целью нашего исследования. Объект нашего исследования – предельные смыслы испытуемых, а предмет – трансформация предельных смыслов. Гипотезой послужило предположение, что в период обучения происходит трансформация ценностно-смысловой сферы студентов, что проявляется в изменении их предельных смыслов.

Для того чтобы выяснить это, в течение двух лет мы проводили лонгитюдное исследование смысловой сферы личности студентов. Всего было сделано 2 «среза».

Выборку для нашего исследования составили 28 молодых людей в возрасте 18–26 лет. Все они были студентами различных вузов и различных специальностей. На момент проведения второго исследования некоторые испытуемые уже закончили вуз и работали.

В исследовании мы использовали Методику Предельных Смыслов Д.А. Леонтьева, которая предназначена для изучения динамической смысловой системы (ДСС) и выявления предельных смыслов личности. Динамика системы смыслов выявляется за счет её отражения в индивидуальном мировоззрении личности. Формулировка мировоззренческих представлений испытуемым, в свою очередь, носит характер обобщенных суждений, которые рассматриваются в методике как единицы анализа и отличия мировоззрений. Таким образом, раскрываются достаточно глубокие ценностно-смысловые ориентации личности.

Процедура проведения методики представляет собой структурированное интервью. Сперва экспериментатор задает вопрос: «Зачем люди делают то-то?» Ответ должен начинаться со слова «чтобы...», но не «потому что...». Основой следующего вопроса служит последнее высказывание (категория) испытуемого в вопросительной форме. Цепь кончается при выявлении предельного смысла, дальше которого испытуемый уже не в состоянии ответить на вопрос «Зачем?», реагируя либо тавтологией, либо ссылкой на природу человека, устройство мира и т.п. В результате получается древо или не связанные между собою цепи, основой которых служат названные испытуемым категории, а в вершинных находятся предельные смыслы – конечные категории в цепи, которые уже не могут получить дальнейшего обоснование через вопрос «Зачем?».

При структурном анализе смыслового древа используются такие количественные индикаторы, как число предельных категорий, число узловых категорий, абсолютное число всех сформулированных испытуемым неповторяющихся категорий, средняя длина цепей и продуктивность, которые в совокупности позволяют судить о зрелости и развитости индивидуального мировоззрения испытуемого.

Контент-анализ смыслового древа респондентов состоит из трех содержательных количественных индикаторов, основная задача которых – выявление сравнительной частоты встречаемости в протоколах тех или иных типов категорий. Так, индекс децентрации (ИД) определяется как удельный вес в индивидуальном протоколе категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди. Индекс рефлексивности (ИР) определяется как удельный вес категорий, описывающих психическое отражение, ментальные процессы. Индекс негативности (ИН), согласно автору, отражает гомеостатическую направленность личности, склонность к ограничению всякой активности, не вызванной ситуативной необходимостью.

Полученные в ходе исследования результаты говорят о неоднородности и большом разнообразии предельных смыслов респондентов. На первом этапе исследования особенно часто встречались такие предельные смыслы, как «достичь целей», «достичь успеха», «самореализоваться», «развиваться», «узнавать новое», «остаться собой», «оставить память о себе» и т.д. Спустя два года мы по-прежнему наблюдали разнообразие целей и смыслов респондентов. Кроме того, добавился ряд смыслов, выражающих необходимость уверенности в завтрашнем дне («чувствовать уверенность», «контролировать жизнь»).

Проведенный статистический анализ (с помощью U-критерия Манна-Уитни) показал, что на первом этапе исследования не было статистических различий между двумя группами, а спустя 2 года на втором этапе исследования различия оказались значимы ($P < 0,01$).

Так, на основе качественного и количественного анализа мы разделили нашу выборку на две группы: *группу с изменениями* и *группу без изменений предельных смыслов*. Без изменений мы считали смыслы тех испытуемых, формулировки предельных смыслов которых в разные годы носили схожий либо синонимичный характер.

Индекс децентрации на первом этапе в целом по выборке оказался достаточно низким. Вероятно, это связано с тем, что в молодости, когда детей ещё нет, а родители способны заботиться о себе сами, человек, в первую очередь, думает о себе. Однако у некоторых испытуемых был выявлен высокий показатель индекса децентрации, именно у них отмечались такие предельные категории, как «быть нужным», «оставить воспоминания о себе», «продолжить род». На втором этапе исследования больше чем у половины испытуемых (57%) этот показатель вырос, и, по-прежнему, именно у таких испытуемых наблюдаются такие предельные смыслы, как «помогать другим», «не быть одному», «быть полезным». Подобные результаты могут говорить о большей направленности испытуемых на других и самореализацию в плане оказания профессиональных услуг.

Показатель *индекса рефлексивности* от первого до второго этапа исследования снизился, в среднем по группе с 6,57 до 5,96 категорий. Особенно это заметно в группе без изменений (с 6 до 5 категорий).

Произошли изменения и по *индексу негативности*, который, в целом по выборке, снизился с 6 до 4,5 категорий. Особенно заметна динамика в группе с изменениями, где количество критериев изменилось с 6,48 до 4,71. Подобные результаты позволяют делать вывод о готовности испытуемых выйти из состояния неоправданного гомеостаза, стремлении к новым действиям и переживаниям.

Таким образом, мы можем говорить о наличии динамики смысловой сферы у большинства (70%) респондентов из исследованной нами выборки. Эта динамика заключается в трансформации предельных смыслов, росте зрелости личности (позитивное изменение продуктивности) и большей готовности испытуемых к изменениям в будущем. Подобные результаты согласуются с мнением В. Франкла, согласно которому человек совсем не стремится к гомеостазу, а скорее наоборот, он требует постоянного напряжения в стремлении найти смысл.

А.Ю. Пропушняк (Научный руководитель В.Ю. Москалюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАЧЕСТВАХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Гендерные различия являются предметом исследования многих ученых. Значение пола для понимания психологических особенностей и характеристик жизненного пути человека трудно переоценить (Д.Н. Исаев, Б.Е. Каган, 1988). Особенно важно это предусматривать в воспитании личности, уделяя внимание формированию гендерной культуры среди молодежи. В настоящее время в связи с большой занятостью родителей многие вопросы в воспитании детей автоматически перекладываются на школу, которая постепенно перестала быть местом, куда дети приходят за знаниями, она расширила свои границы и играет не только образовательную функцию, но и воспитательную. Поэтому где, как не в школе, ставить вопрос о формировании гендерной культуры.

Наше исследование проводилось на базе СШ № 37 г. Бреста среди учащихся 11-х классов. В нем приняли участие 71 человек: 29 юношей, 42 девушки в возрасте 16–18 лет. Исследование проводилось с использованием методики, разработанной И.С. Клециной, которая представляет собой анкету с 7-ю открытыми вопросами.

Далее обратимся к анализу ответов респондентов на вопросы, относящиеся к качествам мужчин и женщин, их воспитанию у детей. Отвечая на вопрос: «Какими, по вашему мнению, качествами должна обладать настоящая женщина?», девушки указали 35 качеств, которыми должна обладать настоящая женщина, юноши – 22 качества.

Образ настоящей женщины в ответах девушек и юношей сложный, менее дифференцированный, нежели мужской, включает большое количество характеристик. Среди качеств, которыми должна обладать настоящая женщина, на первом месте – хозяйственность, так ответили 64% девушек и 72% юношей. Юноши больше девушек придают значение внешнему облику. 72% ответили, что настоящая женщина должна быть красивой, среди девушек такой ответ дали лишь 50% респондентов. Девушки чаще указывали положительные личностные характеристики: добрая (62%), заботливая (48%), аккуратная (36%), культурная (36%), нежная (19%), отзывчивая (19%), женственная (17%). Юноши реже указывают такое качество, как «заботливая» (всего 3%), однако такое качество, как «нежность», считают важным для настоящей женщины 41% юношей.

И юноши, и девушки в одинаковой степени считают, что настоящая женщина должна быть умной и общительной. Девушки чаще мальчиков приписывали образу настоящей женщины традиционно мужские качества – уверенная (19%), независимая (10%), самостоятельная (9%), обеспеченная (6%). Юноши указывают среди качеств настоящей женщины такие, как сексуальность (45%), воспитанность (41%), также они отметили, что она должна быть веселой (41%), верной (38%), загадочной, обаятельной, благородной и др.

В исследовании В.Г. Горчакова было выявлено, что женщина воспринимается как носитель эстетической функции: красивая, обаятельная, женственная. Об этом заявили 60% женщин и 68% мужчин (Е.П. Ильин, 2002). Результаты исследования подтвердили эту информацию, что свидетельствует о стереотипном женском образе в массовом сознании.

Рассмотрим ответы респондентов на вопрос: «Какими, по вашему мнению, качествами должен обладать настоящий мужчина?». Девушки указали 31 качество, которыми должен обладать настоящий мужчина, юноши – 23 качества. По мнению девушек, настоящий мужчина, в первую очередь, должен быть мужественным (62%), среди юношей так считают только 7% опрошенных. По мнению юношей, мужчина должен быть прежде всего умным (69%), среди девушек данное качество указали 29% опрошенных. Для юношей важны физические качества: сила (62%), спортивное телосложение (41%). Для девушек в большей степени важны личностные качества: смелость (43%), трудолюбие (31%), заботливость (29%), доброта (15%). Физические качества для девушек не имеют большого значения (лишь 5% ответили, что у настоящего мужчины должно быть спортивное телосложение). Юноши большее внимание уделяют статусным характеристикам: 28% ответили, что настоящий мужчина должен быть обеспеченным. Данное качество девушки указывали в два раза реже. Юноши, характеризуя настоящего мужчину, приписывали ему негативные характеристики (злой, грубый). Девочки в описании настоящего мужчины указывали у него традиционно женские качества: заботливый (29%), красивый (17%) добрый, модный, общительный, чуткий.

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что стереотипы женственности у мальчиков и девочек имеют большее сходство, чем стереотипы мужественности.

Рассмотрим ответы на вопросы анкеты о том, какие качества должны воспитывать родители у своих детей.

Особую роль в воспитании девочек респонденты из двух групп отводят матери, что, возможно, связано с тем, что традиционно матери чаще занимаются воспитанием детей, нежели отцы. Это может объясняться большей занятостью отца на работе, а также осознанным отстранением от воспитательного процесса и нежеланием брать на себя «чисто женские обязанности». Качества, которые воспитывают в девочке отцы и матери, по мнению девушек,

существенно различаться. Матери воспитывают в дочерях такие качества, как вежливость (51%), доброту (22%), заботливость (20%), любовь, дружелюбность (по 18%), гордость (12%). Отцы содействуют воспитанию у дочерей таких качеств, как гордость (19%), ум, уверенность (по 17%), самолюбие, доброта (14%), умение постоять за себя (12%), заботливость, женственность, нежность, скромность, аккуратность.

Многие юноши испытывали трудности, отвечая на вопрос о том, какие качества должны воспитывать в мальчиках родители. Среди качеств, воспитываемых матерями у мальчиков, юноши чаще называли ум и хорошее отношение к женщинам. Также среди вариантов ответов были такие качества, как вежливость, аккуратность, доброта. Наиболее популярными ответами юношей о роли отца в воспитании мальчиков были: развитие мужественности и силы (по 14%), а также ума и умения постоять за себя (по 7%).

Девушки считают, что качества, которые могут воспитать в мальчиках мамы, это порядочность, вежливость, воспитанность, уважение к родителям (по 22%); ум, романтизм, строгость (по 18%); типично мужские – мужественность, сдержанность, независимость, ответственность, храбрость. В воспитании мальчиков, по мнению девушек, отец способствует формированию таких «типично мужских» качеств, как мужественность (35%), храбрость (32%), терпение (26%), трудолюбие, упорство (по 22%), умение постоять за себя (16%), а также уважение к родителям, вежливость, верность, доброта, строгость, хорошее отношение к женщинам.

При оценке качеств настоящих мужчины и женщины опрошенные в обеих группах либо переоценивают, либо недооценивают значимость определенных качеств для лиц противоположного пола, что позволяет предположить недостаточную информированность юношей и девушек о личностных особенностях друг друга в контексте гендера. Отсутствует и определенность в отношении качеств, которые необходимо воспитывать у мальчиков и девочек. Таким образом, гендерный образ мужчины и женщины у респондентов данной выборки либо недостаточно сформирован, либо не сформирован (расплывчат, амбивалентен).

Полученные результаты могут стать основанием для разработки программы по формированию гендерной компетентности у старшеклассников в рамках формирования у них гендерной культуры.

Т.Г. Слабодчикова (Научный руководитель Е.С. Коверец)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ТЕМПЕРАМЕНТА И ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

В современном мире идет активная перестройка всех сфер жизни общества, и большой интерес представляет проблематика социальных конфликтов. Они неизбежны в любой социальной структуре, так как являются необходимым условием общественного развития. Человек всегда находится в обществе, его повсюду окружают другие люди: в семье, в учебном заведении, на работе, в магазине и т.д. Во всех этих случаях человек взаимодействует с группой и членами этой группы, каждый из которых имеет свои индивидуальные особенности: темпераментные характеристики, собственные идеи, мысли, взгляды.

При общении происходит столкновение этих взглядов, мыслей. Возникают споры и конфликты. В силу своих особенностей, каждый человек ведет себя определенным образом. Как при общении – у кого-то поведение устойчиво и агрессивно, кто-то прямолинеен, гибок, впечатлителен, – так и в конфликтной ситуации у каждого человека существует определенный репертуар поведения.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: так как темперамент является центральным образованием психодинамической организации человека, которое формируется и проявляется в деятельности и оказывает на нее влияние, можно предположить, что с ним взаимосвязаны некоторые особенности личности, (уровень агрессивности и коммуникативный контроль), что, в свою очередь, оказывает влияние на выбор предпочтительной стратегии поведения в конфликте. То есть человеку с определенным темпераментом присущи определенные стратегии поведения в конфликте.

С целью изучения наличия или отсутствия взаимосвязи между типом темперамента и стратегией поведения в конфликте было организовано эмпирическое исследование. Выборка составила 35 человек, студенты 1-х курсов различных специальностей.

Мы начали исследование с определения типа темперамента. Для этого мы использовали опросник Айзенка. В результате проведения диагностики были получены следующие результаты: 50% опрошенных – холерики, 26,54% – сангвиники, 11,54% – флегматики и 11,54% – меланхолики (рисунок 1).

Рисунок 1 – Тип темперамента в юношеском возрасте

Для определения у респондентов ведущей стратегии поведения в условиях конфликта мы использовали методику К. Томаса, Н.В. Гришиной (рисунок 2).

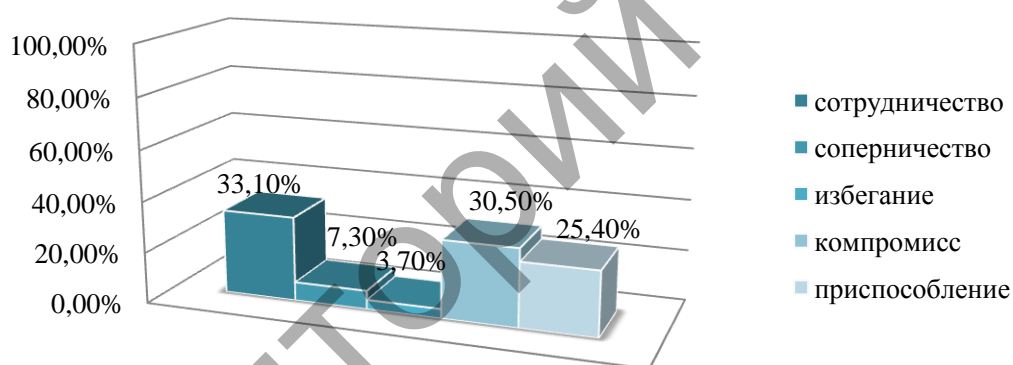

Рисунок 2. – Стратегии поведения в юношеском возрасте

Как видно на диаграмме, абсолютное большинство опрошенных выбрало стратегии сотрудничества (33,10%) и компромисса (30,50%), далее идет стратегия приспособления (25,40%), затем соперничество (7,30%), и на последнем месте избегание (3,70%).

При избегании конфликта ни одна из сторон не достигает успеха, при таких формах поведения, как конкуренция, приспособление и компромисс или один из участников оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, или оба проигрывают. И только в ситуации сотрудничества обе стороны оказываются в выигрыше.

Далее отдельно были соотнесены типы темперамента и стратегии поведения в конфликте.

Холерик не может слушать спокойно и внимательно собеседника. Способен прервать разговор, вмешиваться в разговор других людей.

Флегматик надежен в любом деле. За работу, которую ему поручили, можно быть спокойным. Большинство флегматиков выбирает стратегию приспособления (42,86%). Типичным для данного стиля является отказ от собственных интересов в пользу интересов другого человека. Собственные интересы, желания, стремления либо безболезненно подавляются, либо человек находит возможность их реализовать в другой ситуации.

Сангвиник – оптимист, он страстно любит жизнь во всех ее проявлениях. Большинство опрошенных сангвиников выбирает стратегию компромисс (50%). По сравнению с сотрудничеством компромисс является более поверхностным подходом, он позволяет приходиться к общим решениям. В некоторых случаях компромисс может оказаться единственной возможностью как-то разрешить проблему. Например, если противники настолько сильны, что борьба между ними может продолжаться бесконечно долго.

У меланхоликов часто развивается подозрительность, боязнь общения, стремление к одиночеству. Боязнь обид и упреков вызывает у меланхолика потребность добросовестно и эффективно работать. Большинство меланхоликов выбирают стратегию избегания (57,14%). Стиль избегания реализуется тогда, когда человек не отстаивает свои права, не сотрудничает ни с кем для выработки решения проблемы или просто избегает разрешений конфликта. Часто окружающими подобная стратегия поведения воспринимается как “бегство” от решения проблемы.

Исследование показало, что у большинства испытуемых с определённым типом темперамента наблюдается преобладание определённой модели поведения в конфликтной ситуации. Таким образом, в ходе проведенного исследования была выявлена взаимосвязь типа темперамента и особенностей поведения в конфликтной ситуации:

1. Человеку с холерическим типом темперамента присуща стратегия поведения сотрудничество. Сотрудничество является дружеским, мудрым подходом к решению задачи определения и удовлетворения интересов обеих сторон.

2. Флегматики в большинстве случаев придерживаются стратегии приспособления. Томас и Килменн говорят, что мы действуем в таком стиле, когда жертвуем своими интересами в пользу другого человека, уступая ему и жалея его.

3. Сангвиники предпочитают стратегию компромисса. Эта стратегия наиболее эффективна в тех случаях, когда и мы, и другой человек хотим одного и того же, но знаем, что одновременно это для нас невыполнимо.

4. Меланхолики же чаще всего выбирают стратегию избегания. Мы можем использовать этот стиль, когда затрагиваемая проблема не столь

важна для нас, когда мы не хотим тратить силы на ее решение или когда мы чувствуем, что находимся в безнадежном положении.

М.А. Сорока (Научный руководитель С.Л. Яцук)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ

Реклама – это социальное явление во всем комплексе составляющих. Реклама оказывает многоплановое влияние на человека, на его представления и оценки. Разнообразными видами коммерческой рекламной информации полны улицы городов и торгово-развлекательные центры, кинотеатры и кафе, общественный транспорт и лифты, места активного отдыха, телевидение, радио, Интернет и т.д.

С социологической точки зрения важно, что реклама приобрела статус социального института (это произошло лишь в начале 20 века): она отражает ценности общества, способствует их развитию, а также закрепляет формы социального поведения. Говоря о качественной рекламе, маркетологи предполагают, что она более эффективно выполняет многие социокультурные функции, нежели иные формы коммуникации. С помощью рекламных объявлений люди знакомятся с современными направлениями искусства, формируют литературные пристрастия и приобретают здоровые привычки. Через рекламные сообщения презентуются не просто товары или услуги, а социальные отношения – взаимодействия супругов, сверстников, руководителей и сотрудников, эмоционально, емко и красочно пропагандируются стили и нормы поведения, моделируется реальность, к которой следует стремиться.

Особенно сильному воздействию рекламной информации подвергаются те социальные группы, которые проходят первичную социализацию – дети и молодёжь, то есть люди, не достигшие интеллектуальной и духовно-мировоззренческой устойчивости. Они зачастую подражают персонажам, используют в речи рекламные слоганы, учатся жить, работать и любить согласно сценариям рекламных сюжетов, то есть воспринимают данную форму культуры как учебник жизни. Для современного молодого человека реклама становится своего рода демонстрационным материалом, миром идей и ценностей, поскольку говорит не только о товарах, но представляет типичные ситуации социального взаимодействия. Учитывая, что сознание молодёжи является одним из наименее защищённых, предполагая меньший иммунитет воздействию массовой культуры, весьма вероятно, что реклама способна стать средством просвещения молодёжного населе-

ния в современном обществе, представляя недорогой, удобный источник информации.

Проблемы формирования ценностей общества, в том числе и молодежи, начали рассматриваться учеными, начиная с 60-х годов XX века. В современной литературе можно встретить достаточно много работ, посвященных данной теме. Так, проблемы ценностных ориентаций молодежи рассматриваются в работах таких ученых, как П.И. Бабочкина, И.В. Бестужев-Лада, В.А. Бунич, А.Г. Здравомыслов, Ю.С. Колесников, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, и др.

Таким образом, целью исследования является выявление роли рекламы как явления, способного воздействовать на систему ценностных ориентаций молодёжи, находящейся на этапе активной социокультурной идентификации и формировании жизненных ценностей.

В юношеском возрасте, отражая динамику общественных отношений общества, значительное влияние на развитие личности оказывают её ценностные ориентации, а так как ценностные ориентации формируются под воздействием различных детерминант, одной из которых является реклама, исследования в данной области являются актуальными.

Для реализации поставленных задач использовались следующие психодиагностические методики: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина), методы статистической обработки данных (φ-критерий Фишера).

Методика М. Рокича направлена на изучение ценностно-мотивационной сферы человека. Целью методики «Морфологический тест жизненных ценностей» является определение мотивационно-ценностной структуры личности. Основным диагностическим конструктом МТЦЖ являются терминальные ценности. Опросник направлен на изучение индивидуальной системы ценностей человека с целью лучшего понимания смысла его действия или поступка.

В исследовании приняли участие 30 человек (студентов БрГУ имени А.С. Пушкина) в возрасте от 20 до 22 лет.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе с помощью методик М. Рокича и морфологического теста жизненных ценностей было опрошено 30 респондентов.

На втором этапе исследования респондентам демонстрировались 10 видеороликов, после чего они были повторно опрошены согласно методикам М. Рокича и МТЖЦ, а также должны были письменно зафиксировать наиболее запомнившиеся им видеоролики. Исходя из тем роликов, мы объединили их в следующие группы: здоровье, отношения, семейные неуря-

дицы, вредные привычки, творчество, социальные неурядицы, материальное благополучие.

В результате опроса респондентов с помощью методики М. Рокича нами были получены следующие данные: для большинства респондентов (54,3%) главной терминальной ценностью (ценностью-целью) является здоровье. Затем следует счастливая семейная жизнь (13%), любовь (11,4%), свобода (7%) и уверенность в себе (5,7%).

Анализ инструментальных ценностей (ценностей-средств) показал, что респонденты на первое место поставили альтруистические ценности (42%), этические ценности (22%), ценности самоутверждения (18%), ценности дела (10%) и ценности принятия других (8%).

Результаты, полученные в ходе опроса респондентов с помощью МТЖЦ, показали, что первое место (35,7%) занимает развитие себя. Второе место занимает духовное удовлетворение (21,4%). Также были выявлены стремление к достижению (17,3%), сохранение собственной индивидуальности (11%), креативность (7,6%), собственный престиж (4,7%) высокое материальное положение (2,3%).

На втором этапе исследования по методике Рокича «Ценностные ориентации» респонденты на первое место среди терминальных ценностей поставили любовь (48,4%). На второе – счастливую семейную жизнь (21%), далее следует здоровье (15%), свобода (6,5%), материально обеспеченная жизнь (5,6), интересная работа и продуктивная жизнь (3,5%). Анализ инструментальных ценностей показал, что на первом месте – этические ценности (51,4%), на втором – альтруистические (23%), затем идут ценности дела (12,3%), ценности общения (9%) и ценности принятия других (4,3%).

По результатам методики МТЖЦ получены следующие результаты: самой важной ценностью является духовная удовлетворенность (29,5%), затем идёт развитие себя (23,2%), сохранение своей индивидуальности (16,3%), креативность (11%), стремление к достижению (9,4%), престиж (6,4%) и материальное положение (4,2%).

В ходе проведённого эмпирического исследования выявилось, что у большинства респондентов произошли частичные изменения в выборе ценностей. Это, по нашему мнению, выступает свидетельством вполне реального воздействия рекламы на выбор ценностей молодёжью, находящейся на этапе активной социокультурной идентификации и формирования жизненных ценностей.

Результаты данного исследования могут быть использованы специалистами, работающими в сфере анализа и прогнозирования социальных процессов и явлений, занимающихся рекламой и PR-деятельностью. Также полученные данные могут стать базой для формирования программ в об-

ласти молодежной политики, разработки требований в области саморегулирования рекламы и дальнейших законопроектов в этой сфере.

М.Н. Торчило (Научный руководитель Ю.Л. Кузмицкая)
Гродно, ГрГМУ, Беларусь

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Современное общество характеризуется противоречивостью духовного состояния и неоднозначностью складывающихся отношений.

Межличностные отношения, в которые вступает человек, помогают ему адаптироваться в новой среде (семья, учебный или рабочий коллектив). Межличностные отношения – переживаемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в способах их взаимного влияния.

Важнейшие черты межличностных отношений – эмоциональная основа и морально-нравственная основа. *Эмоциональная основа межличностных отношений* определяется чувствами, которые возникают и складываются на основе определенных чувств. *Морально-нравственную основу* определяют ценности. Ценностные ориентации характеризуют направленность личности, определяют общий подход человека к миру, к себе, придают смысл и направление поведению. Исследование ценностей проведено в работах таких авторов, как В.Ю. Бойко, Л.М. Смирнова, В.А. Ядова, Е.Б. Фанталова, С.Р. Панталеев, Д.А. Леонтьев, Л.И. Божович.

Сложная структура ценностных ориентаций личности определяет множество классификаций. Э. Шпрангер выделяет ценности в зависимости от типов личности: теоретический человек (поиск истины); экономический человек (практические ценности); социальный человек (любовь) и т.д. М. Рокич разделяет ценности-цели и ценности-средства. Ценности могут различаться по тому, насколько они признаются субъектом в качестве собственных целей или принимаются как диктуемое внешним обстоятельством (О.И. Мотков, Т.А. Огнева). В связи с этим можно выделить: внешние ценности (хорошее материальное благополучие, известность, физическая привлекательность, высокое социальное положение, роскошная жизнь) и внутренние ценности (саморазвитие личности, помощь людям, отзывчивость, творчество, любовь).

Э.Л. Дисси и Р.М. Руаян выдвинули гипотезу, согласно которой ценности, определяющие морально-нравственную основу личности, во многом задают тон и тип межличностных отношений и одновременно ими же и определяются. В связи с чем актуально изучить, каким образом связаны между собой ценности личности и доминирующий тип межличностных отноше-

ний. Таким образом, *предмет* нашего исследования – формы межличностных отношений и ценностные ориентации у студентов медицинского вуза. *Цель* исследования – определение форм межличностных отношений в зависимости от ценностных ориентаций и причин их осуществления.

Методики исследования: 1. «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева). Цель методики – изучение значимости внешних и внутренних ценностей; реализации ценностей, конфликта в их осуществлении, а также атрибуции (приписывания) причин их осуществления. 2. «Метод диагностики межличностных отношений (ДМО) Л.Н. Собчик». Цель методики – изучение типа межличностных отношений (властный-лидирующий, независимый-доминирующий, прямолинейный-агрессивный, недоверчивый-скептический, покорно-застенчивый, зависимый-попугайливый, сотрудничающий-конвенциональный, ответственно-великодушный).

Выборку исследования составили 47 студентов Гродненского государственного медицинского университета медико-психологического факультета. Статистическая обработка полученных данных, осуществлялась с помощью пакета прикладных данных SPSS Statistics v. 16.0. Были проведены частотный и корреляционный анализы.

Полученные результаты показали следующее. Значимость у студенческой молодежи внешних и внутренних ценностей имеет следующие особенности. Внешние ценности у 48% студентов имеют высокий уровень значимости, у 4% очень высокий, 40% средний, 8% низкий. 64% респондентов отмечают высокий уровень значимости внутренних ценностей, 8% средний, 28% очень высокий.

Реализация внешних ценностей у 68% опрошенных студентов на среднем уровне, 16% отмечают низкую степень и столько же высокую степень реализации. У 52% студентов высокая степень реализации внутренних ценностей, у 44% – средняя, у 4% – очень высокая.

Конфликт в осуществлении внешних ценностей у 72% студентов на низком уровне, у 16% – на среднем, у 12% – на высоком. Конфликт осуществления внутренних ценностей у 80% респондентов находится на низком уровне, у 16% – на среднем, у 4% – на высоком.

Доминирующими *типами межличностных отношений* выступают властно-лидирующий (6,24), недоверчиво-скептический (6,16), сотрудничающий-конвенциональный (8,2), ответственно-великодушный (8,2). Значимость внешних ценностей взаимосвязана с властно-лидирующим типом межличностных отношений ($r=0,46$ $p\leq 0,02$). Учитывая также полученный результат, согласно которому студенты испытывают сложность в реализации своих внешних ценностей, можно предположить, что *властно-лидирующий тип отношений* (потребность командовать) выступает как своего рода компенсация с целью утвердить себя в социуме.

Ответственно-великодушный тип отношений связан со значимостью внутренних ценностей ($r=0,46$ $p\leq 0,02$) для человека. Данный тип отношений проявляется в готовности помогать окружающим, в развитом чувстве ответственности. Внутренние ценности больше ориентируют на значимость другого в социальной среде, на развитие внутреннего личностного мира и его самовыражение.

Конфликт в осуществлении внешних ценностей взаимосвязан с *властно-лидирующим* ($r=0,36$, $p\leq 0,05$) и *покорно-застенчивым* ($r=0,43$, $p\leq 0,04$) типами отношений. В случае переживания конфликта внешних ценностей возможен выбор двух стратегий поведения – «активной» и «пассивной». «Активная» проявляет себя во властно-лидирующем типе отношений. «Пассивная» – на уровне покорно-застенчивых межличностных отношений.

Реализация внутренних ценностей взаимосвязана с *зависимо-послушным* ($r=0,43$ $p\leq 0,03$) типом межличностных отношений. Внутренние ценности с их ориентацией на субъект-субъектные отношения могут проявляться как стремление выглядеть хорошо в глазах другого, как нежелание отстаивать свою точку зрения, конфликтовать – все это может и найти отражение в зависимо-послушном типе отношений.

Очевидным оказался тот факт, что внутренние причины «мои природные данные», «собственные усилия» взаимосвязаны с реализацией внутренних ценностей, а «внешние обстоятельства» – с внешними ценностями. По результатам проведенного эмпирического исследования можно заключить:

1. Наиболее значимыми оказываются внутренние ценности, такие, как саморазвитие личности, уважение и помощь людям, теплые и заботливые отношения с людьми, творчество.
2. Сложности в реализации студенты испытывают с внешними ценностями (материальное благополучие, известность, физическая привлекательность, высокое социальное положение и т.д.).
3. Внешние ценности связаны с властно-лидирующим типом межличностных отношений, а внутренние ценности – с зависимо-послушным.

Ю.А. Цьось (Науковий керівник Л.Я. Малімон)

Луцьк, СНУ імені Лесі Українки, Україна

ВПЛИВ ОСОБИСТІСНИХ ХАРАКТЕРИСТИК КЕРІВНИКА НА СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ КЛІМАТ КОЛЕКТИВУ

В умовах сучасної глобалізації та невинного суспільного розвитку актуальності набувають знання про правильне управління, ефективний менеджмент. Особливої поінформованості у цьому плані потребують керівні

кадри в системі державної служби, оскільки багато проблем на державному рівні пов'язані саме з низьким рівнем компетентності управлінців, а вміння керівника створити сприятливий соціально-психологічний клімат в колективі впливає на результативність організації загалом.

Мета – дослідити вплив особистісних характеристик керівника на соціально-психологічний клімат колективу. Заявленою проблематикою займалися такі вчені як Ф. Герцберг, Л. Девіс, Е. Мейо, Е. Пратканіс, Л. Карамушка, С. Клімова, Б. Савченко, Г.Щокін, Р. Шакуров, Ю. Ємельянов, Є. Єрмолаєва, Є. Кузьмин, Н. Волков, Ф. Генон та ін.

Методи дослідження: методика «Можливість реалізації мотивів», методика «Аналіз та оцінка соціально-психологічного клімату в колективі» Л.М. Карамушки, експертна оцінка якостей керівника. Вибірку склали 36 державних службовців віком від 22 до 58 років.

Результати методики «Можливість реалізації мотивів» показала, що державна служба загалом сприяє реалізації таких мотивів як спілкування з колегами; пошана з боку інших, соціальний престиж; підвищення власної професійної компетентності; задоволення від процесу діяльності; задоволення від досягнення мети, результату діяльності; управління, керівництва іншими людьми; відчуття свободи, самостійності в ухваленні рішень; відчуття власної корисності, служіння людям; можливість якнайповнішої самореалізації саме у цій професійній діяльності; задоволення позаробочих інтересів (сім'я, друзі, хобі і т.п.). Щодо мотивів – матеріальний достаток; відчуття стабільності, надійності; просування, кар'єрний ріст; азарт змагання, то в цьому випадку організація не сприяє їх реалізації. Варто відмітити також мотив відчуття успіху, реалізації якого організація сприяє на 50%.

На основі результатів методики «Аналіз та оцінка соціально-психологічного клімату в колективі» Л.М. Карамушки ми мали змогу зробити висновок також про ступінь реалізації певних характеристик в житті трудового колективу організації (рис. 1).

Рисунок. 1 – Характеристики життя трудового колективу

Примітка: 1 – можливість в межах Вашого колективу вибирати напрям своєї діяльності, зміст роботи; 2 – можливість в межах визначених термінів встановлювати на свій розсуд черговість робіт, вибирати спосіб та час їх виконання; 3 – можливість вибору тих співробітників, з ким хотілося б виконувати ту чи іншу роботу; 4 – можливість зміни напрямку робіт, виду діяльності; 5 – задоволеність стосунками з колегами по роботі; 6 – задоволеність стосунками з керівником; 7 – можливість проявити свої ділові якості; 8 – визнання та схвалення колегами по роботі Ваших заслуг та досягнень; 9 – визнання та схвалення колегами по роботі Ваших особистих якостей; 10 – визнання та схвалення керівником Ваших особистих якостей; 11 – отримання чітких однозначних завдань; 12 – визначеність, чіткість у стосунках з керівником; 13 – ступінь нервового напруження, пов'язаного з роботою; 14 – ступінь нервового напруження, пов'язаного з колегами по роботі; 15 – ступінь нервового напруження, пов'язаного з керівником.

На основі експертної оцінки запропонованих характеристик керівника можна зробити висновок про розвиток всіх якостей: працелюбність (55,4%), суспільна активність (63,8%), професійні знання (63,8%), турбота про людей (49,9%), вимогливість (72,2%), справедливість (55,5%), здатність до співчуття (61,1 %), доброзичливість (61%), комунікабельність (63,8%), здатність розбиратися в людях (55,5%) на рівні вище середнього, що свідчить про загалом позитивне ставлення до керівника працівників організації.

Для більш глибокого аналізу та якісної інтерпретації досліджуваних явищ нами був застосований метод обрахунку кореляційних зв'язків. Після обчислення були виявлені такі кореляційні зв'язки:

- між працелюбністю і підвищенням проф. компетентності ($r=0,333$, $p\leq 0,05$), відчуттям свободи в ухваленні рішень ($r=0,433$, $p\leq 0,01$), відчуттям стабільності ($r=0,371$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,434$, $p\leq 0,01$), визнанням керівником особистих якостей ($r=0,332$, $p\leq 0,05$), отриманням чітких однозначних завдань ($r=0,423$, $p\leq 0,01$);

- між професійними знаннями і відчуттям стабільності ($r=0,379$, $p\leq 0,05$);

- між суспільною активністю і визнанням та схваленням керівником особистих якостей ($r=0,379$, $p\leq 0,05$);

- між турботою про людей і матеріальним достатком ($r=0,4$, $p\leq 0,05$), відчуттям стабільності ($r=0,475$, $p\leq 0,01$), спілкуванням з колегами ($r=0,494$, $p\leq 0,01$), задоволенням від досягнення мети ($r=0,329$, $p\leq 0,05$), підвищенням проф. компетентності ($r=0,337$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з колегами по роботі ($r=0,494$, $p\leq 0,01$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,592$, $p\leq 0,01$), можливістю проявити свої ділові якості ($r=0,33$, $p\leq 0,05$), визнанням колегами особистих якостей ($r=0,43$, $p\leq 0,01$), визнанням керівником особистих якостей ($r=0,532$, $p\leq 0,01$), отриманням чітких однозначних завдань ($r=0,485$, $p\leq 0,01$), чіткістю у стосунках з керівником ($r=0,49$, $p\leq 0,01$), та обернений кореляційний зв'язок зі ступенем нервового напруження, пов'язаного з колегами ($r=-0,37$, $p\leq 0,05$);

- між справедливістю і матеріальним достатком ($r=0,466$, $p\leq 0,01$), спілкуванням з колегами ($r=0,442$, $p\leq 0,01$), задоволенням позаробочих інтересів ($r=0,361$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з колегами ($r=0,471$, $p\leq 0,01$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,614$, $p\leq 0,01$), визнанням колегами особистих якостей ($r=0,423$, $p\leq 0,01$), чіткістю у стосунках з керівником ($r=0,413$, $p\leq 0,01$), отриманням чітких завдань ($r=0,387$, $p\leq 0,05$), визнанням керівником особистих якостей ($r=0,61$, $p\leq 0,01$);

- між здатністю до співчуття і матеріальним достатком ($r=0,334$, $p\leq 0,05$), спілкуванням з колегами ($r=0,417$, $p\leq 0,05$), задоволенням від досягнення мети ($r=0,381$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з колегами ($r=0,564$, $p\leq 0,01$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,625$, $p\leq 0,01$), можливістю проявити свої ділові якості ($r=0,345$, $p\leq 0,05$), визнанням колегами досягнень ($r=0,398$, $p\leq 0,05$), визнанням колегами особистих якостей ($r=0,411$, $p\leq 0,05$), визнанням керівником особистих якостей ($r=0,437$, $p\leq 0,01$), отриманням чітких завдань ($r=0,333$, $p\leq 0,05$), чіткістю у стосунках з керівником ($r=0,429$, $p\leq 0,01$) та обернений кореляційний зв'язок зі ступенем нервового напруження, пов'язаного з колегами ($r=-0,402$, $p\leq 0,05$);

- між доброзичливістю і матеріальним достатком ($r=0,44$, $p\leq 0,01$), відчуттям стабільності ($r=0,367$, $p\leq 0,05$), спілкуванням з колегами ($r=0,386$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,492$, $p\leq 0,01$), отриманням чітких завдань ($r=0,464$, $p\leq 0,01$), чіткістю у стосунках з керівником ($r=0,428$, $p\leq 0,01$) та обернений кореляційний зв'язок зі ступенем нервового напруження, пов'язаного з колегами ($r=-0,401$, $p\leq 0,05$);

- між комунікабельністю і спілкування з колегами ($r=0,388$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з колегами ($r=0,317$, $p\leq 0,05$), задоволеністю стосунками з керівником ($r=0,444$, $p\leq 0,01$), визнанням колегами особистих якостей ($r=0,356$, $p\leq 0,05$), отриманням чітких завдань ($r=0,408$, $p\leq 0,05$), чіткістю у стосунках з керівником ($r=0,335$, $p\leq 0,05$);

- між здатністю розбиратися в людях і можливістю проявити свої ділові якості ($r=0,357$, $p\leq 0,05$).

Отже, узагальнюючи результати дослідження, можна стверджувати про розвиток всіх запропонованих якостей керівника місцевих органів влади (працелюбність, суспільна активність, професійні знання, турбота про людей, вимогливість, справедливість, здатність до співчуття, доброзичливість, комунікабельність, здатність розбиратися в людях) на рівні вище середнього (більшість респондентів оцінюють ці якості як розвинуті), що свідчить про загалом позитивне до нього ставлення в колективі. У результаті методу обрахунку кореляційних зв'язків між якостями керівника і характеристиками трудового колективу було виявлено значну кількість взаємозв'язків, що свідчить про важливу роль керівника організації у форму-

ванні соціально-психологічного клімату колективу, задоволеності працівників умовами та результатами професійної діяльності й реалізацію їх особистісних та професійних мотивів.

Н.С. Чміль (Научний керівитель Л.В. Засєкіна)
Луцьк, СНУ імені Лесі Українки, Україна

ОСОБЛИВОСТІ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ СОЦІАЛЬНОГО МИСЛЕННЯ І КОМУНІКАТИВНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ

На сьогоднішній день майже зовсім залишається поза полем зору вчених величезний масив феноменів, що характеризують безпосередньо процес розумової діяльності людини протягом спілкування, тобто соціального мислення.

Розробка проблематики соціального мислення представлена теоретико-емпіричними дослідженнями А.Н. Славської, Г.Е. Білицької, А.В. Брушлінського, К.А. Абульханової-Славської, С. Московічі та інші.

Підвищення наукового інтересу до процесів соціального мислення як чинника ефективної комунікації особистості та недостатня розробленість цієї проблеми у царині психології зумовлює актуальність дослідження.

Комунікативна компетентність – це система внутрішніх ресурсів, необхідних для побудови ефективної комунікативної дії в певному колі ситуацій міжособистісного впливу. Одним із таких внутрішніх ресурсів і є соціальне мислення.

К.А. Абульханова-Славська розглядає соціальне мислення як функціональний механізм свідомості, що залежить від соціальної життєвої позиції та здійснюється в єдності з діями і вчинками, та в цілому виражає узагальнення знайденого особистістю способу життя.

Мета дослідження полягає у емпіричному обґрунтуванні взаємозв'язку соціального мислення та комунікативної компетентності.

Дослідженням були охоплені студенти СНУ імені Лесі Українки. Вибірку становили 80 осіб (11 чоловіків та 69 жінок) віком 19–24 роки.

Для дослідження соціального мислення як чинника комунікативної компетентності було обрано 11 методик, 9 з яких спрямовані на діагностику феноменів комунікативної компетентності (методика для діагностики комунікативної соціальної компетентності (КСК); методика для діагностики комунікативної толерантності В. Бойка; методика для діагностики рівня полікомунікативної емпатії; методика для діагностики прийняття інших за шкалою Фейя; методика для діагностики комунікативного контролю М. Шнайдера; методика для діагностики комунікативно-характерологічних особливостей особистості (Л.І. Уманського, І.А. Френкеля, А.Н. Лутош-

кіна, А.С. Чернишова та ін); методика для діагностики комунікативно-характерологічних тенденцій Т. Лірі; методика для діагностики потенціалу комунікативної імпульсивності В.А. Лосенкова; методика для визначення інтегральних форм комунікативної агресивності В.В. Бойка) та 2 – на дослідження процедур функціональної структури соціального мислення (методики «виключення зайвого» та методу «логіка зв'язків»).

Для перевірки взаємозв'язку соціального мислення із складовими комунікативної компетентності, було здійснено кореляційний аналіз. Для цього було обрано коефіцієнт кореляції Пірсона.

Результати дослідження. Соціальне мислення статистично значимо корелює із розвинутим логічним мисленням, кмітливістю ($r=0,222$; $p<0,05$ за методикою «Виключення зайвого» та $r=0,231$; $p<0,05$ за методикою «Логіка зв'язку»). Це свідчить про те, що чим вищим є рівень логічного мислення, тим більш розвиненим є соціальне мислення, і навпаки. Виявлення такого зв'язку тільки підтверджує, що мислення є цілісним процесом і поділ його на логічне, абстрактне чи соціальне є умовним.

Було виявлено також негативну статистично значиму кореляцію соціального мислення та неправдивості ($r= -0,230$; $p<0,05$ за методикою «Логіка зв'язку»). Відповідно, студенти з високим рівнем розвитку соціального мислення не вважають брехню дієвим і вартим уваги способом вирішення життєвих проблем. Крім того, низький рівень розвитку соціального мислення передбачає уникнення проблемних ситуацій та їх вирішення.

Соціальне мислення негативно статистично значимо корелює із життєрадісністю як показником комунікативної компетентності ($r= -0,252$; $p<0,05$ за методикою «Логіка зв'язку»). Це свідчить про те, що чим більш розвиненим є соціальне мислення, тим більш серйознішою та мовчазною є особистість, і навпаки. Оскільки, розвинене соціальне мислення передбачає усвідомлення суперечностей соціального світу, його проблем та прагненням віднайти та реалізувати відповідне рішення, то такого роду усвідомлення і сприяє надбання особистістю рис серйозності та, відповідно, мовчазливості. Веселі і життєрадісні люди не надто обтяжують себе роздумами про невідповідності соціальної дійсності.

Виявлено статистично значиму кореляцію соціального мислення та інтелектуальних рис як комунікативно-характерологічних особливостей особистості ($r=0,248$; $p<0,05$ за методикою «Виключення іншого»). Тобто, чим більш розвинені інтелектуальні риси, тим краще розвинене соціальне мислення. Зрозуміло, що чим більш розсудливою і спостережливою є людина, тим якіснішим і продуктивнішим є соціальне мислення.

Соціальне мислення позитивно статистично значимо корелює із впевненістю в собі ($r=0,231$; $p<0,05$ за методикою «Логіка зв'язку»). Чим більш розвиненим є соціальне мислення, тим більш самовпевненою є лю-

дина. Оскільки особистість із розвиненим соціальним мисленням активно стежить за змінами та ситуацією у соціальному просторі, вона може здійснювати якісні прогнози та передбачення варіантів розвитку подій, що надає впевненості в собі та у прийнятих рішеннях.

Виявлено також негативну статистично значиму кореляцію соціального мислення та інтегральних форм комунікативної агресивності, а саме нездатністю гальмувати агресію ($r = -0,242$; $p < 0,05$ за методикою «Виключення іншого») та анонімною агресією ($r = -0,227$; $p < 0,05$ за методикою «Логіка зв'язку»). Тобто, чим більшими є нездатність особистості гальмувати агресію та показники анонімної агресивності, тим нижчим є рівень розвитку соціального мислення, і навпаки.

Соціальне мислення позитивно статистично значимо корелює із розплатою за агресію ($r = 0,256$; $p < 0,05$ за методикою «Виключення іншого»). Чим більше особистість розплачується за агресію, тим вищий рівень розвитку соціального мислення, і навпаки.

Проведене емпіричне дослідження показує взаємозв'язок соціального мислення із такими складовими комунікативної компетентності як: кмітливість, неправдивість, життєрадісність, інтелектуальні риси, впевненість у собі, нездатність гальмувати агресію, анонімна агресія та розплата за агресію. Прямо пропорційний взаємозв'язок соціального мислення простежується із кмітливістю, інтелектуальними рисами, впевненістю у собі та розплатою за агресію. Обернено або зворотно соціальне мислення взаємопов'язане із неправдивістю, життєрадісністю, нездатністю гальмувати агресію та анонімною агресією.

Перспективи подальшого вивчення досліджуваної проблеми пов'язуються з поглибленим аналізом соціального мислення студентів та розробки тренінгової програми розвитку функціональних процедур соціального мислення.

Результати дослідження можуть бути використані в наступних психологічних дослідженнях соціального мислення та для власного самовдосконалення студентів.

СЕКЦИЯ № 6
МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ
И ВЗРОСЛЫМ

Е.В. Будовец (Научный руководитель *Е.Е. Марченко*)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОДГОТОВКИ ВОЛОНТЕРОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ЛЮДЬМИ,
ИМЕЮЩИМИ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ

Волонтерство как особый социальный феномен не только набирает популярность, но все больше привлекает внимание исследователей. Разработка научно обоснованного обеспечения подготовки волонтеров позволяет повысить эффективность их деятельности.

Цель нашей работы заключалась в изучении особенностей эмпатии и мотивации у волонтеров, работающих с инвалидами, а также взаимосвязи этих личностных особенностей.

Для реализации поставленной цели были выбраны следующие методики: уровень эмпатичности волонтеров выявлялся с помощью методики «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбяня в модификации Н. Эпштейна), особенности мотивации – с помощью специально разработанной клинической беседы.

В исследовании приняли участие действующие волонтеры различных общественных объединений и волонтерских отрядов учреждений образования г. Бреста. Выборка составила 33 человека, в том числе 5 парней и 28 девушек в возрасте от 17 до 28 лет.

Было установлено, что 81% опрошенных обладают очень высоким и высоким уровнем эмпатии, 16% имеют средний уровень и еще 3% респондентов характеризуются низким уровнем эмпатии. С учетом специфики добровольческой работы можно говорить о том, что по данному аспекту характеристики наших волонтеров в своем большинстве соответствуют теоретической модели эффективного волонтера.

При изучении мотивации мы отталкивались от типологии волонтеров по соотношению направленности ведущих мотивов на себя и других, разработанной Е.Е. Марченко и Т.В. Тхоревой¹. По данному основанию

¹ Мир «особого» театра : пособие для педагогов, работающих с детьми и молодыми людьми с ограниченными возможностями ; сост. : Е.В. Господарик [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2011. – 64 с.

авторы предлагают различать четыре основных типа волонтеров («случайный волонтер», «волонтер-звезда», «волонтер-подвижник», «эффективный волонтер»).

Мы проанализировали отдельно особенности представлений респондентов о должной мотивации волонтерства, о типичных мотивах знакомых им волонтеров и их собственной мотивации.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на уровне сознания у волонтеров в большинстве представлены адекватные мотивы (бескорыстная помощь и забота об инвалидах, а также возможность быть активным, вести наполненную яркими событиями жизнь и возможность приобрести новый опыт, знания и умения, которые могут в дальнейшем пригодиться), что соответствует типу эффективного волонтера.

При этом были установлены следующие взаимосвязи с уровнем эмпатии: у ребят с высоким уровнем эмпатии представления об адекватной мотивации связаны с мотивом бескорыстной помощи инвалидам и возможностью занимать активную жизненную позицию. В то время как волонтеры, характеризующиеся низким уровнем эмпатии, упоминали мотивы, связанные с возможностью стать авторитетом и влиять на других людей, что не соответствует адекватному варианту волонтерства.

Для того чтобы более полно отразить представления о должном варианте мотивации волонтерства, мы попросили респондентов указать те мотивы, которые не должны быть у настоящего волонтера. Чаще всего наши респонденты указывали, что «неподходящими» для волонтерства являются внешние причины («за компанию»), возможность выбраться из дома и получение какой-либо «студенческой» выгоды (зачета, хорошей отметки и т.д.), следование семейной традиции, возможность заслужить положительную оценку со стороны окружающих.

В этом аспекте различий между волонтерами с различным уровнем эмпатии обнаружено не было. Волонтеры и с высоким, и с низким уровнем эмпатии указывали в числе неприемлемых мотивов желание избавиться от чувства одиночества.

При этом по общей выборке респондентов обнаружены определенные системные связи. Так, например, если в образе «нормативного» волонтера респонденты указывали мотив помощи другим и заботы об инвалидах, то они не упоминали стремление к признанию и возможности заслужить хорошую репутацию у окружающих. Если же у волонтеров наблюдалась ориентация на себя, то наиболее типичным сочетанием мотивов были пары «применение своих талантов – возможность стать лидером», а также «возможность быть лидером – заслужить репутацию».

Далее мы изучили представления респондентов о типичной мотивации знакомых им волонтеров.

Было установлено, что наиболее популярные мотивы существенно отличаются от нормативной модели. Самыми типичными причинами оказались: возможность путешествовать, занимать позицию лидера и влиять на других людей, спонтанное действие «за компанию», получение студенческой выгоды. В то время как мотивы бескорыстной помощи другим и саморазвитие оказались наименее упоминаемыми в нашей выборке. Другими словами, те люди, которые работают с инвалидами, отмечают, что типичным является «волонтер-звезда», ориентированный на реализацию собственных амбиций.

В указании реальной мотивации типичного волонтера выявлены следующие устойчивые сочетания: «помощь и забота – желание воодушевить других – возможность общаться с единомышленниками». При отсутствии указаний на мотив «возможность выбраться из дома» или «заслужить репутацию у окружающих».

Еще одним специфическим комплексом в представлениях волонтеров выступало сочетание «получение студенческой выгоды – возможность выбраться из дома – желание быть более взрослым», которое отражало внешнюю, т.е. неадекватную мотивацию волонтерства.

Следующим этапом стало изучение особенностей собственной мотивации респондентов. В данном аспекте были установлены определенные корреляции с уровнем эмпатии. Так, для волонтеров с высоким уровнем эмпатии типичными являются мотивы помощи другим людям и общения с единомышленниками, а также возможность выбраться из дома. Данный вариант может быть признан в качестве адекватного для волонтерства. В свою очередь низкий уровень эмпатии оказался сопряжен с мотивами «возможность выбраться из дома», «заслужить репутацию» и «возможность стать лидером», т.е. внешними по отношению к сущности волонтерства.

Обобщив полученные результаты, можно отметить, что образы должной мотивации (знаемая мотивация) и реальная мотивация этой деятельности у самих волонтеров и близкого им окружения существенно различаются. Также в нашем исследовании был установлен следующий факт: волонтеры, являющиеся представителями отрядов учреждений образования, в отличие от представителей общественных объединений, чаще отмечали среди типичных для волонтеров мотивы, направленные на себя.

Полученные нами данные не только подчеркивают актуальность проведения специальной психологической подготовки людей, желающих заниматься волонтерской деятельностью с людьми, имеющими особенности психофизического развития, но также обнаруживают конкретные проблемы, без решения которых невозможно обеспечение эффективной реализации волонтерской деятельности.

А.В. Демчук (Научный руководитель Д.Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПРОФИЛАКТИКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УСПЕВАЕМОСТИ

Актуальность организации профилактики компьютерной зависимости у подростков приобретает особую значимость в связи с бурным развитием компьютерных технологий, нерациональное и бездумное использование которых накладывает определенный отпечаток на развитие личности современных школьников. Мощный поток новой информации, применение разнообразных компьютерных технологий оказывает большое влияние и на воспитательное пространство детей и подростков. Существенно изменяется и структура их досуга, т.к. компьютер сочетает в себе возможности телевизора, DVD-приставки, музыкального центра, книги. В настоящее время увеличивается количество школьников, умеющих работать с компьютером, активно пользующихся Интернет-ресурсами. Вместе с несомненным положительным значением компьютеризации следует отметить негативные последствия этого процесса, влияющего на психологическое здоровье детей и подростков. Так, известно, что в подростковом возрасте быстро развивается Интернет-зависимость (в 3–4 раза быстрее, чем у взрослых). Как правило, подросток утрачивает интерес к учебе, живому общению, создавая для себя виртуальный мир, который для него удобен и интересен.

Но многие взрослые ошибочно полагают, что только слабоуспевающие подростки находятся в группе риска. На наш взгляд, и у высокоуспевающих учеников может сформироваться компьютерная зависимость вследствие неудовлетворения у них каких-либо значимых потребностей. Психологи классифицируют эту вредную привычку как разновидность эмоциональной «наркомании», вызванной техническими средствами.

Цель данного исследования – на основе изучения личностных особенностей и учебной мотивации подростков с разным уровнем успеваемости разработать программу профилактики у них компьютерной зависимости.

В рамках проведения эмпирического исследования были использованы следующие методики: скрининговая диагностика компьютерной зависимости; опросник для определения вида одиночества; модифицированная нами методика изучения мотивации учебной деятельности старшеклассников.

В данном эмпирическом исследовании приняло участие 50 подростков 14–15 лет, учащихся девятых классов. Перед проведением эмпирического исследования мы проанализировали данные об их успеваемости и

отобрали две группы подростков с разными уровнями успеваемости. Группа 1 состоит из 27 учеников (средний балл – 5,3). Группа 2 состоит из 23 учеников (средний балл – 7,5).

Обратимся к результатам, полученным при проведении Скрининговой диагностики компьютерной зависимости Кимберли Янга. Анализ данных показал, что в группе 1 с более низким уровнем успеваемости половина подростков склонна к формированию компьютерной зависимости, вторая половина испытуемых не проявляет признаков компьютерной зависимости. В группе 2 с более высоким уровнем успеваемости четверть испытуемых подвержена риску возникновения у них компьютерной зависимости. Большинство испытуемых этой группы не имеют проблем с чрезмерным увлечением компьютером. Проанализировав данные по двум экспериментальным группам, удалось выяснить, что в группе 1, с более низкой успеваемостью, количество учеников, имеющих склонность к компьютерной зависимости, практически в два раза больше, чем в группе 2.

В целом при анализе полученных данных мы выявили, что из 50 учеников большая их часть является «мудрыми» пользователями компьютера, т.е. могут контролировать время своего пребывания в сети и грамотно использовать ресурсы интернета. А у 39% испытуемых уже есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением компьютером. Такие подростки замечают, что проводят в онлайн больше времени, чем намеревались, могут пренебречь домашними делами, чтобы подольше побыть в сети, нахождение за компьютером предпочитают реальному общению. Все эти характеристики в дальнейшем могут стать серьезной проблемой для подростка, вследствие чего есть риск возникновения компьютерной зависимости. С подростками именно этой категории необходимо проводить программы профилактики компьютерной зависимости.

Далее обратимся к анализу результатов, полученных при определении уровня мотивации учебной деятельности подростков. Проанализируем результаты подростков первой экспериментальной группы. Мы выяснили, что около половины испытуемых этой группы обладают высоким уровнем мотивации учения. У одного учащегося выявлен очень высокий уровень мотивации. У значительной части испытуемых этой группы обнаружен средний уровень мотивации учения. Вместе с тем у одного испытуемого был определен низкий уровень мотивации учебной деятельности. Такие подростки посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия. На уроках часто занимаются посторонними делами, играми. Испытывают серьезные затруднения в учебной деятельности.

Результаты обработки полученных результатов группы 2 показали, что почти у половины подростков высокий уровень мотивации учения. У

остальной части подростков выявлен средний уровень мотивации учебной деятельности.

Таким образом, обе группы испытуемых, несмотря на разный уровень успеваемости, имеют относительно одинаковые уровни мотивации учения. Только у одного испытуемого группы 1 был выявлен низкий уровень мотивации учебной деятельности. Поэтому на данного ученика следует обратить особое внимание. На наш взгляд, психологическую помощь следует оказывать и ученикам со средним уровнем мотивации, так как у них выявлено амбивалентное отношение к учению.

Рассмотрим результаты, полученные при проведении опросника для определения вида одиночества. В группе 1 с более низким уровнем успеваемости в высокой степени переживают одиночество почти четверть испытуемых, большинство подростков этой экспериментальной группы чувствуют себя одинокими в средней степени, и только у нескольких испытуемых выявлен низкий уровень переживания одиночества. В группе 2 с более высоким уровнем успеваемости также большинство испытуемых в средней степени чувствуют себя одинокими. Вместе с тем у одного испытуемого определен высокий уровень одиночества, четверть группы не чувствует себя одинокими.

В целом мы обнаружили, что большинство испытуемых в средней степени переживают одиночество. Это говорит о том, что они могут искать выход в виртуальном мире, уделять чрезмерное внимание своему образу в социальных сетях, предпочитая виртуальное общение реальному. Вследствие такого поведения в будущем, на наш взгляд, у них может возникнуть компьютерная зависимость. Наиболее высокую степень одиночества испытывают 11% испытуемых. Это состояние может характеризоваться возвратом к детскому уровню поведения и желанием как можно дольше отсрочить приобретение взрослого статуса. У них возникает чувство изоляции и опустошенности, появляется страх перед социальными контактами.

С учётом теоретических данных и данных эмпирического исследования нами была разработана программа профилактики компьютерной зависимости подростков. Данная программа была частично апробирована в ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 30 имени Д.Б. Гвишиани г. Бреста». Мероприятия данной программы проводились с 50 учащимися 9-х классов и классными руководителями этих учеников.

О.В. Есманович (Научный руководитель И.Е. Валитова)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Вторая половина XX века характеризуется значительными изменениями возрастной структуры населения с тенденцией к увеличению числа лиц пожилого и старческого возрастов. В 2000 году в мире было около 400 миллионов человек в возрасте старше 65 лет. Ожидается, что к 2025 году эта возрастная группа может увеличиться до 800 миллионов человек.

Поскольку возраст является самым сильным и независимым фактором риска нарушений памяти и других высших мозговых (когнитивных, познавательных) функций, количество людей с подобными расстройствами увеличивается одновременно с ростом в популяции числа лиц пожилого возраста. Старея, человек подвергается определенным физиологическим и психологическим изменениям, которые сказываются не только на том, как он выглядит внешне, но и на его способности функционировать в повседневной жизни и приспособляться к изменениям окружающей среды.

Проблему психологического старения, особенностей когнитивных функций в пожилом возрасте рассматривали в своих работах такие авторы, как Э.Я. Штернберг, Н.Н. Яхно, А.Ю. Лавров, Н.Ф. Шахматов, М.В. Ермолаева. Данные авторы указывали на негативные изменения в когнитивной сфере пожилых людей: ухудшение памяти, снижение внимания, замедление мышления и другие. Данные изменения, по мнению этих авторов, создают затруднения в повседневной жизни людей старше 60 лет.

В целом на сегодняшний день данная проблема является малоизученной, и только в последнее десятилетие ученые различных стран начали обращать внимание на ее существование. Экспериментально-психологические исследования согласуются с бытовыми наблюдениями в том, что лица пожилого возраста хуже усваивают новую информацию по сравнению с молодыми людьми. Физиологические возрастные изменения когнитивных функций, по данным нейропсихологических методов исследования, происходят в возрасте от 40 до 65 лет. Возрастные изменения когнитивных функций носят непрогрессирующий характер: так, здоровые лица старше 65 лет не уступают по показателям памяти лицам возрастного диапазона 55–65 лет, но и те и другие достоверно уступают двадцатилетним.

Отсюда, возникает вопрос, если в старости уровень когнитивных функций снижается, можно ли как-то повлиять на данный процесс? Одним из возможных вариантов решения данного вопроса является организация специальных занятий и тренингов, способствующих улучшению когни-

тивных функций пожилых людей. Исходя из всего вышесказанного, мы пришли к выводу, что необходимо более детально рассмотреть вопрос об изменениях когнитивных функций в пожилом возрасте, изучить возможности использования психологических методов для стимулирования данных функций.

Цель исследования – на основе изучения особенностей когнитивных функций (память, внимание, мышление) пожилых людей разработать программу стимулирования данных функций.

Для проведения эмпирического исследования, были подобраны следующие методики: 1) «Выделение существенных признаков»; 2) тест Липпмана «Логические закономерности»; 3) «Запоминание 10 слов»; 4) «Счет по Крепелину в модификации Шульте»; 5) «Таблицы Шульте».

Исследование проводилось в три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный в период с сентября 2012 года по декабрь 2012 года. В ходе исследования удалось выявить особенности когнитивных функций пожилых людей. База исследования и внедрения программы – ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Ленинского района г. Бреста», Институт Третьего Возраста.

Для исследования было выбрано 50 человек в возрасте от 55 до 75 лет, слушателей Института Третьего Возраста. Институт Третьего Возраста – это инновационная модель социальной работы с гражданами пожилого возраста, созданная в результате сотрудничества территориального центра и БрГУ имени А.С. Пушкина. Заниматься здесь могут неработающие пенсионеры, проживающие в г. Бресте. Исследование проводилось в три этапа. На констатирующем этапе, в октябре 2012 года, было проведено исследование с помощью указанных выше методик. Каждый из респондентов получил бланк, в который необходимо было записывать результаты испытания, ответы по некоторым методикам было необходимо заносить самому испытуемому («Счет по Крепелину» и «Выделение существенных признаков»), а по оставшимся методикам результаты отмечал исследователь. Испытуемые действовали в соответствии с предложенными инструкциями по каждой методике. Исследование проводилось в индивидуальной форме и с каждым респондентом занимало 30 минут. По результатам данного исследования было сформировано две группы респондентов – экспериментальная и контрольная, по 25 человек в каждой.

Затем в экспериментальной группе был проведен формирующий эксперимент, который заключался в разработке и реализации программы стимулирования когнитивных функций пожилых людей «Тренировка ума». В ходе контрольного эксперимента, в декабре 2012 года, с обеими группами была проведена методика «Таблицы Шульте», с целью выявле-

ния изменений свойств внимания после проведения формирующего этапа исследования.

Проанализировав результаты по всем проведенным методикам, следует отметить основные характеристики когнитивной сферы, присущие большинству респондентов пожилого возраста: быстрая утомляемость при монотонной работе; психическое истощение; затруднения на начальной стадии организации произвольного внимания; выраженное снижение оперативной памяти; ослабление внимания при выполнении работы; снижение уровня логического мышления; затруднения в способности абстрагироваться.

На основании результатов исследования всех испытуемых можно разделить на три группы:

1) Снижение когнитивных функций не выявлено, либо оно несущественно (по всем методикам не наблюдается снижение когнитивных функций, либо наблюдается только по одной из методик) – 6% (3 человека).

2) Снижение когнитивных функций средней степени (когнитивных функции снижены по результатам 2–3 методик) – 64% (32 человека).

3) Выраженное снижение когнитивных функций (по 4-5 методикам наблюдаются результаты ниже нормы) – 30% (16 человек).

Таким образом, исходя из всего вышеперечисленного, необходимо отметить, что абсолютное большинство респондентов имеют выраженное и средней степени снижение когнитивных функций (памяти, внимания, мышления), которые необходимы им для полноценного функционирования в повседневной жизни. Поэтому встает вопрос о стимулировании данных функций с целью их максимального восстановления.

Методика Шульте позволила определить, что у пожилых людей отмечаются трудности на начальном этапе организации произвольного внимания, медленное вхождение в деятельность. Также у большинства из них выявлено снижение психической устойчивости, повышена утомляемость при организации внимания. После проведения 7 стимулирующих занятий было проведено контрольный этап исследования. Данные занятия были направлены на стимулирование внимания, так как на первом этапе реализации программы мы посчитали необходимым включить стимулирование такой когнитивной функции как внимание, так как именно оно принимает непосредственное участие в других когнитивных процессах, таких как память и мышление. Поэтому диагностика на контрольном этапе исследования проводилась при помощи только одной методики, направленной на исследование свойств внимания, «Таблицы Шульте».

Проанализировав результаты проведения методики, можно сделать вывод, что значительные отличия между результатами, полученными в ходе констатирующего и контрольного этапов исследования, были отмечены только у испытуемых экспериментальной группы (наблюдаются положи-

тельные тенденции в развитии внимания), у контрольной группы, наоборот, данные отличия были несущественными. Таким образом, все вышесказанное указывает на то, что стимулирующие занятия положительно влияют на развитие свойств внимания пожилых людей.

О.А. Козум (Научный руководитель Д.Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНФАРКТ МИОКАРДА

В настоящее время болезни сердечно-сосудистой системы продолжают занимать лидирующее положение среди всех причин заболеваемости и смертности населения индустриально развитых стран. Болезни системы кровообращения являются наиболее распространенными и в структуре общей заболеваемости населения Республики Беларусь.

Ежегодно в нашей стране регистрируется около 16000 случаев заболеваний острым инфарктом миокарда. Так, в 2012 г. зафиксировано 16361, в 2011 г. – 16193 случая. Из них в трудоспособном возрасте в 2012 г. – 4822, в 2011 г. – 4630 случая. Уровень летальности инфаркта миокарда по республике за 2012 г. составил 5,5%. Таким образом, проблема восстановления после перенесенного инфаркта миокарда достаточно актуальна, особенно на фоне возросшего уровня заболеваемости и общего снижения продолжительности жизни.

В настоящем исследовании мы выявляли и оценивали тяжесть депрессии и тревоги людей, перенесших инфаркт миокарда, в условиях общемедицинской практики; а также изучали отношение людей, перенесших инфаркт миокарда, к своему заболеванию. Общий объем выборки исследования составил 20 человек, перенесших инфаркт миокарда.

В ходе исследования использовались следующие методики: «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» и анкета. «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» содержит 14 пунктов, каждому из которых соответствует 4 варианта ответов, отражающих степень нарастания симптоматики. Анкета «Определение отношения людей, перенесших инфаркт миокарда, к своему заболеванию» состоит из 10 вопросов, направленных на выявление психологических особенностей лиц, перенесших инфаркт миокарда.

В результате опроса респондентов с помощью анкеты нами были получены следующие данные. Мы выявили, что большинство опрошенных (78%) находятся в возрасте от 40 до 50 лет, около пятой части респондентов (22%) немного старше (в возрасте от 55 до 60 лет). Большинство опрошенных (86%) – мужчины, респонденты женского пола составили 14%.

Далее обратимся к анализу семейного положения респондентов. Мы выяснили, что большинство опрошенных (82%) состоят в браке, а 8% респондентов одиноки. На следующем этапе нашего анализа узнаем уровень образования участников данного исследования. Мы обнаружили, что большинство из них (76%) имеют среднее специальное образование, часть опрошенных (16%) – высшее, а 8% – среднее образование.

На вопрос: «Какие, на ваш взгляд, факторы явились предпосылкой возникновения у Вас инфаркта миокарда?» абсолютное большинство респондентов (98%) ответили, что это стрессовые ситуации. 82% опрошенных считают, что это связано с ведением нездорового образа жизни (курение, употребление алкоголя); 67% опрошенных указали, что немаловажным фактором является наследственность; 42% респондентов считают «виновником» избыточный вес.

На вопрос: «Курили ли вы до инфаркта миокарда?» большая часть испытуемых (60%) ответила утвердительно, 32% опрошенных не курят, а 8% респондентов курят редко.

Далее узнаем, какие ощущения возникли у респондентов, когда они узнали, что у них инфаркт миокарда. Большая их часть (58%) ощутила неверие, что это произошло с ними, около половины опрошенных (48%) испытали страх, 42% респондентов впали в депрессию, 12% ощутили безразличие. 67% испытуемых задумались над вопросом: «А что дальше?».

На следующем этапе нашего анализа выясним, изменилось ли отношение семьи к больным, перенесшим инфаркт миокарда. Нас радует тот факт, что большинство опрошенных (82%) чувствуют сострадание со стороны близких; 78% респондентов в семье ощущают взаимопонимание, поддержку, помощь и доверие. А 28% респондентов считают, что члены семьи смотрят на них, как на «нечто».

Выясним, с какой категорией людей опрошенным хотелось бы общаться (находиться) больше всего. Большая их часть (60%) предпочла бы общаться со здоровыми людьми, 28% респондентов хотели бы контактировать и с себе подобными, и со здоровыми людьми. Лишь незначительная часть респондентов (12%) предпочитает общение с себе подобными.

Узнаем далее, как складываются у больных, перенесших инфаркт миокарда, отношения с друзьями. У абсолютного большинства респондентов (92%) эти отношения стали ближе. Лишь 8% испытуемых считает, что отношения с друзьями, напротив, изменились в худшую сторону после того, как те узнали об их болезни.

Обратимся к мнению респондентов о том, какой им видится собственная дальнейшая карьера. Большинство опрошенных (76%) стремятся к лучшей жизни, пятая их часть старается работать и добиваться успехов в

профессии. Лишь 4% респондентов ни к чему не стремятся, т.к. считают, что из-за болезни всё кончено.

Также мы выявили, что большинство испытуемых (76%) боятся повторного инфаркта миокарда, лишь 8% респондентов надеются, что с ними это не повторится. А часть респондентов (16%) считает, что все зависит от их дальнейшего образа жизни.

Далее обратимся к анализу результатов, полученных при изучении тяжести депрессии и тревоги в условиях общемедицинской практики. Мы выяснили, что 43% опрошенных часто испытывают напряжение, 32% больных ощущают его время от времени, а четверть респондентов испытывают его все время.

В то же время 36% респондентов чувствуют сильный страх. Им кажется, будто вот-вот может случиться что-то ужасное. 12% опрошенных иногда испытывают подобное эмоциональное состояние. Около половины респондентов (52%) испытывают данный страх, но он, по их мнению, не очень велик. При этом у 57% больных, перенесших инфаркт миокарда, постоянно крутятся беспокойные мысли, 36% респондентов такие мысли преодолевают большую часть времени, и только 7% опрошенных думают об этом иногда.

Также мы узнали, что 32% опрошенных очень часто преодолевает внезапное чувство паники, 48% респондентов довольно часто начинают паниковать, а пятая их часть испытывает это неприятное чувство иногда. В то же время около половины респондентов (46%) часто испытывают внутреннее напряжение или дрожь, 28% опрошенных очень часто ощущают это состояние. Около четверти респондентов (26%) иногда сталкиваются с подобными ощущениями.

Таким образом, мы выяснили, что для людей, перенесших инфаркт миокарда, характерен высокий уровень тревожности и депрессии, который проявляется в постоянном напряжении и беспокойстве, страхе и панике. Подобные эмоциональные состояния отражаются на жизненной позиции больных в целом, на том, каким они видят свое будущее. Однако, несмотря на противоречивые эмоции, панику и напряжение, большинство опрошенных стремятся к лучшей жизни, находят поддержку и понимание среди своих родных и близких. Это позволяет больным избежать «замыкания» лишь на своей болезни.

С.В. Лазарук (Научный руководитель Д.Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ДЦП**

Детский церебральный паралич (ДЦП) является тяжелым заболеванием, которое возникает у ребенка в результате поражения головного и спинного мозга на ранних этапах его формирования (как во внутриутробном, так и в период родов или в период новорожденности). Безусловно, ребенок с таким диагнозом нуждается не только в постоянной реабилитации, но и уходе. Уход за ребенком включает в себя терапию, игры и постоянное общение. Все это должно быть организовано благодаря родителям. Семья, по мнению специалистов, является основной, определяющей жизнь ребенка средой, от которой зависит его дальнейшее развитие. Без любви и поддержки родителей ребенок не сможет преодолевать жизненные препятствия. Ни одна реабилитационная методика, никакие современные лекарства не могут заменить этого.

Оказавшись перед фактом особых потребностей ребенка, семья сталкивается с многочисленными трудностями и испытаниями, и, чтобы справиться с ними, она нуждается в поддержке ближайшего окружения, специалистов, общества в целом. Семьи детей с ДЦП зачастую оказываются на перепутье перед выбором дальнейшего направления движения. Одна из дорог (дорога нереальных ожиданий) ведет в тупик. Другая дорога – дорога отчаяния. Но есть и верная дорога – дорога счастья, которого не может лишиться человека ни одна форма болезни. Счастье проявляется в любви, в отношениях, в радости взаимоподдержки. И от того, какую дорогу выберут родители, в значительной мере будет зависеть жизненный путь ребенка с церебральным параличом.

В настоящем исследовании возможность сохранения уважительных отношений между всеми членами семьи изучалась с помощью анкеты «Уровень реабилитационной культуры семьи», направленной на выявление психологического климата семьи. Для изучения адекватного восприятия заболевания на всех этапах развития ребенка использовалось анкетирование «Характер отношения к ребенку». Положительные ответы на вопросы от 1 до 10 свидетельствуют о достаточной активности семьи в реабилитации. Отрицательные ответы на вопросы от 1 до 10 свидетельствуют о низкой реабилитационной культуре, игнорировании реальных потребностей ребенка. Для изучения выбора стиля и тактики воспитания детей с ДЦП использовалась анкета «Определение воспитательских умений у родителей детей с отклонениями в развитии».

В настоящем исследовании приняли участие семьи детей с ДЦП, посещающих ЦКРОиР или получающих помощь на дому. Выборку составили 20 семей, имеющих детей с диагнозом «детский церебральный паралич». У детей отмечены разные комбинации двигательных, координаторных, речевых, интеллектуальных, познавательных нарушений. Степень

тяжести варьируется от второй (4 ребенка), третьей степени тяжести (10 детей), до тяжелой степени тяжести (6 детей). Среди изученных семей 6 семей, что составляет 30% от общей выборки, являются неполными, и это следует считать неблагоприятным фактором.

В первую очередь, проанализируем результаты, полученные при изучении психологического климата в семьях, воспитывающих детей с ДЦП. Среди опрошенных семей оценили свои взаимоотношения с мужем (женой), как хорошие 72%, как удовлетворительные – 14%, как неудовлетворительные – такое же количество респондентов. Взаимоотношения с родственниками большинство родителей, участвующих в опросе (86%), оценили как хорошие, как удовлетворительные – 7%, как неудовлетворительные – 7%. Свои взаимоотношения с другими лицами (друзьями, соседями, различными учреждениями) большинство семей (86%) оценили как хорошие, как удовлетворительные – 7%, как неудовлетворительные – 7%.

Проанализируем отношения в семье более детально, так как, на первый взгляд, в большинстве семей они довольно благополучны. Изучив ответы семей детей с ДЦП, мы выявили, что отчужденные отношения характерны для 14% этих семей, благополучные отношения лишь для 16% опрошенных семей, неблагоприятные отношения – для 14% респондентов. В то же время мы обнаружили, что в 14% семей присутствует скрытый конфликт в отношениях. Открытый конфликт в отношениях характерен для такого же количества родителей. Симбиотические, обоюдновыгодные отношения были обнаружены в 14% семей, воспитывающих детей с ДЦП.

Далее рассмотрим характер восприятия родителями заболевания на всех этапах развития детей с ДЦП. Достаточно активны в реабилитации ребенка большинство опрошенных семей (85%). Такие родители стараются обращаться в какие-либо учреждения по поводу ребенка, прислушиваются к рекомендациям специалистов и стараются их выполнять, отличаются исполнительностью и добросовестностью в этом процессе. Низкая активность семьи в реабилитации ребенка выявлена лишь в 15% опрошенных семей. Такие семьи либо игнорируют реальные потребности детей, либо находят слишком много поводов для беспокойства (вопреки наблюдениям специалистов). Обе позиции родителей демонстрируют недостаточную ситуационно-ролевую адаптацию семьи. В целом акцентуации на проблемах ребенка, на болезненном отношении к нему прослеживаются в ответах пятой части опрошенных. Адекватное восприятие заболевания и принятие ребенка обнаружено в 80% опрошенных семей.

На следующем этапе нашего анализа обратимся к данным, полученным при изучении стиля и тактики воспитания детей с ДЦП. Эмоциональное принятие ребенка присутствует в ответах большей части (65%) опрошенных. Этим родителям легко угадывать желания и настроения своих де-

тей, особого ребёнка принимают таким, каков он есть, со всеми его недостатками и проблемами; родители любят проводить с ним свободное время: играть, читать книги, совершать прогулки, отдыхать и др.; проявляют к нему нежность и ласку в обращении (прижимают к себе, гладят по головке, качают на руках и др.); сопереживают ребёнку, если он ушибся, ударился или расстроен чем-то. В целом у данной категории родителей налажен эмоциональный контакт со своими детьми. В то же время такие родители читают специальную педагогическую литературу, отчётливо осознают, что нуждаются в профессиональной помощи педагогов и других специалистов учреждения, в котором обучается их ребенок. К сожалению, остальные 35% родителей склонны к эмоциональному отвержению собственных детей, имеющих диагноз ДЦП.

Также мы выяснили, что для большинства родителей (75%) характерно рациональное понимание проблем ребенка. Вместе с тем четверть семей демонстрируют рациональное непонимание проблем своих детей. Адекватные формы взаимодействия присутствуют в ответах 60% опрошенных родителей.

Остальная часть семей (40%) склонна использовать неадекватные формы взаимодействия со своими детьми. Материальный тип поощрения детей с церебральным параличом используют 30% родителей, в то время как пятая часть семей предпочитает моральный тип поощрения. Половина же родителей старается применять эмоциональный тип поощрения.

Таким образом, анализ полученных данных подтверждает готовность к принятию активной жизненной позиции в воспитании и развитии ребенка большинством опрошенных родителей. Неготовность части родителей к принятию активной жизненной позиции можно объяснить причинами эмоционального и социального неблагополучия, тяжести психофизического состояния ребенка, а также личностными особенностями родителей.

Ю.С. Малицкая (Научный руководитель Т.В. Васильева)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ, БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

Сахарный диабет является актуальной медико-социальной проблемой современности, который по распространенности и заболеваемости имеет все черты эпидемии, охватывающей большинство экономически развитых стран мира. В настоящее время, по данным ВОЗ, в мире уже насчитывается более 175 миллионов больных, их количество неуклонно растет и к 2025 году достигнет 300 миллионов.

Являясь тяжелым хроническим соматическим заболеванием, сахарный диабет существенно изменяет всю социальную ситуацию развития человека. Изменяется уровень психических возможностей больного в осуществлении деятельности, что ведет к ограничению круга контактов с окружающими людьми, часто по объективным или субъективным причинам приводит к ограничению его деятельности в целом. В итоге меняется объективное место, занимаемое больным человеком в системе социальных отношений, а тем самым и его внутренняя позиция по отношению ко всем обстоятельствам жизни. Таким образом, это внезапное заболевание провоцирует личностный кризис у человека.

Любой кризис предполагает два выхода: либо человек может восстановить прерванную кризисом жизнь, возродить ее, либо жизнь перерождается и человек перерождается, становится совершенно иным, и в этой иной жизни он ставит перед собой иные цели и ищет новые способы их достижения. В последнем случае кризис выводит человека на новый уровень личностного развития. Находясь в состоянии кризиса, больной сахарным диабетом человек может иногда испытывать желание уйти из жизни. Однако это желание сосуществует с не менее сильным желанием жить, выжить. Многие чувства, которые в этот период жизни испытывает человек, необычны для него и в обществе считаются неприемлемыми. В результате человек чувствует себя изолированным от общества, изгоем. В связи с этим люди, заболевшие сахарным диабетом, нуждаются не только в медицинской, но и в социально-психологической помощи, которая должна быть основана на изучении психологического состояния больного, социальных особенностей его жизни и индивидуально-личностных особенностей.

Целью нашего исследования стало выявление некоторых психологических особенностей взрослых людей, больных сахарным диабетом. В исследовании приняли участие пациенты эндокринологического отделения городской больницы в количестве 16 человек в возрасте 17–56 лет, из них 8 мужчин и 8 женщин.

На первом этапе нашего исследования мы предложили испытуемым картинку, на которой был изображен человек в состоянии задумчивости, сообщили, что на картинке изображен человек, который узнал о том, что он болен сахарным диабетом и попросили описать его мысли и чувства, предположить, какие причины привели к заболеванию и как сложится дальнейшая жизнь этого человека. Далее мы задавали испытуемым вопросы относительно их собственного отношения к своему заболеванию. На втором этапе нашего исследования нами был проведен опросник, позволяющий выявить и оценить невротические состояния у испытуемых (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич). При анализе полученных результатов мы попытались выявить гендерные различия между мужчинами и женщинами

в характере отношения к своему заболеванию и в особенностях их психо-эмоционального состояния.

Описывая чувства человека, заболевшего сахарным диабетом, все женщины указали на состояние страха, шока, разочарования и отчаяния. Так, например, в ответах испытуемых были следующие суждения: «Человек испытывает отчаяние, не знает, как ему теперь быть, как действовать и жить», «Человек думает: «Что случилось? Как быть, жить? Почему я? В чем виновата?»». Некоторые описывали субъективные состояния, связанные с симптоматикой заболевания: «жажда», «обильное выделение пота», «головокружение», «клонит ко сну». На вопрос о мыслях изображенного человека женщины-испытуемые давали следующие ответы: «суицидальные», «отрицательные», «что не так себя вела, не так питалась», «возможна боязнь комы, гангрены», «настораживает потеря чувствительности в пальцах», «чтобы не быть обузой для семьи», «Боже мой! Закончилась веселая жизнь, теперь придется беречься, соблюдать диету, я неполноценен, а вдруг передастся детям?», «пустые мысли», «как жить дальше?», «спонтанные мысли», «о смерти», «она очень сильно нуждается в помощи психолога и своих близких».

Мужчины, описывая чувства человека на картинке, давали следующие ответы: «недостаток», «печаль, недовольство, грусть», «обида, непонимание», «временный страх перед будущим, который быстро проходит», «беспокойство», «растерянность», «не знает, что делать». Двое испытуемых не смогли описать чувства больного. На вопрос: «Какие у него мысли?» почти половина испытуемых-мужчин не дали ответа. Остальные отвечали следующим образом: «Как с этим жить?», «Мыслит, что нужно жить дальше», «Почему я? Как так могло случиться?», «Как преодолеть очередные испытания в жизни».

Из ответов испытуемых мы видим, что женщины воспринимают ситуацию заболевания сахарным диабетом как более трагичную, жестокую, чем мужчины. Женщины сосредотачиваются на своих ощущениях и эмоциональных состояниях, тогда как мужчины не склонны предавать своим субъективным состояниям особого значения. Мужчин больше волнует вопрос о способах преодоления возникшего затруднения в их жизни.

Причиной возникшего заболевания как женщины, так и мужчины считают внешние обстоятельства. Респонденты указывают на наследственность, перенесенные операции, болезни, на сильные эмоциональные переживания как на возможные причины, то есть рассматривают себя в качестве жертвы обстоятельств, в которые они невольно попали.

Описывая будущее больного сахарным диабетом, женщины не прогнозируют каких-либо существенных изменений в его образе жизни, считают, что человек сохранит все социальные контакты, достигнет постав-

ленных целей и лишь будет испытывать некоторые неудобства из-за необходимости соблюдения диеты и регулярного приема лекарств. Но при этом сами женщины, принявшие участие в исследовании, в своем большинстве являются незамужними и не видят для себя перспективы создания семьи. Мужчины также не видят существенных изменений в образе жизни больного, кроме необходимости периодически совершать действия, связанные с лечением заболевания. При этом большинство мужчин указало, что больной обязательно создаст семью, если этого пожелает, и большинство мужчин, принявших участие в исследовании, являются женатыми людьми.

Результаты опросника показали, что мужчины более равнодушно относятся к выявленным у них заболеваниям, чем женщины. У женщин наблюдается тенденция к более высокому уровню тревожности и психоэмоциональному напряжению.

Полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что женщины, заболевшие сахарным диабетом, в большей степени, чем мужчины, нуждаются в психологическом сопровождении и поддержке, так как заболевание у них сопровождается потерей чувства эмоционального комфорта, возникновением чувства собственной неполноценности, страхами за свою жизнь и жизнь близких. Мужчин же, заболевших сахарным диабетом, больше беспокоит возможность сохранить работу, привычные для него занятия и бытовую заботу со стороны семьи. То есть мужчины в большей степени нуждаются в социальной помощи и поддержке, обеспечивающей стабильность социального положения, что позволит им сохранить чувство самоуважения.

Е.В. Мирчук (Научный руководитель И.В. Шматкова)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВРАЧЕЙ, РАБОТАЮЩИХ В РАЙОННОЙ ПОЛИКЛИНИКЕ

В современном обществе меняется отношение людей к работе. Люди теряют уверенность в стабильности своего социального и материального положения, в гарантированности рабочего места. Обостряется конкуренция за престижную и высокооплачиваемую работу, падает рейтинг социально значимых профессий – врачей, учителей, учёных. В результате растёт психическое, эмоциональное напряжение, которое связано со стрессом на рабочем месте. Многие страдают от депрессии, тревоги, психосоматических расстройств, алкоголизма, табакокурения, появляются новые виды девиантного поведения. Всё это может выступать в качестве симптомов эмоционального выгорания. Изучаемая в работе проблема, на наш взгляд,

представляется очень важной, так как эмоциональное выгорание оказывает негативное влияние не только на самих врачей, на их деятельность и самочувствие, но и на тех, кто находится рядом с ними. Это близкие родственники, коллеги, друзья, а также пациенты. При изучении проблемы эмоционального выгорания мы опирались на работы В.В. Бойко, М. Грабе, Н.В. Водопьяновой, Т.В. Матвейчик, Г.С. Никифорова, Н.В. Самоукиной, К. Маслача, С. Джексона, О.В. Рыбиной и др.

Цель нашего исследования – изучить особенности синдрома эмоционального выгорания у врачей, работающих в районной поликлинике.

Для диагностики наличия и степени выраженности эмоционального выгорания мы использовали анкету К. Маслача и С. Джексона, модифицированную Н.Е. Водопьяновой. Анкета состоит из 22 утверждений, отражающих мысли и переживания человека по поводу его профессиональной деятельности. Методика позволяет оценить интенсивность негативных чувств и мыслей, испытываемых опрашиваемым, которая характеризует степень выраженности эффекта «выгорания». Об уровне эмоционального выгорания свидетельствует выраженность *эмоционального истощения* (чувства опустошенности, истощенности своих эмоциональных ресурсов), *деперсонализации* (равнодушного, негативного отношения к коллегам, пациентам, подчинённым) и *редукции личных достижений* (снижения оценки своей компетентности, безразличия к работе). С целью определения особенностей отношения испытуемых к работе, изучения взаимоотношений с коллегами, пациентами, отношений в семье мы использовали методику «Незаконченные предложения». В ходе проведения методики испытуемым предъявлялись составленные нами 18 незаконченных предложений (например, «после работы на некоторое время мне хочется...»; «я увлекаюсь...»; «мне кажется, что моя семья...»; «я думаю, что мои коллеги меня...»; «мне нравится проводить время...»; «лучше всего мне работается с...» и др.).

Исследование проводилось на базе УЗ «Малоритская центральная районная больница». В нём приняли участие 30 врачей разных специальностей, из которых 21 женщина и 9 мужчин со стажем работы от 1 года до 50 лет.

С помощью анкеты К. Маслача и С. Джексона нам удалось определить общий уровень эмоционального выгорания у врачей районной поликлиники. Оказалось, что для 43 % испытуемых характерен высокий уровень эмоционального выгорания, для 57 % – средний).

Также данная методика позволила оценить эмоциональное выгорание по 3 шкалам: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личностных достижений. Согласно полученным результатам, наибольшей степенью выраженности эмоционального истощения отличались врачи со стажем работы от 11 до 20 лет. 33,3% испытуемых имеют высокую степень

эмоционального истощения и 16,7% – критическую. Это говорит о том, что врачи районной больницы и поликлиники со стажем работы от 11 до 20 лет чаще испытывают чувства эмоциональной опустошенности и усталости, для них характерны перепады настроения, бессонница, рассеянность, равнодушие. Отчасти это может быть связано с кризисом среднего возраста. Примерно в этот период наступает момент, когда человек в первый раз оглядывается назад, оценивает прошлое, он задумывается о том, чего достиг, оценивает свои профессиональные достижения в виде повышения заработной платы, статуса, должности и т.д. Если этого не происходит, осознанно или нет, человек начинает испытывать эмоциональный дискомфорт, психическое напряжение, неудовлетворенность трудом, переутомление. И, возможно, это может быть одним из факторов возникновения синдрома эмоционального выгорания. Самая низкая степень эмоционального истощения наблюдается у врачей со стажем работы от 21 года и более, минимальная или эмоциональное истощение вовсе отсутствует.

Деперсонализация более выражена у врачей со стажем работы от 11 до 20 лет. 50% испытуемых имеют высокую степень деперсонализации, что свидетельствует о равнодушном, негативном отношении к работе, отсутствии чувства гуманности к пациентам, ухудшении отношений с коллегами. Менее выражена деперсонализация у врачей со стажем работы от 1 до 10 лет: в основном характерна средняя или минимальная степень.

Критическая степень редукции личностных достижений наблюдалась у испытуемых со стажем работы от 21 года и более – 38,5%. Это свидетельствует о негативной самооценке, наличии мыслей о некомпетентности в своей работе из-за изменения отношения к ней, чувства потери опыта, отсутствия удовольствия от любимого ранее дела. Средняя степень выраженности редукции личностных достижений выявлена у врачей со стажем работы от 1 до 10 лет (45,4% врачей), что говорит о стремлении к карьерному росту, успеху в профессиональной деятельности, несмотря на чувство осознания некоторыми молодыми специалистами недостаточности знаний и умений требованиям практической деятельности.

С помощью методики «Незаконченные предложения» нам удалось выяснить, что большинство испытуемых положительно оценивают свои отношения с коллегами (70%), однако 21% врачей имеют отрицательный опыт взаимоотношений, связанный с чувством непонимания, недооценки, осуждения, ненависти со стороны коллег. Эти чувства выступают стрессогенными факторами, провоцирующими развитие эмоционального выгорания. У 90% врачей имеются различные увлечения, такие, как кулинария, вязание, вышивка, чтение, рыбалка, природа, спорт. Хобби позволяет снять напряжение, возникающее на работе, отвлечься от трудовых будней, поэтому люди, которые любят вязать, шить, занимаются садоводством, жи-

вуют в гармонии с миром и своими чувствами, лучше переживают стресс и практически не имеют нервных расстройств. Но у 10% врачей отсутствуют какие-либо увлечения из-за нехватки времени, усталости или просто от нежелания чем-либо заниматься (они предпочитают побыть в одиночестве, посидеть, полежать), что может свидетельствовать о наличии эмоционального выгорания или начале развития этого синдрома.

Проведённое нами исследование позволяет сделать вывод о наличии довольно высоких показателей уровня эмоционального выгорания у врачей, работающих в районной поликлинике, и необходимости специально организованной профилактической и реабилитационной работы, направленной на снижение риска возникновения выгорания у начинающих специалистов и помощи в восстановлении профессиональной и личностной эффективности у лиц, уже имеющих синдром эмоционального выгорания. Результаты исследования могут быть использованы в практической работе психолога медучреждения для разработки мероприятий по профилактике синдрома эмоционального выгорания у врачей в процессе выполнения профессиональной деятельности.

И.С. Молчан (Научный руководитель И.Л. Лукашкова)
Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, Беларусь

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ УСЛУГ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Лица с ограниченными возможностями – это особая категория граждан, у которых, в силу физических, психических или интеллектуальных нарушений, деформируются привычные жизненные стереотипы, нарушается сложившаяся система социальных контактов, меняется общественный статус личности, появляются барьеры на пути удовлетворения особых потребностей (в получении образования, в трудоустройстве, в сопровождении, в социально-бытовом обслуживании).

Проблема интеграции (реинтеграции) инвалидов в общество является весьма актуальной для нашей страны. В настоящее время по заказу Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь на районных и областных уровнях изучаются вопросы необходимости и возможности введения института персональных ассистентов (помощников) для лиц с ограничениями жизнедеятельности.

Согласно нормативно-правовым документам, регламентирующим деятельность учреждений, обеспечивающих социальное обслуживание инвалидов, лица с ограниченными возможностями имеют неотъемлемое право

участвовать в жизни общества наравне с другими гражданами. Однако это право в полной мере не реализуется. Обслуживание инвалидов в Центрах социального обслуживания населения (ЦСОН) имеет свои трудности: существует тенденция нехватки социальных работников, оказывающих услуги лицам с ограниченными возможностями; перечень услуг, который предоставляется ЦСОН, не обеспечивает лицам с инвалидностью удовлетворение их потребностей (в том числе особых) в полном объеме; качество услуг, оказываемых социальными работниками, не удовлетворяет инвалидов.

Для того чтобы в нашей стране обеспечивалась эффективная интеграция инвалидов в общество, необходимо, во-первых, создавать специальные условия (приспосабливать инфраструктуру, своевременно и комплексно осуществлять реабилитацию, оказывать необходимый уход и др.), а во-вторых, внедрять альтернативные формы персонифицированной помощи для этой категории граждан. Именно такой новой формой социального обслуживания лиц с ограниченными возможностями может явиться деятельность по предоставлению услуг персонального помощника. Этот специалист призван предоставлять инвалидам социальные услуги, которые не могут обеспечить современные социальные службы (сопровождать в кино, на работу, учебу и т.д.; оказывать психологическую поддержку и др.)

Целью нашего исследования явилось определение потребности и содержания услуг персонального помощника для лиц с ограниченными возможностями. На основе изучения опыта деятельности персональных помощников в зарубежных странах и социальных услуг, предоставляемых инвалидам в нашей стране, нами было проведено эмпирическое социологическое исследование (анкетирование). Всего в исследовании приняло участие 90 человек. Выборка респондентов включала три равных по количественному составу группы: инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата, инвалиды с нарушениями зрения, семьи, имеющие в своем составе детей-инвалидов до 18 лет.

Вопросы первой части анкеты были направлены на определение удовлетворенности респондентов качеством и перечнем услуг оказываемых им учреждениями социального обслуживания населения. Исследование показало, что большинство анкетированных (80%) пользуются услугами социального работника, но 10% из них не удовлетворены деятельностью этих специалистов.

Вторая часть анкеты включала вопросы, касающиеся услуг персональной помощи. Анкетирование показало, что 19% респондентов слышали о таком специалисте, как персональный ассистент. Большинство опрошенных (31%) считают, что в первую очередь персональный помощник – это специалист, который оказывает помощь в оформлении документов на получение льгот, субсидий, средств реабилитации. Респондентам была

предложена возможность выбрать из перечня услуг только те, которыми они хотели бы воспользоваться. Как показали результаты опроса, наиболее востребованными для лиц с ограниченными возможностями оказались следующие услуги: помощь в оформлении документов на получение тех или иных льгот, субсидий, технических средств реабилитации (38%); сопровождение и оказание практической помощи при посещении местных представительных и распорядительных органов, нотариуса и т.д. (19%); оказание массажных процедур (16%). Персональный помощник – это специалист, который получает денежное вознаграждение за свою работу. Поэтому в процессе опроса важно было уточнить готовность респондентов оплачивать услуги персонального помощника. Однако, как выяснилось, только 22% анкетированных согласны оплачивать услуги персонального помощника.

Анализ результатов проведенного социологического исследования свидетельствует о том, что лица с ограниченными возможностями действительно нуждаются в персональной помощи, которая могла бы существенно дополнить тот спектр услуг, которые предоставляют инвалидам социальные службы. В содержание деятельности персонального помощника необходимо включить следующие виды социальных услуг: сопровождение в учреждения социально-культурной сферы (театр, музей и т.п.); оказание практической помощи в процессе трудовой деятельности и во время учебного процесса (помощь в заполнении документов, пользовании техническими средствами и т.д.); обучение элементарным навыкам работы с компьютером; помощь в оформлении документов на получение тех или иных льгот, субсидий, технических средств реабилитации; психологическая поддержка (снятие психологической напряженности; улучшение психологического климата в семье и т.д.); подбор информации по интересующим вопросам; сопровождение и оказание практической помощи при посещении местных представительных и распорядительных органов, нотариуса и т.д.; обучение навыкам самообслуживания; помощь в организации и проведении досуга (проведение бесед, подготовка и празднование торжеств и т.д.); оказание массажных процедур.

Необходимо отметить, что осуществлять данные услуги должен квалифицированный специалист, имеющий соответствующую профессиональную подготовку. Для осуществления контроля со стороны государственных структур за выполнением персональными помощниками своих обязанностей, услуги персональной помощи должны быть включены в систему социальной защиты инвалидов. Такая персональная помощь позволит открыть людям, имеющим инвалидность, доступ к образованию, участию в трудовой, культурной, спортивной, общественно-политической

деятельности, что в свою очередь повысит эффективность интеграции (либо реинтеграции) инвалидов в общество.

О.Н. Оксенюк (Научный руководитель Е.А. Гузюк)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТИНСУЛЬТНЫХ БОЛЬНЫХ

В последнее время не снижается количество постинсультных больных. Внешними факторами, провоцирующими инсульт, выступают плохая экология, стрессы, неправильное питание, чрезмерное употребление спиртного, гиподинамия, стрессы и другие. Последствия инсульта негативно сказываются на функционировании двигательной системы больных. Полностью или частично нарушается общая и тонкая моторика, страдает речевая функция, частично утрачиваются навыки самообслуживания, меняются функционирование познавательных и эмоциональных психических процессов. Человек, перенесший инсульт, остается инвалидом, он больше не в состоянии себя обслужить как прежде, качество его жизни да и возможность выжить во многом зависит от других людей.

По последним статистическим исследованиям с каждым годом все больше людей становятся инвалидами из-за инсульта еще далеко не в старческом возрасте. Физические страдания постинсультных больных усугубляются от осознания того, что они чувствуют себя обузой для родных. Снижается самооценка больных, они считают свою жизнь бесцельным существованием. Чтобы помочь таким людям поверить в себя, не потерять желание жить и научить принять свое состояние, нужно вложить немало терпения и усилий. Именно поэтому важно изучать психологические особенности постинсультных больных.

Итак, в ходе исследования мы стремились ответить на вопросы: «Каковы психологические особенности постинсультных больных в период реабилитации? Как самооценка влияет на отношение больного к своей болезни? Чем отличается самооценка больных и здоровых людей? Какие виды психологической помощи используются в нашей стране для скорейшей адаптации больного к своему состоянию?». Сбор эмпирических данных мы проводили на базе неврологического отделения больницы скорой медицинской помощи г. Бреста.

Целью исследования было выявить особенности психологического состояния у больных, перенесших инсульт мозга, изучить уровень их самооценки. Задачи исследования: 1) выявить особенности самооценки

больных, перенесших инсульт мозга; 2) сравнить уровень самооценки постинсультных больных и здоровых людей.

Мы предполагаем, что психологические особенности постинсультных больных зависят не только от тяжести состояния больного, но и от уровня их самооценки. Это играет огромную роль в отношении человека к своему заболеванию. Методом исследования стала беседа по методике изучения самооценки личности Т.В. Дембо–С.Я. Рубинштейн.

По результатам беседы можно отметить, что отличия в дифференцированной и относительной самооценке у здоровых лиц зрелого возраста и постинсультных больных, безусловно, существуют, и при этом ярко выражены. Некоторые респонденты имели высокий уровень самооценки и при наличии тяжелого недуга. Были и здоровые личности, которые имели низкую самооценку, но это все зависит от психологических особенностей испытуемых, их характера, темперамента, жизненных обстоятельств. Наиболее низко оценивали себя как постинсультные, так и здоровые испытуемые, по шкалам «здоровье – болезнь», «ум – глупость». Постинсультные больные по понятным причинам оценивали свое здоровье низко, и их интеллект также снижен из-за нарушений в работе головного мозга. Здоровые испытуемые чаще так же оценивали себя низко, т.к. у них в связи с возрастом наблюдается некоторое снижение интеллектуальных способностей и есть множество возрастных изменений в организме, которые приводят к дискомфорту.

Общий уровень самооценки больных, перенесших инсульт мозга 63,7%, что ниже, чем у здоровых испытуемых (77,3%). Таким образом, выдвинутая нами гипотеза полностью подтвердилась.

В течение жизни на личность действует множество факторов, которые, в принципе, и делают личность личностью. Поведение и реакции человека на раздражители обусловлены особенностями характера и темперамента. В случае заболевания люди реагируют на свое состояние по-разному. Безусловно, существуют и общие реакции: негодование, досада, неизменное во все века «...а почему это случилось именно со мной». Но все таки поиск выходов и дальнейшее поведение в период реабилитации и возвращении к послебольничной жизни у всех разный и зависит от характеристик личности и отношения ее к жизни, наличия ценностных ориентаций, принятия больного родными, их отношения к неполноценности пациента. Важную роль в психологических особенностях постинсультных больных играет уровень самооценки больного, как она меняется после болезни, какие факторы этому способствуют.

Самооценка человека, ее уровень, играет большую роль в отношении постинсультного больного к самому себе и к жизни в целом. Если после случившегося человек не чувствует поддержки близких, с ним не работал

психотерапевт, а еще ко всему этому он слабохарактерный, то существует прямая угроза жизни больного, вплоть до суицидальных попыток. Потеря смысла жизни приводит к развитию депрессии, что вполне объяснимо: работоспособные, деятельные люди становятся инвалидами. Часто они обездвижены, нарушена речь, что не дает возможности заниматься чем-то вообще. Долгий период восстановления изматывает пациента, он теряет веру вообще, его самооценка неизбежно падает. Человек нуждается в помощи.

Как мы видим, психологические особенности постинсультных больных, в первую очередь, зависят от их отношения к жизни в целом, уровня их самооценки.

О.В. Павлюковец (Научный руководитель Д.Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ШКОЛЕ- ИНТЕРНАТЕ

Подростковый возраст – один из наиболее сложных периодов развития человека. Переход к данному возрастному периоду характеризуется глубокими изменениями условий, влияющих на личностное развитие ребенка. Они касаются не только физиологии организма, но и отношений, складывающихся у подростков со взрослыми и сверстниками, уровня развития познавательных процессов, способностей. И, конечно же, эмоциональное развитие претерпевает в это время существенное изменение. Следует понимать, что все дети, живущие в учреждениях интернатного типа, вынуждены адаптироваться к большому числу сверстников. Подростковый возраст в целом характеризуется как период повышенной эмоциональности. А в многочисленности детей таятся особые социально-психологические условия, создающие эмоциональное напряжение, тревожность, усиливающие агрессию. Поэтому данная категория детей нуждаются в особом гуманистическом и профессиональном отношении к ним.

В нашей стране, к сожалению, много детей, оставшихся без попечения родителей. Учитывая специфику психического развития личности подростков, перед обществом встает проблема их успешной социализации в будущем. В этой связи представляются очень важными теоретико-прикладные исследования особенностей эмоциональной сферы данной категории детей и способов ее коррекции.

В данном исследовании мы изучали особенности формирования эмоционального благополучия подростков, воспитывающихся в школе-интернате. При проведении эмпирического исследования мы использовали

следующие методики: тест субъективного благополучия, опросник проявления агрессии Басса-Дарки, методика диагностики уровня тревожности Филлипса. В исследовании принимали участие 40 подростков (17 девочек и 23 мальчика в возрасте от 12 до 15 лет), воспитывающихся в Антопольской школе-интернате.

В первую очередь, проанализируем результаты, полученные при помощи методики «Тест субъективного благополучия». В данной работе используется модифицированный вариант теста, т.к. эта методика применялась к подросткам, воспитывающимся вне семьи, и данные подростки еще являются учащимися школы.

Количественный анализ полученных результатов показал, что у подростков, воспитывающихся в школе-интернате, основу структуры субъективного благополучия составляет удовлетворенность отношениями с другими людьми, условиями жизни, отношениями с друзьями, жизнью в целом. Вместе с тем для данной категории подростков социальное окружение не несет большой значимости. Свои проблемы они стараются держать в секрете от окружающих. Поэтому большинство опрошенных чувствуют себя одинокими, даже находясь в компаниях с друзьями. В то же время большинство респондентов с опаской смотрят в будущее, не чувствуют себя защищенными. И в целом подростки, воспитывающиеся в школе-интернате, имеют неустойчивую психику.

На следующем этапе мы выявляли уровень агрессивности у данной категории подростков. Было обнаружено, что у большинства опрошенных (85%) высокий уровень проявления физической агрессии, что может выражаться в использовании физической силы против другого человека, в желании навредить кому-либо. У подавляющего большинства подростков также выявлен высокий уровень вербальной агрессии, что выражается в демонстрации негативных чувств (например, таких, как злость) и проявлении их через крик, визг, проклятия, угрозы. Абсолютное большинство подростков (95%) склонны и к проявлению косвенной агрессии, которая выражается в действиях, представленных в скрытой, замаскированной форме, и опосредованно направленных на определенное лицо. В целом по результатам тестирования показатель агрессивности находится на высоком уровне, т.е. у 92% исследуемых подростков имеется высокий потенциал агрессии. На наш взгляд, это объясняется тем, что они находятся вдали от родителей, скучают, многие из неблагополучных семей, у значительной части подростков выявлена задержка психического развития. Поэтому система воспитательной работы должна всячески способствовать созданию условий, приближенных к домашним, должны быть созданы доверительные отношения детей с педагогами.

Далее обратимся к данным, полученным при изучении тревожности подростков. Мы обнаружили, что у значительной части респондентов имеются определённые личностные проблемы, связанные с повышенным уровнем тревожности, что проявляется в доминировании страха не соответствовать ожиданиям окружающих, боязни в ситуации проверки знаний, возникновении проблем в отношениях с учителями. Страхи этих школьников во многом связаны с учёбой. Поэтому эмоциональное состояние подростков, на фоне которого развиваются их социальные контакты, является напряженным, негативно окрашенным. Таким образом, создаются предпосылки для возникновения и развития беспокойства, тревоги, тревожности как следствия социального стресса.

Проанализировав теоретическую литературу и учитывая полученные эмпирические данные, мы разработали программу формирования эмоционального благополучия у подростков, воспитывающихся в школе-интернате. Данная программа была частично апробирована. Мы набрали группу из 10 подростков с высоким показателем уровня агрессивности, воспитывающихся в ГУО «Антопольская вспомогательная школа-интернат».

В течение двух недель с этими подростками были проведены тренинговые занятия по формированию уверенного поведения. Подростки получили информацию о том, как избавиться от чувства неуверенности; приобрели опыт постановки и достижения реалистичных целей; обучились здраво оценивать свои возможности, самостоятельно справляться со стрессом, проблемами и трудностями; овладели навыками конструктивного решения конфликтов; поверили в собственные силы. Подростки научились ориентироваться в незнакомых ситуациях и находить оптимальные и адекватные модели поведения, контролировать эмоции в стрессовых условиях. За последнюю неделю реализации программы мы провели тренинговые занятия и лекции для развития понимания подростками эмоционального состояния другого человека и умения адекватно выражать свое, развития уверенности в себе, в собственном будущем; снижения уровня обиды.

После апробации программы с данной категорией подростков мы повторно провели тест Басса-Дарки. Проанализировав полученные данные, мы обнаружили наибольшие изменения в показателях физической, косвенной и вербальной агрессии. Так, на констатирующем этапе высокий уровень физической агрессии был выявлен у семи подростков, а на контрольном этапе только у двух. Высокий уровень проявления вербальной агрессии на констатирующем этапе был обнаружен практически у всех подростков, после частичной апробации программы – только у двух подростков. При анализе показателей косвенной агрессии нам удалось выявить, что высокий уровень её проявления снизился с девяти человек на констати-

рующем этапе до одного человека на контрольном этапе. Кроме того, по отзывам педагогов, работающих с данными подростками, они стали менее обидчивы, раздражительны, более доверчивы к окружающим, эти подростки начали более открыто общаться со сверстниками и взрослыми. Таким образом, можно отметить, что разработанная нами программа способствует формированию эмоционального благополучия у подростков, воспитывающихся в школе-интернате.

О.А. Пукало (Научный руководитель Д.Э. Синюк)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛЫХ ПАЦИЕНТОВ СТАЦИОНАРА, ПОЛУЧИВШИХ ТЯЖЕЛЫЕ ТРАВМЫ

В социально-психологической литературе по проблеме исследования отмечается, что для большинства людей, перенесших тяжелые травмы, характерен дефицит социальных навыков, существующий вследствие длительной госпитализации. Развитие госпитализма может быть связано не только с изоляцией больных, обусловленной помещением в стационар, но и со стремлением по возможности оградить пациента от тягот реальной социальной жизни. В таких случаях ответственность за его поведение перекладывается на других лиц (медицинский персонал, родственников). В результате у пациентов утрачиваются навыки повседневной жизни, зачастую даже элементарные.

В нашей работе мы изучали смысложизненные ориентации тяжело травмированных взрослых пациентов стационара, а также выявляли их эмоциональное состояние.

В ходе исследования использовались следующие методики: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Джеймса Крамбо и Леонарда Махлика в адаптации Д.А. Леонтьева, четырехмодальный эмоциональный вопросник Л.А. Рабиновича. Тест смысложизненных ориентаций позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Четырехмодальный эмоциональный вопросник направлен на выявление склонности обследуемых к оптимистичности или пессимистичности, к позитивному или негативному эмоциональному фону. Эмпирическое исследование проводилось на базе УЗ «Ивацевичская ЦРБ» в травматологическом отделении среди тяжело травмированных пациентов. Общий объем выборки составил 20 человек.

Изучив смысложизненные ориентации испытуемых, мы выяснили следующее. Более половины опрошенных (58%) отметили, что они не имеют достаточно определенных планов и намерений на будущее (шкала «цели в жизни»), но в то же время жизнь представляется им в той или иной мере состоявшейся: удачно или неудачно, но уже сложившейся. При этом у них отсутствует желание что-либо кардинально менять. У 42% респондентов встречались утверждения о том, что не совсем сформировалось понимание жизни и не определились ее цели, еще не найдены интересные дела или утрачена вера в их возможность, но что-то в жизни следует серьезно изменить.

Шкала «процесс жизни» позволяет оценить интерес и эмоциональную насыщенность жизни, чувственную ее наполненность. Мы выяснили следующее: примерно половина испытуемых (54%) считает, что жизнь сложилась не так, как мечталось; она либо однообразная, скучная, рутинная и неинтересная, либо пустая, бесцельная и бессмысленная. У 38% опрошенных удовлетворенность своей жизнью в настоящем несколько ниже нормы; тем не менее, испытуемые отмечали, что полноценный смысл их жизни придают также воспоминания из прошлого и нацеленность в будущее. Лишь 8% респондентов считают, что их жизнь сложилась нормально, она волнующая и захватывающая, наполненная смыслом и целеустремленная; каждый новый день не похож на другие и приносит массу впечатлений: скучно не бывает, главное, чтобы хватало энергии и сил.

Самый низкий показатель по шкале «результативность жизни» получен у 46% опрошенных. Эти больные чаще других отмечали, что многое в жизни из того, что было запланировано, не осуществилось, не удалось добиться тех или иных целей. Также они указывали на то, что хорошо начавшаяся жизнь затем «пошла кувырком» по собственной глупости, либо вследствие сложных обстоятельств, когда приходилось переживать беспокойство и растерянность. У 54% респондентов фигурировали утверждения о том, что многое в жизни осуществилось, удалось преодолеть трудности, справиться с проблемами, что жизнь наполнена интересными делами и многое еще предстоит сделать, что повседневные дела приносят удовлетворение и собою, и жизнь в целом.

32% испытуемых утверждают, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию, что он может держать свою жизнь в своих руках и управлять ею, справляться с обстоятельствами жизни (шкала «локус контроля – жизнь»). Самый низкий показатель по данной шкале получен у 68% опрошенных, которые считают, что всё зависит в жизни не от свободы выбора, а от объективно складывающихся обстоятельств, которыми трудно управлять. Поэтому редко кому удается найти в жизни призвание и смыслы. Мало что зависит в ней от

собственных усилий и стараний. Вместе с тем у этих больных часто звучали обвинения в свой адрес в том смысле, что они не смогли (или «не получилось») проявить силу воли, упорство, настойчивость.

Шкала «локус контроля – Я» позволяет оценить, насколько испытуемый ощущает себя хозяином своей жизни, насколько он чувствует, что может управлять ею. У 28% испытуемых показатель по данной шкале чуть выше нормы и практически ей соответствует. Испытуемые этой группы вовсе не считают, что их жизнь находится только в их руках, но отмечают, что в большинстве жизненных обстоятельств они не надеялись не на удачу, не на Бога, а полагались, прежде всего, на собственные силы, опыт и знания. В то же время 22% опрошенных свойственно убеждение, что они являются хозяевами своей жизни, в основном благодаря своей энергичности и целеустремленности. В жизни они чаще имели ясные цели, многие отмечают, что своим трудом нашли свое призвание. Самый низкий показатель по шкале «локус-контроля – Я» получен у половины респондентов. Они говорят о своём слабоволии, слабохарактерности, обвиняют себя в том, что в ряде жизненных ситуаций поступали не лучшим образом, не контролировали свой выбор, плыли по течению жизни, не смогли найти достойное место и призвание.

В целом у большей части тяжело травмированных больных (62%) общий показатель СЖО находится ниже нормы. Данные респонденты обнаруживали заниженное самоуважение, сетовали на многие упущения в жизни и на свои многочисленные ошибки, на то, что недостаточно заботились о себе, о семье, детях и т.п. 38% респондентов более «корректно» относятся к себе, своим возможностям и ресурсам, своим способностям и стараниям, к своему здоровью и к своим ценностям в жизни.

Проанализировав данные, полученные с помощью четырехмодального эмоционального вопросника, мы выяснили, что у респондентов доминирующей является шкала печали, после которой следует гнев. Среднее значение по шкале радости находится на низком уровне. Это говорит о том, что испытуемые более всего склонны испытывать состояние печали, нежели состояния гнева, страха и радости. Следовательно, у респондентов преобладает негативный эмоциональный фон и пессимистичность.

Таким образом, изучив смысложизненные ориентации тяжело травмированных пациентов стационара и выявив их эмоциональные состояния, можно отметить, что многие из них крайне пессимистично видят свою жизнь в целом. У них отсутствует желание кардинально менять что-либо в своей жизни, они не чувствуют себя творцами своей судьбы и по большей части считают, что их жизнь пуста и бессмысленна. Поэтому им необходимо оказывать социально-психологическую поддержку, которая будет способствовать стимуляции активной позиции в преодолении травмы и ее

последствий, формированию ответственности за своё социальное поведение, восстановлению социальных контактов и повышению социальной компетенции. Тяжело травмированным пациентам очень важно осознать собственную ценность и в то же время ответственность за свою жизнь, почувствовать свою способность достигать жизненные цели.

И.Л. Растрьгина (Научный руководитель И.Е. Валитова)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМ БОЛЬНЫМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКЛИНИКИ

Современный человек ежедневно переживает во много раз больше стрессовых ситуаций, чем его предки даже в недалеком прошлом. Все это вызывает перенапряжение функций жизненно важных систем организма человека, он не в состоянии адаптироваться к ним, вследствие чего могут возникать соматические, психические и психосоматические расстройства.

Психосоматические расстройства имеют высокую распространенность среди населения, и особенно в высокоразвитых странах. Частота психосоматических расстройств колеблется от 15% до 60% среди населения, а среди пациентов первичной практики – от 30% до 57%. Статистика показывает, что, по меньшей мере, одна треть больных, получающих медицинскую помощь, первично страдают от эмоциональных расстройств. Среди контингента многопрофильных больниц психосоматические расстройства были выявлены в 53,6% случаев. За последние 25–30 лет отмечается резкое увеличение численности больных с психосоматической патологией. Это касается, прежде всего, заболеваний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, хронических неспецифических болезней и эндокринных расстройств.

Возникновение психосоматических расстройств объясняется взаимодействием трех факторов – психологических, физиологических и социальных. В качестве *психологических факторов* выступают специфические личностные, «психодинамические» особенности, неразрешенные внутренние конфликты, определяющие тот набор привычных негативных эмоций, которые человек испытывает в эмоциогенных ситуациях. *Физиологический фактор*, определяющий то слабое звено в организме, на которое приходится основной удар негативных эмоций – это конституциональная неполноценность тех или иных органов, вызывающая их повышенную уязвимость. И, наконец, *социальный фактор*, играющий роль пускового момента – неблагоприятные воздействия жизненной среды.

Варианты *психологической помощи* человеку разнообразны, но они эффективны только тогда, когда они основаны на сочетании теории, методологии и технологии использования психологических знаний. Специалисту в области социальной работы важно уметь выбрать и использовать в практической деятельности методы, соответствующие индивидуальности конкретного человека и учитывающие его социальные потребности и интересы.

Анализ научной литературы показывает, что для больных с гипертонической болезнью (ГБ) характерно сдерживание эмоций, чрезмерно адаптивное, уступчивое, ориентированное на социальный успех, пассивное, избегающее конфликтов поведение, измененное восприятие конфликта, отрицание стресса в ситуации напряжения. На фрустрацию такой больной реагируют фиксацией самозащиты и чувством преобладания препятствий, снижением уровня мотивации на достижения и уровня социальной защищенности, нарастанием страха неудачи. Иногда у таких больных случаются вспышки гнева, но в целом у них достаточно высокий самоконтроль, так что при поверхностном обследовании они производят впечатление хорошо приспособленных, зрелых людей. Довольно часто эти пациенты являются чрезвычайно милыми и уступчивыми и изо всех сил стараются понравиться окружающим.

Наиболее часто встречающееся качество у больных с *дуоденальной язвой* – их повышенная эмоциональная возбудимость и склонность к эмоциям тревоги, опасения и страха; астенические личностные черты нередко сочетаются у больных язвенной болезнью с повышенной самооценкой, ответственным отношением к своим обязанностям, прямолинейностью в демонстрации развитого чувства долга, утрированной приверженностью морально-этическим стандартам.

С целью выявления социально-психологических проблем у психосоматических больных было проведено эмпирическое исследование. В исследовании использовались 2 методики: 1) «Личностный дифференциал», позволяющий выявить самооценку больными своих личностных качеств; 2) опросник А. Сердюка, направленный на выявление социальной значимости болезни для больного. В качестве испытуемых выступали 2 группы больных с психосоматическими заболеваниями: с гипертонической болезнью и с дуоденальной язвой. Возраст испытуемых варьировал от 25 до 65 лет. Все испытуемые обращались в поликлинику за медицинской помощью.

Анализ результатов методики «Личностный дифференциал» показал, что *уровень самооценки* у испытуемых с гипертонической болезнью выше, чем у больных с дуоденальной язвой, однако находится всего лишь на 2-м (среднем уровне) из трех уровней. Большая часть респондентов с ГБ могут быть как уверенными в себе, независимыми, склонными рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, так и зависимыми от внешних об-

стоятельств и оценок, иногда они могут быть неспособными держаться принятой линии поведения. Они принимают себя как личность, склонны осознавать себя как носителя позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворены собой. Испытуемые данной группы в меру активны, общительны, импульсивны.

Не все больные с дуоденальной язвой принимают себя как личность, склонны осознавать себя как носителя позитивных, социально желательных характеристик, но большая их часть всё-таки удовлетворены собой. Испытуемые с дуоденальной язвой в определенной степени уверены в себе, независимы, склонны рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, а иногда могут зависеть от внешних обстоятельств и оценок.

Социальная значимость болезни для респондентов с ГБ выражена больше, чем для респондентов с дуоденальной язвой. Испытуемые с ГБ считают, что из-за болезни они не отличаются прежней работоспособностью, вынуждены во многом себя ограничивать, стали слабыми, немощными, некрасивыми, неприятными для окружающих. Для них болезнь становится барьером на пути карьерного роста, мешает зарабатывать больше, наносит значительный материальный ущерб, вынуждает тратить огромные, по их мнению, средства на лечение. Они считают, что у них меньше свободного времени, чем у здоровых людей, так как из-за болезни много времени уходит на лечение.

Респонденты с дуоденальной язвой смотрят на своё заболевание более оптимистично, но и для них так же, как и для респондентов с ГБ, болезнь является преградой во многих их начинаниях. Испытуемые данной группы также во многом себя ограничивают, боятся употреблять спиртное, избирательны в еде, избегают ходить в гости, отказывают себе в развлечениях, считают, что у них меньше свободного времени, чем у здоровых людей, так как много времени уходит на лечение, на пребывание в больнице. Большинство опрошенных людей данной группы считают, что из-за болезни они не могут работать там, где им хотелось бы. Болезнь мешает им занять лучшее положение в обществе, сделать карьеру, наносит им значительный материальный ущерб, вынуждает тратить средства на лечение, не даёт возможности больше зарабатывать.

На основе полученных данных была разработана и внедрена программа помощи «Жизнь без стресса», направленная на оптимизацию деятельности по оказанию социально-психологической помощи психосоматическим больным, путем создания мультидисциплинарной бригады, состоящей из врачей-терапевтов, психотерапевта и медицинских сестер.

В результате апробации программы социально-психологической помощи психосоматическим больным в условиях поликлиники можно отметить следующие значимые изменения: в поликлинике сформирована муль-

тидисциплинарная бригада, состоящая из врачей-терапевтов, психотерапевта и медицинских сестер; 80% участников программы получили квалифицированную психологическую помощь. В учреждении здравоохранения функционирует «Комната психологической помощи психосоматическим больным». Повысился уровень информированности у представителей целевой группы по вопросам получения психологической поддержки.

Таким образом, можно сделать вывод, что врачам-терапевтам нужно использовать психологические данные об особенностях психосоматических больных в своей работе. Психосоматических больных недостаточно лечить только медикаментозно, необходимо выяснить причину конкретного психосоматического заболевания, чтобы в дальнейшем определить правильную тактику ведения такого пациента.

Т.Ю. Сахарчук (Научный руководитель Д.Э. Синюк)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН, СТОЛКНУВШИХСЯ С ДИСКРИМИНАЦИЕЙ

Половая дискриминация – практика, посредством которой одному полу отдается предпочтение по сравнению к другим. В большинстве обществ это рассматривается как дискриминация, благоприятствующая мужчинам в ущерб женщинам. Вопрос о дискриминации женщин является актуальным во всём мире. В Республике Беларусь, по данным исследований, женская часть населения чаще всего подвергается дискриминации в сфере занятости. Из-за особенностей жизненной ситуации, то есть наличия детей и отсутствия опыта работы из-за декретных отпусков, больничных и так далее, женщины порой испытывают более серьезные проблемы с трудоустройством по сравнению с мужчинами. Это находит отражение в средних сроках поиска работы, а также негативно сказывается на их психическом состоянии. В настоящее время в наиболее сложном положении на рынке труда оказываются женщины, воспитывающие малолетних детей, выпускники учебных заведений, не имеющие опыта работы, женщины предпенсионного возраста, женщины-инвалиды, а также имеющие профессии, по которым преимущество отдается мужчинам (чаще инженерно-технические и строительные специальности).

Таким образом, проблемная ситуация заключена в противоречии, которое сложилось между заявленным курсом на претворение в жизнь конституционного принципа «равных прав и возможностей» полов, с одной

стороны, и фактической дискриминацией женщин в сфере труда и занятости, ущемлением их социальных прав в экономической жизни, с другой.

Цель настоящего исследования состояла в изучении особенностей социально-психологической поддержки безработных женщин, столкнувшихся с дискриминацией. Для реализации данной цели мы использовали следующие методики: беседа для выявления уровня правовых знаний и умений, тест «Самооценка психического состояния» по Г. Айзенку, а также анализ нормативно-правовой документации по данной проблеме.

В первую очередь обратимся к анализу результатов, полученных в ходе проведения беседы. Мы выяснили, что о явлении дискриминации по признаку пола часто слышали 6% респондентов, иногда – пятая часть, редко или никогда не слышали о таком явлении около половины опрошенных (54%), затруднились ответить на данный вопрос 20% респондентов. При приеме на работу часто встречались с дискриминацией 6% респондентов, иногда – 28%, никогда – большая часть безработных женщин (60%), затруднились ответить на данный вопрос 6% опрошенных. Следует отметить тот факт, что из всех женщин нашей группы, столкнувшихся с дискриминацией, наиболее часто ей подвергались беременные женщины и женщины с маленькими детьми в возрасте до 6 лет. Так, среди беременных женщин дискриминацию при приеме на работу испытали 8% респондентов, а среди женщин с маленькими детьми – пятая часть. Опрошенные нами респондентки считают, что в меньшей степени дискриминацию при приеме на работу испытывают одинокие женщины (не имеющие семьи), женщины инвалиды и женщины, только что вышедшие замуж.

Далее рассмотрим результаты, полученные в ходе проведения теста «Самооценка психического состояния» по Г. Айзенку. В ходе исследования мы выявили высокий уровень тревожности у большинства (68%) безработных женщин: они беспокойны (возможно, только от воображаемых ситуаций), не уверены в себе, мнительны, с трудом переносят ожидание, они любят копаться в своих недостатках, плохо спят, отмечают подавленность настроения. Указанные особенности в итоге уменьшают способность сопротивляться и преодолевать трудности, а также возможность успешной социальной адаптации вообще. У 21% исследуемых средний уровень, а у 11% низкий уровень тревожности.

Приблизительно у половины испытуемых (49%) мы выявили высокий уровень фрустрации, что выражается в следующем: они часто отказываются от борьбы, неприятности их сильно расстраивают, женщины падают духом, чувствуют себя незащищенными, теряются перед трудностями, недостатки своего характера считают неисправимыми. Например, при выполнении какой-либо деятельности человек терпит неудачу, что, безусловно, вызывает у него отрицательные эмоции (огорчение, недовольство со-

бой). Если в такой ситуации окружающие люди поддержат, помогут исправить ошибки, пережитые эмоции останутся лишь эпизодом в жизни человека. Если неудачи повторяются, и значимые люди при этом упрекают, стыдят, называют неспособным или ленивым, у этого человека обычно развивается эмоциональное состояние фрустрации. Около трети респондентов (33%) испытывают средний уровень фрустрации, они в меньшей степени реагируют на неприятности. Низкую степень фрустрации испытывает 18% безработных женщин.

В то же время мы выяснили, что более половины женщин (55%) не агрессивны, спокойны, выдержанны, не хотят быть авторитетом для других, не любят делать замечания, их нелегко рассердить, они не перебивают собеседника, предпочитают подчиняться, не мстительны. У остальных опрошенных агрессия проявляется в разной степени: у 28% средний уровень агрессии и у 17% высокий. При среднем уровне агрессии женщины контролируют свои эмоции, стараются из критической ситуации выйти без конфликта, но если не удастся избежать разногласия, то они способны доказать свою правоту. Женщины с высоким уровнем агрессии в проблемной ситуации легко идут на конфликт, излишне эмоциональны.

У большинства обследуемых женщин (69%) выявлена низкая степень ригидности: они способны поменять свои привычки, легко переключить внимание, они поддаются переубеждению, легко сближаются с людьми, их не огорчает нарушение планов. У 27% безработных женщин средний уровень ригидности: в зависимости от обстановки они способны изменить свое поведение, убеждения, взгляды. Высокий уровень ригидности выявлен у 4% опрошенных, что характеризуется неизменностью поведения, убеждений, взглядов, эти женщины очень тяжело переживают изменения в личной жизни и смену работы.

Для оптимизации работы по социально-психологической поддержке безработных женщин, столкнувшихся с дискриминацией, мы разделили участниц нашего исследования на группы по показателям психических состояний. Первая группа состоит из безработных женщин с неблагоприятным психическим состоянием, по данным исследования у них высокие показатели по трем уровням. Вторая группа состоит из женщин с нестабильным психическим состоянием, у них высокие показатели по двум уровням. Они также нуждаются в социально-психологической поддержке и коррекционной работе. В состав третьей группы вошли женщины с относительно нестабильным психическим состоянием, у них высокий показатель по одному уровню. Четвертая группа – женщины с благополучным психическим состоянием, у которых отсутствует высокий уровень по всем показателям, но таких среди испытуемых не обнаружено.

Таким образом, мы выявили, кто из безработных женщин нуждается в незамедлительной коррекции психических состояний и социально-психологической поддержке. Если своевременно не провести с ними коррекционную работу и не оказать социально-психологическую поддержку, такие психические состояния могут привести к психологическим проблемам.

Далее мы выяснили, что в Управлении по труду, занятости и защите населения Брестского городского исполнительного комитета используется следующая нормативно-правовая документация при организации работы по профилактике дискриминации по половому признаку: Конституция Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 года № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь»; Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 66 от 24 мая 2012 г.; Трудовой кодекс Республики Беларусь и др. Так, согласно приказу № 125 «нанимателям запрещается указывать дискриминационные условия в предложениях об имеющихся свободных рабочих местах (вакансиях)». Наниматель не может указывать в заявке, что на вакантное место ему требуется только мужчина. Единственное, что наниматель может отметить – это тяжелый физический труд, что позволяет женщинам выбрать подходящую вакансию. В случае отказа женщине в трудоустройстве в направлении специалист отдела кадров нанимателя указывает любые причины несоответствия женщины для работы: недостаточная квалификация, по состоянию здоровья (при условии наличия справки), но только не дискриминационные, так как указание этих причин карается штрафными санкциями для нанимателя.

Безусловно, государство в рамках законодательных актов исключило дискриминацию женщин по гендерному принципу, но со стороны нанимателя она сохраняется и носит скрытый, замаскированный характер. Поэтому мы разработали программу по социально-психологической поддержке безработных женщин. При разработке данной программы мы акцентировали внимание на максимальном развитии личностного потенциала безработных женщин, столкнувшихся с дискриминацией.

И.С. Сербун (Научный руководитель И.Е. Валитова)

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА БОЛЕЗНИ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА С ГАСТРОЭНТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Взаимоотношения телесных проявлений и психической сферы являются в настоящее время одним из самых интенсивно развивающихся направлений исследований в клинической психологии. Актуальным в этой

области становится изучение самосознания больного человека: его самооценки, отношения к себе, внутренней картины болезни. Между субъективной оценкой болезни и ее объективными проявлениями в молодом и пожилом возрастах выражены наибольшие расхождения. По мнению В.В. Николаевой, именно возрастной аспект субъективного отражения болезни остается малоисследованным.

Изучение проблемы внутренней картины болезни при различных заболеваниях обусловлено необходимостью учета роли личности в развитии, течении и исходе заболевания, характера изменений личности в условиях болезни. Это имеет большое значение для правильного и своевременного решения вопросов диагностики и лечения, а также для адекватного построения реабилитационных мероприятий, одним из направлений которых является психотерапевтическая коррекция искаженного субъективного отражения человеком проявлений своего заболевания.

Цель исследования – сравнить особенности внутренней картины болезни у людей разного возраста с гастроэнтерологической патологией.

Выборка исследуемых составила 25 представителей юношеского возраста (18–23 года) и 25 представителей взрослого возраста (37–43 года).

Исследование проводилось на базе Брестской областной больницы в отделении гастроэнтерологии в период с февраля по март 2013 года. В исследовании использовались следующие методики: «Личностный опросник Бехтеревского института (ЛОБИ)», который предназначен для психологической диагностики типов отношения к болезни; проективная методика «Рисунок «Моя болезнь», разработанная нами для выявления уровневых характеристик (компонентов) внутренней картины болезни.

Физическими симптомами язвенного колита и язвы двенадцатиперстной кишки являются такие болевые ощущения, как боль в животе, лихорадка, тошнота, слабость, резкая колющая боль, ноющая боль. Больные также испытывают быструю утомляемость, недомогание, при осложнении заболевания у них повышается температура тела. При язвенном колите пациенты могут длительное время не замечать симптомов заболевания, поскольку общее состояние организма страдает, а трудоспособность нарушается только в особо тяжелых случаях. Возможно снижение массы тела.

Наличие данных симптомов заболевания можно проследить при помощи проективной методики, так как при помощи изображения человек может выразить свои чувственные ощущения, не прибегая к словестному описанию, что упрощает и саму процедуру диагностики, и даёт исследуемому возможность свободно выразить то, что он ощущает.

Для реализации поставленной цели нами были разработаны параметры анализа компонентов ВКБ в изображении:

- *Чувственный компонент*: наличие боли (острая, слабая, колющая), её отсутствие. Выраженность данного компонента определяется по наличию в рисунке когтей, стрел, ножей, мечей, огня, слёз, спиралей, молний, вихрей, ураганов и т.д.

- *Эмоциональный компонент*: цвета изображения (от яркого до тёмного), наличие мимических выражений на рисунке. Красный цвет, оранжевый, насыщенный жёлтый символизируют интенсивность болевого ощущения (силу, её выраженность). Тёмные цвета символизируют угнетённость своим состоянием, отягощённость болезнью, наличие тревоги за своё состояние. Цвета от синего до фиолетового (их сочетание и оттенки) свидетельствуют о равнодушии к своему состоянию, усталости от болезни. Параметром интерпретации также является наличие в изображении мимических выражений (улыбки, выражение глаз, грустные лица).

- *Когнитивный компонент*: локализация болезни (изображение больного органа), наличие на рисунке изображения причины заболевания, а также изображение способов лечения. Больные могут изображать на рисунке больной орган (кишечник), место дислокации заболевания (область живота). Они могут также изображать знание причин заболевания (нездоровый образ жизни, стрессовые ситуации, давление со стороны окружающих в виде злых людей), способы лечения (медикаментозное, ограничение в определённой пище).

- *Поведенческий компонент*: наличие форм лечения в изображении, поиск поддержки со стороны социума. В изображении присутствуют формы лечения заболевания (изображение больницы, здания, палаты), а также наличие потребности в поддержке со стороны близких (изображения людей, окружающих больного).

Дополнительно были выделены следующие параметры анализа:

- *Место изображения рисунка на листе* (временная перспектива): изображение рисунка в центре интерпретируется как наличное состояние больного, ориентация на заболевание здесь и сейчас. Рисунок, изображённый слева, свидетельствует о том, что заболевание длительное, либо его значение имело вес в прошлом. Рисунок справа может свидетельствовать о том, что болезнь для респондента накладывает отпечаток на его будущее, либо исследуемый предвосхищает наличие данного заболевания и в будущем.

- *Размер изображения* (значимость заболевания): при изображении большого рисунка, относительно размерам листа, больной придаёт своему заболеванию большое значение, значительная часть его внимания направлена на мысли о заболевании. Маленький рисунок, в свою очередь, свидетельствует о незначительности заболевания в жизни исследуемого, либо больной пытается уменьшить значимость заболевания в силу определённых причин.

- *Направленность на будущее выздоровление:* параметрами анализа данного показателя являются изображения органа с заплатками, наличие цветов, солнца, подарков, путь домой, лестница, идущая вверх.

Таким образом, на основе полученных результатов, были выявлены особенности в различиях компонентов внутренней картины болезни у людей разного возраста с гастроэнтерологической патологией. Можно отметить следующие различия в типах отношения к заболеванию у исследуемых молодого и взрослого возрастов.

Респонденты молодого возраста чрезмерно озабочены возможностью неблагоприятного впечатления, которое могут произвести на окружающих сведения о своей болезни. Присутствуют опасения, что окружающие станут избегать, считать неполноценным, пренебрежительно или с опаской относиться, распускать сплетни или неблагоприятные сведения о причине и природе болезни. Они боятся стать обузой для близких из-за болезни и боятся неблагоприятного отношения с их стороны в связи с этим. Пациенты проявляют тревожность по отношению к своему заболеванию, а также склонны к сильно выраженным эмоциональным реакциям на болезненные ощущения.

Исследуемые взрослого возраста более пассивно относятся к процедурам лечения, а также склонны к «уходу от болезни в работу». Можно проследить безразличие к исходу заболевания, к своему будущему состоянию. Для них характерно меланхоличное отношение к заболеванию, а также активное отбрасывание мысли о болезни, о возможных ее последствиях, вплоть до отрицания очевидного, что не присуще исследуемым респондентам молодого возраста.

Признаки гастроэнтерологических заболеваний можно проследить в изображениях рисунков респондентов «Моя болезнь», имеющих данный тип заболевания: качественные характеристики интенсивности болевых ощущений, эмоциональную окраску состояния, знание причин болезни и поведенческие аспекты, сопровождающие болезнь и её лечение.

Больные выделяют в своём состоянии интенсивные болевые ощущения и слабость либо невыраженность боли как характеристику гастроэнтерологического заболевания. Интенсивное эмоциональное реагирование на заболевание выражается в виде ярких цветов с акцентом внимания на остроте болезни.

Исследуемые респонденты проявляют знание о локализации своего заболевания (изображая место боли, а также больной орган). Респонденты молодого и взрослого возрастов акцентируют своё внимание на актуальном состоянии, которое занимает на данный момент центральное место (большинство рисунков изображены в центре листа и имеют большой размер).

Данные исследования различий внутренней картины болезни у людей разного возраста с гастроэнтерологической патологией оказались качественно различными, что было подтверждено с помощью критерия χ^2 . Таким образом, гипотеза о различиях в особенностях ВКБ у людей юношеского и взрослого возрастов подтвердилась.

На основе полученных результатов нами были составлены психологические портреты больных юношеского и взрослого возрастов с гастроэнтерологической патологией, а также разработаны рекомендации по работе с данными больными. Имея представления о том, каким образом человек реагирует на болезнь, у нас появляется возможность предотвращения рецидивов и профилактики появления заболевания.

Необходимость учёта субъективного отношения человека к заболеванию, его возрастных особенностей, а также типа заболевания даёт представление о том, каким образом можно найти личностный подход к больному для его эффективного лечения, для создания благоприятных условий выхода больного в состояние устойчивой ремиссии.

А.В. Скапровская (Научный руководитель А.А. Стреленко)
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Психологическая профилактика суицидального поведения у подростков является актуальной в связи с ростом самоубийств в последние годы. С точки зрения многих исследователей, суицидальное поведение учащается с возрастом, достигая максимума в пубертате. Пик суицидальных попыток приходится на возраст 16–24 года. В большей степени это связано с социальной незащищённостью молодежи.

По поручению Совета Министров Республики Беларусь Министерством здравоохранения совместно с заинтересованными ведомствами был разработан Комплексный план по профилактике суицидального поведения на 2009–2012 годы.

В результате в 2010 году в республике было зафиксировано 26,1 случая суицидов на 100 тысяч населения. За 7 месяцев в 2012 году в сравнении с аналогичным периодом 2011 года уровень суицидов снизился с 13,8 до 12,6 случаев на 100 тысяч населения (8,9%).

С развитием психологии сформировались различные теоретические подходы к пониманию природы суицида. До сих пор остается открытым вопрос о том, что первично: биологическая запрограммированность на самоуничтожение, психическое расстройство, личностные деформации или ус-

военная поведенческая стратегия поведения, направленная на поиск выхода из кризисной ситуации.

Следует отметить, что и в отечественной психологии тема суицида была весьма актуальна. Так, выдающийся русский невропатолог и психиатр В.М. Бехтерев указывал на то, что подлинное понимание причин самоубийства может быть достигнуто лишь при учете возможно большего числа условий, которые в той или иной мере создают почву для возникновения самоубийства.

Русский врач П.Г. Розанов писал, что самоубийцы – это психически больные люди, и в самоубийстве меньше всего повинен людской произвол, а «ожесточение и неприязнь, которыми общество продолжает награждать этих несчастных, имеет столько же оснований, сколько они имели 100–150 лет назад по отношению к душевнобольным вообще». В советской психологии следует отметить вклад таких учёных, как А.Г. Абрумова, В.С. Афанасьев, Ю. Вагин, Б.В. Войцехович, Я.И. Гишинский, Я. Лейбович, И.А. Погодин, А.Р. Ратинов, Г.А. Румянцева, В.А. Тихоненко, Л. Трегубов и другие.

Таким образом, несмотря на многочисленные эмпирические исследования и теоретическую разработку, проблема суицида и его профилактики до сих пор актуальна во многих странах мира и требует дальнейшего изучения.

Цель нашего исследования – выявление предикторов суицидального поведения у подростков. Нами проводилось пилотажное анкетирование, целью которого являлось определение способов решения жизненных проблем подростками. Разработанная для этого анкета включала 9 вопросов. В исследовании приняло участие 52 подростка 13–15 лет.

По результатам анкетирования можно сделать вывод о том, что подростки склонны активно проводить свое свободное время, самостоятельно или с помощью друзей и родителей решать трудные жизненные ситуации, не прибегая к деструктивным способам поведения, таким как алкоголь и наркотики. Кроме того, подростки видят свое будущее хорошим, и у большинства мысли о нем вызывают положительные чувства, за исключением 2 человек (13,5%), у которых мысли о будущем вызывают тревогу и неуверенность.

Таким образом, к группе риска можно отнести подростков, которые не уверены в своем будущем либо оно им безразлично, которые в решении тех или иных жизненных ситуаций ничего не предприняли бы, так как посчитали, что им все равно ничего не удастся исправить, тех, кто испытывает чувство одиночества, вины и также тех, кто сталкивался с такими сложными жизненными ситуациями, как физическое и сексуальное насилие, потеря близкого человека, «несчастливая» влюбленность. В общей сложно-

сти все испытуемые сталкивались с подобными жизненными ситуациями, поэтому следует учитывать одновременное влияние всех факторов. Исходя из этого, группу риска составляют 8 человек (15,4%).

Кроме того, для выявления подростков, склонных к суицидальному поведению, нами был выбран критерий выраженности акцентуаций характера. Таким образом, для выявления подростков группы риска нами было проведено две методики, целью которых являлось определение выраженности акцентуаций характера: тест Леонгарда-Шмишека, методика «Чертова дюжина» (тест акцентуации характера).

Методика «Определение акцентуации характера по тесту Леонгарда-Шмишека» состоит из 97 вопросов, на которые испытуемый должен ответить «да» либо «нет». Авторы методики выделяют 10 типов акцентуаций характера, объединенных в две группы, отражающие акцентуации свойств непосредственно характера и акцентуации свойств темперамента. Методика «Чертова дюжина» (тест акцентуации характера) состоит из 104 вопросов. Эта методика базируется на «Патодиагностическом психологическом опроснике А.Е. Личко». В нем выделяется 13 типов акцентуации.

В исследовании приняло участие 50 подростков, в возрасте 13–15 лет. В результате данного исследования было выявлено, что большинство подростков имеют два и более типа акцентуаций, а самым часто встречающимся типом акцентуации является гипертимный. Следует отметить, что, по данным исследований, проведенных А.А. Реаном, в группу риска следует относить подростков с выраженным циклоидным, лабильным, сенситивным, эпилептоидным, истероидным и эмотивным типами акцентуаций характера. Исходя из этого выяснилось, что из 50 подростков, участвовавших в исследовании, 26 составляют группу риска, что составляет 52% от всего числа испытуемых.

Таким образом, понимание дифференциальных основ личности подростка позволяет предсказать возможное поведение подростка, его склонность к суицидальному поведению, предотвратить психогенные факторы, способствующие трагическому исходу. Поэтому психолог должен стараться прогнозировать возможность появления проблем и проводить работу в направлении их предупреждения. В соответствии с этим нами была разработана программа первичной профилактики суицидального поведения, целью которой является снижение риска суицидов и суицидальных попыток у подростков 13–15 лет.

Е.П. Струнец, А.А. Пукач (Научный руководитель И.Е. Валитова)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, Беларусь

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВУШЕК, СКЛОННЫХ К НЕРВНОЙ АНОРЕКСИИ

Актуальность изучения нервной анорексии определяется ее большой распространенностью и значительным ростом заболеваемости, особенно в последнее время, трудностями ее диагностики и лечения, в связи со склонностью больных к сокрытию симптомов, несвоевременностью их обращения к специалистам, а также сложностью решения вопросов их реабилитации.

Анорексия (*an* – частица, означающая отсутствие признака или качества, греч. *orex* – желание есть, аппетит) – утрата чувства голода, отсутствие аппетита при наличии физиологической потребности в питании. Нервная (психическая) анорексия – это заболевание, развивающееся преимущественно у лиц женского пола в подростковом и юношеском возрасте, представляющее собой сознательное ограничение в приеме пищи или даже полный отказ от еды с целью коррекции мнимой или резко переоцениваемой избыточной массы тела.

Для этого заболевания характерны постоянные усилия со стороны пациентов, направленные на снижение массы тела, часто приводящие к тяжелому истощению и сопровождающиеся специфической психопатологией, которая включает патологический страх ожирения. Жесткая диета обычно приводит к потере массы тела, а также к аменорее.

Если утраченная масса тела не восстанавливается, могут возникнуть серьезные осложнения, например, серьезные поражения сердечно-сосудистой и костной систем. Результатом нервной анорексии могут быть другие осложнения: задержка физического развития и роста, бесплодие, поражение головного мозга, высокая частота сопутствующего злоупотребления психоактивными веществами, низкая социальная активность, низкая самооценка, а также сопутствующие расстройства настроения и личности.

В мире анорексией страдают примерно 12 молодых женщин на 100 тыс. населения. Если экстраполировать мировые данные на Беларусь, то около тысячи девушек ежегодно приобретают признаки нарушений пищевого поведения, которые впоследствии могут перерасти в анорексию. Исход нервной анорексии в большинстве случаев пессимистический. Только 44% пациентов, наблюдавшихся по меньшей мере четыре года после начала заболевания, считаются выздоровевшими, т.е. имеют массу тела не ниже чем на 15% от идеальной, четвертая часть остаются тяжело

больными и еще 5% становятся жертвами заболевания и умирают. Сообщается о высоком уровне смертности, достигающем 20% у взрослых с хроническим течением нервной анорексии.

Многолетние исследования проблемы нервной анорексии позволили выделить ряд этиологических факторов, подробно описать клинические проявления болезни, а также обозначить методы лечения и реабилитации больных. Несмотря на это, по-прежнему остро стоит проблема ранней диагностики, так как лечение уже развившейся нервной анорексии не приводит к желаемым результатам.

Имеющиеся литературные данные указывают на специфические личностные особенности девушек, склонных к нервной анорексии. К наиболее распространенным из них относятся: искаженное представление о собственном телесном образе, перфекционизм, целеустремленность, требовательность, чрезмерная сензитивность, черты шизоидной личности (аутистические установки, социальная изоляция), истерические (эгоцентризм, высокая самооценка, завышенный уровень притязаний) или психастенические черты характера (тревожность, неуверенность, застенчивость, склонность к сомнениям); эпилептоидные черты характера (подчеркнутая аккуратность, педантизм); амбивалентный конфликт близости/дистанции с матерью (стремление к близости с матерью и ее опасение), инфантильное поведение в сочетании со зрелостью мышления.

Цель данного исследования – выявление личностных особенностей девушек, способствующих развитию нервной анорексии. Знание этих особенностей (а значит и факторов риска) приведет к своевременному проведению коррекционной и профилактической работы, способствуя снижению и предупреждению распространения данного заболевания, что обуславливает практическую значимость нашего исследования.

В эмпирическом исследовании использовались 3 методики:

1) Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ). Первые 10 утверждений опросника предназначены для выявления ограничительного пищевого поведения, которое характеризуется преднамеренными усилиями, направленными на достижение или поддержание желаемого веса посредством самоограничения в питании. Следующие 13 вопросов (11–23) представляют шкалу эмоциогенного пищевого поведения, при котором желание поесть возникает в ответ на негативные эмоциональные состояния. Остальные 10 вопросов (24–33) касаются экстерналичного пищевого поведения, при котором желание поесть стимулирует не реальное чувство голода, а внешний вид еды, ее запах, текстура либо вид других людей, принимающих пищу. Средние показатели ограничительного, эмоциогенного и экстерналичного пищевого поведения составляют 2,4; 1,8 и 2,7 балла соответственно.

2) Патохарактерологический диагностический опросник (А.Е. Личко) предназначен для определения типов акцентуации характера и типов психопатий, а также сопряженных с ними некоторых личностных особенностей (психологической склонности к алкоголизации, делинквентности и др.). С помощью методики можно диагностировать следующие типы акцентуации: Г – гипертимный, Ц – циклоидный, Л – лабильный, А – астено-невротический, С – сенситивный, П – психастенический, Ш – шизоидный, Э – эпилептоидный, И – истероидный, Н – неустойчивый, К – конформный.

3) Шкала удовлетворенности собственным телом О.А. Скугаревского. Методика позволяет оценить степень удовлетворенности / неудовлетворенности отдельными сегментами своего тела, а также суммарный балл для оценки анализируемой переменной в отношении частей тела («голова», «туловище», «конечности»). Испытуемому необходимо оценить следующие части своего тела: лицо, глаза, нос, уши, зубы, челюсть, шея, грудная клетка, грудь, спина, живот, руки (плечо и предплечье), кисть, ягодицы, таз, бедро, колени, нога (бедро и голень), ступня, кожа, волосы, рост.

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 девушек в возрасте 18–22 лет из числа учащихся УО «Брестский государственный медицинский колледж». Участие в исследовании было добровольным и анонимным. С помощью голландского опросника пищевого поведения мы разделили испытуемых по типу пищевого поведения на две группы: девушки, использующие ограничительный тип поведения, набравшие более 2,4 баллов по первому разделу опросника (склонные к нервной анорексии, группа А), и девушки с «нормальным» пищевым поведением, результаты которых не превысили средних баллов (контрольная группа, или группа Б). Количество девушек в первой группе составило 20 человек, во второй – 21.

В дальнейшем исследовании личностных особенностей приняли участие две группы А и Б, где мы использовали патохарактерологический диагностический опросник А.Е. Личко. Данная методика позволила выявить преобладающие типы акцентуации характера в обеих группах. Так, в группе А преобладали шизоидный, психастенический, эпилептоидный и истероидный типы, а в группе Б – гипертимный, психастенический, лабильный и сенситивный типы. Для оценки достоверности выявленных различий был использован критерий углового преобразования Фишера. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что истероидный, шизоидный и эпилептоидный типы акцентуации характера наиболее типичны для девушек со склонностью к нервной анорексии.

Далее испытуемые заполнили шкалу оценки удовлетворенности образом собственного тела. Оценка результатов данной методики показала, что девушки группы А имеют более высокий уровень неудовлетворенности как

образом тела в общем, так и отдельными его частями, чем девушки группы Б. Особенно низко они оценивают живот, руки, ягодицы, бедра, таз. Достоверность различий оценивалась при помощи коэффициента Стьюдента. Оценка степени неудовлетворенности образом собственного тела показала достоверно больший ($p \leq 0,05$) уровень неудовлетворенности у девушек, склонных к нервной анорексии (средний балл 3,4), по сравнению с девушками контрольной группы (средний балл 1,04).

Полученные в ходе эмпирического исследования данные позволили выявить следующие личностные особенности девушек, склонных к нервной анорексии: шизоидный, эпилептипоидный, истероидный типы акцентуации характера, более низкий уровень удовлетворенности собственным телом. Можно сделать вывод о важности выявления специфических личностных особенностей, способствующих развитию нервной анорексии. Это позволит на ранних этапах начать профилактическую работу с лицами из группы риска и, вероятно, предотвратить развитие заболевания в будущем.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Т.А. Ананьева (Научный руководитель И.А. Новикова)
Москва, РУДН, Россия

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ГВИНЕЙСКИХ ЮНОШЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГВИНЕЕ И В РОССИИ

Термин «гендер» получил широкое распространение в 70-е годы XX века (Бендас, 2006). Это понятие обозначает социально-биологическую категорию, в отличие от понятия «пол», которое является биологической характеристикой.

Понятие социального стереотипа было введено американским социальным психологом У. Липпманом в 1922 году в работе «Общественное мнение» (Липпман, 2004). Он считал, что стереотипы – продукт общества, который значительно упрощает жизнь в нём. Он утверждал, что благодаря стереотипам можно объяснить поведение людей.

Таким образом, гендерный стереотип – это обобщённые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, сформировавшиеся в культуре (Меренков, 2001).

Очевидно, что гендерные стереотипы отличаются у представителей различных культур, что показано во многих кросскультурных исследованиях (Мацумото, 2003). Гораздо менее изученным является вопрос об изменении стереотипов вообще и гендерных стереотипов в частности при

длительном контакте с другой культурой. Так, например, И.А. Новиковой и Муссие Гифти Аммануэл были выявлены различия этнических стереотипов эфиопских студентов, обучающихся в Эфиопии и в России (Новикова, Муссие Гифти Аммануэл, 2008). Логично предположить, что при обучении и проживании в другой стране могут меняться не только этнические стереотипы, но, возможно, и гендерные. Для проверки данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование.

Целью данного исследования являлось выявление и сравнение основных гендерных стереотипов гвинейских юношей, обучающихся в Гвинее и в России. *Гипотеза* состояла в том, что юноши, проживающие в Гвинее, склонны к большей стереотипизации полов, чем юноши, обучающиеся в России из-за того, что Гвинея является более «традиционной» страной.

В исследовании участвовали 50 гвинейских студентов мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет. 25 представителей – студенты из Гвинеи (город Фрия), а 25 юношей – студенты РУДН и МИИТ, проживающие на территории России 2–4 года. Для выявления стереотипов использовалась методика «Семантический дифференциал» (СД), включающая следующие шкалы: «логичность – интуитивность мышления», «абстрактность – конкретность мышления», «стремление к власти – подчинение», «коллективность – независимость», «сила воли – слабость воли», «пассивность – активность», «сдержанность – эмоциональность», «постоянство – непостоянство», «неверность – верность», «консерватизм – стремление ко всему новому», «упрямство – уступчивость», «боязнь старости – нет боязни старости», «грубость – чувствительность», «легкомысленность – серьезность и сосредоточенность».

Первая характеристика является типично мужской, в то время как вторая является типично женской. Бланк теста был переведён на французский язык. Молодым людям предлагалось оценить по данным шкалам «типичную» женщину и «типичного» мужчину. При обработке оценки переводились в 7-балльную шкалу, причём, чем выше результат, тем он больше свидетельствует о проявлении маскулинности. Средние результаты по двум группам гвинейских юношей представлены в таблице.

Таблица № 1 – Средние оценки, полученные по методике СД, в группе гвинейских юношей, проживающих в Гвинее и в России

Шкалы СД	Типичная женщина		Типичный мужчина	
	Гвинея	Россия	Гвинея	Россия
Логичность – интуитивность мышления	5.1	3.48	6.4	5.72
Конкретность – абстрактность мышления	6.3	3.96	6.5	4.68

Стремление к власти – подчинение	3.4	4.24	4.3	5.36
Независимость – коллективность	3.5	1.28	3.5	3.76
Сила воли – слабость	5.3	3.8	5.5	6.64
Активность – пассивность	5.8	3.72	6.2	5.24
Сдержанность – эмоциональность	4.5	3.24	5.5	3.4
Непостоянство – постоянство	3.1	4.28	3.7	2.24
Неверность – верность	3.4	4.8	2.5	2.72
Стремление к новому – консерватизм	5.7	4.44	5.7	4.08
Упрямость – уступчивость	3.1	4.44	2.8	4.28
Нет боязни старости – боязнь старости	2.5	2.64	3.7	4.12
Грубость – чувствительность	1.8	4.0	3.0	4.5
Серьезность, сосредоточенность – легкомысленность	5.4	3.6	6.3	4.8

Как следует из таблицы, «типичной» женщине гвинейские юноши, обучающиеся в Гвинее, приписывают такие типично женские черты, как чувствительность, боязнь старости, постоянство и уступчивость и такие мужские черты, как конкретность мышления, активность и стремление к новому. «Типичного» мужчину гвинейские юноши, обучающиеся в Гвинее, награждают такими мужскими характеристиками, как логичность, серьезность, активность. В то же время они приписывают мужчинам типичные женские черты: верность, уступчивость, чувствительность.

«Типичной» женщине гвинейские юноши, обучающиеся в Москве, приписывают такие типично женские черты, как коллективность, боязнь старости, эмоциональность и такие мужские черты, как стремление к новому, упрямство, непостоянство и стремление к власти. «Типичный» мужчина в их представлении обладает такими характеристиками, как логичность, стремление к власти, сила воли, активность. Гвинейские юноши приписывают мужчинам типичные женские черты: коллективность, постоянство и верность.

Из результатов исследования следует, что гвинейским юношам в целом свойственна стереотипизация обоих полов.

Сравнивая данные, полученные у гвинейских юношей, проживающих в Гвинее и России, видно, что при описании «типичной» женщины гвинейские юноши, проживающее в Гвинее, достаточно часто приписывают женщинам «стереотипно» мужские черты. В оценке «типичного» мужчины студенты часто расходятся во мнениях, но нельзя сделать вывод о том, кто из них приписывает больше стереотипов мужскому полу. В связи с этим встает вопрос о том, совпадают ли стереотипы женского и мужского в европейской (в рамках которой разработана использованная нами методика) и гвинейской культурах. Для ответа на этот вопрос нами будет проведено специальное исследование с использованием ассоциативного метода.

Другой перспективой данного исследования является выявление стереотипов гвинейских девушек и их сравнение с результатами гвинейских юношей как обучающихся на Родине, так и в России. В дальнейшем мы планируем увеличение выборки и применение методов математической статистики для анализа данных.

О.А. Байгужинова (*Научный руководитель О.А. Белобрыкина*)
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

РОЛЬ РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВКЛАД Н.Я. ГРОТА

В настоящее время в области государственной политики подчёркивается приоритетность духовного воспитания подрастающего поколения. Особую значимость в этом процессе приобретает принцип гуманизма, провозглашаемый как нравственная ценность, основанная на психологических законах общения человека. Гуманизм проявляется во всех сферах человеческой жизни: от повседневного общения в быту до социальных процессов как внутри страны, так и на уровне межгосударственного взаимодействия, и определяет степень духовно-нравственного здоровья не только отдельного человека, но и всего общества. В мировой науке накоплен большой опыт теоретического осмысления идеи нравственного развития личности и попытки реализовать её на практике. В частности, предпосылки теоретического обоснования психологической природы и содержания нравственности личности мы обнаруживаем в работах Николая Яковлевича Грота (1852–1899) – талантливого русского учёного второй половины XIX века, труды которого являются бесценным наследием для российской психологической науки. Н.Я. Грот оставил потомкам целый ряд интересных научных гипотез, не получивших своего дальнейшего развития в силу объективных общественно-исторических причин.

Цель нашего исследования заключается в выявлении концептуальных идей Н.Я. Грота и их влияния на становление современной психологической науки. Основными методами достижения цели и получения научных результатов выступают: 1) метод теоретического анализа научного наследия Н.Я. Грота; 2) архивно-биографический метод, предполагающий работу с научными публикациями Н.Я. Грота, письмами, биографическими материалами и воспоминаниями очевидцев об учёном; 3) метод сравнительно-сопоставительного анализа научных позиций Н.Я. Грота и концептуальных положений проблемы нравственности, представленных в работах Ф. Ницше и Л.Н. Толстого.

Осмысление значимости работ ученого, его вклада в преемственность идей и традиций российской школы психологии сегодня актуально и востребовано как никогда ранее. Это обусловлено в первую очередь тем, что в настоящее время, как и в период расцвета научного творчества Н.Я. Грота, все культурное человечество подвержено трансформации, связанной с коренным изменением мирозерцания, с кардинальной перестройкой нравственных идеалов. Так, в статье «Нравственные идеалы нашего времени» автор анализирует две противоположные мировоззренческие системы: защитника языческого мирозерцания Ф.Ницше и приверженца нравственных идеалов христианства Л.Н. Толстого. Критикуя позицию Ф.Ницше за идею реанимации принципов языческой культуры, в которой происходит отрицание права общества воздействовать на личность, ученый отмечает, что это – «западный» путь развития. У Л.Н. Толстого, полагает учёный, зло заключается в игнорировании нравственного закона. Согласно идее Льва Толстого, создание гармоничности мироустройства и жизни человека непосредственным образом связано с развитием христианской совести, формированием у человека способности к самоотречению, а также любви к ближнему. Сравнивая христианское и языческое мировоззрение, Н.Я. Грот делает вывод об огромном влиянии язычества на науку, на основы современной культуры и нравственного прогресса человечества. Однако превосходство нравственного мирозерцания христианства для учёного столь очевидно, что отказ от него оценивается им как равносильный самоубийству. Поэтому главную задачу общества он видит в том, чтобы не разрушать все исторические формы духовного бытия человечества, а стараться наполнить их новым содержанием, придать им иной общественный статус. Задача, которую Н.Я. Грот как учёный ставит перед собой, – это поиск подлинного нравственного идеала, а её решение он видит «в социальном примирении внешнего и внутреннего, материального и духовного, в переработке всего этого в новое, цельное мировосприятие, теоретическое и практическое».

С первых дней своей профессиональной деятельности он отстаивал и научные позиции психологии как самостоятельной отрасли научных знаний. Причем сам учёный был активным сторонником практического использования психологии, её связи с педагогикой, медициной и юриспруденцией. Особо ценны его рассуждения о сущности психологической профессии. Прежде всего, полагал он, психолог должен оставаться психологом. Психология, по его утверждению, является наукой о сознании, индивидуальной психике, её субъекте, деятельности, психической эволюции, надорганических явлениях природы, познаваемых экстраспективным и интроспективным методами. Поэтому она не может ограничивать свой предмет «психическими явлениями» и их физиологическими механизмами.

Психология должна выявлять и изучать их сущность. Стремление к новым высотам в российском образовании, желание не только обучать, но и оказывать нравственное влияние на слушателей, формируя у них новые ценности и ориентиры, полностью соответствовали собственным мотивам и личностным качествам Н.Я. Грота. Это нашло отражение в его отношениях со студентами, в его деятельности на посту председателя Московского психологического общества и в работе журнала «Вопросы философии и психологии», инициатором, создателем и первым редактором которого выступил именно Н.Я. Грот. Журнал начал выходить в свет в конце 1889 года и просуществовал до 1918 года, став самым массовым философско-психологическим изданием в стране.

Подводя краткий итог, отметим, что осуществляя теоретический анализ психологической природы нравственности, ученый искал ответы на вопросы, которые продолжают волновать человечество и сегодня. Именно нравственный аспект развития личности делает чрезвычайно востребованными труды учёного в современной психологии, в том числе применительно к новым социокультурным условиям.

Эжени Коянго (Научный руководитель О.В. Маслова)

Москва, РУДН, Россия, Банги, Центральная Африканская республика

ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ

Любовь – это одно из понятий, определение которого вызывает множество затруднений у исследователей, начиная с психоанализа, до современной социальной психологии. Психологическая сущность данного феномена не раскрыта до настоящего времени. Любовь – самое красивое, что существует на этом свете.

Однако в психологии феномен любви долгие годы оставался за рамками исследовательской проблематики, лишь изредка оказываясь предметом специального внимания ученых. По негласно установившейся традиции наука уклонялась от его изучения, отдав его на рассмотрение поэтам и писателям.

Целью нашего исследования было кросскультурное изучение представлений о любви и выявление межкультурных различий в представлениях о любви представителей Центральной Африканской республики и России. Мы предположили, что эти различия существуют наряду с общими для всех респондентов представлениями.

В качестве инструментов изучения представлений о любви была применена методика «Классические представления о любви: принятие и

дистанцирование», разработанная И.А. Джидарьян и О.В. Масловой, и ассоциативный эксперимент. Методика включала высказывания о любви известных мыслителей, писателей, поэтов, деятелей культуры различных времен и народов (О. Бальзак, Ж. Руссо, Л. Толстой, Ш. Руставели, А. Шопенгауэр, Г. Гейне, Вольтер, Мольер, Э. Фромм, М. Цветаева, С. Моэм, У. Шекспир, Л. Толстой, А. де Сент-Экзюпери и др.). Респондентам предлагалось оценить степень согласия с ними по 5-балльной шкале: от 0 до 4 баллов. Ответ «полностью согласен» оценивался 4 баллами, а ответ «полностью не согласен» – 0. Нас интересовало, насколько близки эти классические высказывания о любви взглядам наших современников, представителям разных культур. В исследовании приняло участие 100 человек: 50 представителей Центральной Африканской республики и 50 представителей российской культуры. В каждой группе было 25 женщин и 25 мужчин. Все респонденты – работающие в различных сферах люди, с высшим или средним образованием. Возраст испытуемых в первой группе – от 21 до 60 лет, во второй группе – от 20 до 54 лет. Средний возраст респондентов обеих групп составил 34 года.

Для достижения поставленной цели нами были поставлены и решены следующие задачи:

1. Адаптировать методику для целей исследования (перевести на французский язык).
2. Провести эмпирическое исследование представлений о любви представителей центрафриканской культуры.
3. Провести эмпирическое исследование представлений о любви представителей русской культуры.
4. Сравнить полученные результаты с помощью статистических методов и выявить различия в представлениях о любви.

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что представления о любви представителей Центральной Африканской республики и России содержат как общие моменты, так и различия. Из 26 предложенных классических высказываний о любви и центрафриканцы, и россияне в наибольшей степени согласны с тем, что «Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного», и что «Любовь – это не когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят в одном направлении». Также большинство респондентов обеих групп в наибольшей степени согласилось с тем, что «Где любовь – там и Бог» и с тем, что «Любовь – желание сделать счастливым другого». Они также согласились с тем, что «Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом».

Также представители обеих культур не согласились (дистанцировались) с тем, что «Любовь – помеха в жизни» и «Любовь – всего-навсего

скверная шутка, которую природа шутит с людьми, чтобы добиться продолжения рода». Большую степень дистанцирования вызвали также высказывания: «Вся прелесть любви в переменах» и «Любовь – это все дары – все в костер, и всегда – задаром».

Однако были выявлены и значимые различия. Центрафриканцы чаще, чем россияне, связывают любовь с Богом. Они в большей степени, чем русские, соглашались с тем, что «где любовь – там и Бог». Это высказывание занимает первое место по степени их согласия. Тогда как у представителей российской культуры лидирует по степени согласия высказывание «Любовь – желание сделать счастливым другого». Это различие мы объясняем большей религиозностью респондентов из Центральной Африканской республики.

Многие утверждения о любви («Любовь – это не когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят в одном направлении, «Любовь способна низкое прощать и в доблести пороки превращать», «Любить – значит жить жизнью того, кого любишь», «Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого») получили у центрафриканцев статистически значимо более высокую степень согласия, по сравнению с россиянами. Т.е. центрафриканцы более эмоционально соглашались с этими утверждениями, чем россияне.

Также более сильно (эмоционально) центрафриканцы выразили свое несогласие (дистанцировались) от высказываний «Любовь – большая помеха в жизни», «Любовь – всего-навсего скверная шутка, которую природа шутит с людьми, чтобы добиться продолжения рода», «Любовь – это все дары – все в костёр, и всегда – задаром», «Любовь – игра, в которой всегда плутуют», «Любовь – торжество воображения над разумом».

Отметим некоторые, особенно важные, на наш взгляд, различия. Россияне дистанцировались от высказывания «Любить – значит жить жизнью того, кого любишь». Оно у них заняло 22 место. В то время как у центрафриканцев оно стоит на 4 месте по степени принятия. Другое значимое различие касается выражения «Любовь – торжество воображения над разумом», которое вызывает категоричное несогласие у центрафриканцев, а у россиян находится на 8 месте.

Интересные данные были получены с помощью ассоциативного эксперимента. Они также подтвердили нашу гипотезу о том, что представления о любви представителей Центральной Африканской республики и России содержат как общие моменты, так и различия.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

<i>Ануфрикова Н.С.</i> (Научный руководитель <i>Е.И. Медведская</i>) Взаимосвязь профессиональных самоотношения и деформации сотрудников правоохранительных органов.....	3
<i>Борисюк А.С.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Саморегуляция подростками своего поведения в конфликтном взаимодействии с родителями.....	6
<i>Шостик И.А.</i> (Научный руководитель <i>Е.И. Медведская</i>) Проявления товарного фетишизма у молодых людей с разными типами направленности личности.....	11
<i>Яскович Е.М.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Конфликтные отношения в молодых семьях, имеющих и не имеющих детей.....	14

Секция № 1 Психологические проблемы развития детей дошкольного и младшего школьного возраста

<i>Иванов И.Н., Константинов С.В.</i> (Научный руководитель <i>А.О. Орлов</i>) Экспериментальное исследование устойчивости репрезентации у детей четвертого года жизни.....	17
<i>Карпук Е.В.</i> (Научный руководитель <i>Г.Н. Казаручик</i>) Особенности нравственного воспитания детей младшего школьного возраста из неблагополучных семей	20
<i>Климук М.Г.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Развитие замысла в изобразительной деятельности в дошкольном возрасте.....	23
<i>Мамонова И.В.</i> (Научный руководитель <i>Н.Ю. Шлат</i>) Психолого-педагогические условия формирования чувства комического у детей старшего дошкольного возраста.....	25
<i>Олиферчик Е.К.</i> (Научный руководитель <i>Н.Н. Чайчиц</i>) Особенности учебной мотивации детей младшего школьного возраста.....	28
<i>Санелюк В.</i> (Науковий керівник <i>Д.Т. Гошовська</i>) Аналіз впливу дитячо-батьківських відносин на тривожність дітей молодшого шкільного віку.....	30
<i>Турчина А.А.</i> (Научный руководитель <i>Н.Ю. Шлат</i>) Ложь в младшем школьном возрасте.....	33
<i>Шивилько А.П.</i> (Научный руководитель <i>Е.И. Медведская</i>) Особенности межличностных отношений у воспитанников учреждений интернатного типа.....	36

Секция № 2 Проблемы развития личности в подростковом и юношеском возрасте

<i>Волосюк М.С.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Специфика самосознания неуверенного подростка.....	39
<i>Дымар М.А.</i> (Научный руководитель <i>Г.Н. Казаручик</i>) К вопросу формирования социальной компетентности у подростков с девиантным поведением.....	42
<i>Ковалёва О.В.</i> (Научный руководитель <i>А.А. Стреленко</i>) Психологические особенности защитных механизмов юношей и девушек выпускных классов.....	45
<i>Ковальчук Н.И.</i> (Научный руководитель <i>А.В. Сацук</i>) Психологические проблемы построения близких отношений между старшими школьниками.....	48
<i>Луциц Е.В.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Особенности мотивов общения подростков со сверстниками.....	51
<i>Полюхович Ю.В.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Особенности самооценки успевающих и неуспевающих подростков.....	54

<i>Сашко Т.Г.</i> (Научный руководитель <i>Е.И. Медведская</i>) Представления студентов-психологов о способах познания.....	57
<i>Щур С.Н.</i> (Научный руководитель <i>Н.Н. Чайчиц</i>) Психологические особенности подростков, испытывающих одиночество.....	60

Секция № 3 Психология семейных отношений

<i>Абрамчук О.В.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Психологическая готовность к материнству у девушек разного возраста.....	63
<i>Евдокименко Т.А.</i> (Научный руководитель <i>А.В. Сацук</i>) Отношение со стороны учителей и сверстников к детям, чьи родители находятся в гражданском браке.....	66
<i>Мельничук А.Н.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Родительская компетентность у супругов, воспитывающих девочек-подростков.....	69
<i>Никитенко Е.В.</i> (Научный руководитель <i>С.Л. Яцук</i>) Особенности психологической готовности к браку в юношеском возрасте.....	72
<i>Подшиблова А.В.</i> (Научный руководитель <i>А.В. Сацук</i>) Особенности психологической близости между супругами в семьях с различным стажем супружеской жизни.....	75
<i>Преснякова С.А.</i> (Научный руководитель <i>Е.Л. Малиновский</i>) Метакоммуникация обратной связи в моделировании семейных взаимоотношений.....	78
<i>Стреж М.В.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Особенности эмансипации от родителей в юношеском возрасте.....	80
<i>Ярошук І.М.</i> (Науковий керівник <i>Д.Т. Гошовська</i>) Теоретико-емпіричний аналіз впливу сімейних конфліктів на формування особистості підлітків.....	83

Секция № 4 Актуальные проблемы практической и педагогической психологии

<i>Васюта В.В.</i> (Научный руководитель <i>Е.Д. Мишина</i>) Начальный уровень готовности студентов-медиков к профессиональной деятельности.....	85
<i>Голубцова О.В.</i> (Научный руководитель <i>Э.В. Котлярова</i>) Особенности адаптации иностранных студентов к обучению в вузе.....	88
<i>Горох Т.В.</i> (Научный руководитель <i>Е.А. Бай</i>) Особенности проявления эмпатии у медицинских сестер терапевтического профиля.....	90
<i>Евстратов П.Г.</i> (Научный руководитель <i>С.Л. Яцук</i>) Особенности системы жизненных смыслов профессиональных музыкантов и музыкантов-любителей.....	93
<i>Колосовская О.О.</i> (Научный руководитель <i>С.Л. Яцук</i>) Особенности самоактуализации личности педагога.....	96
<i>Корнеева Е.А.</i> (Научный руководитель <i>С.Л. Яцук</i>) Социально-психологическая адаптация пожилых людей в группе взаимопомощи.....	99
<i>Кушпетюк О.И.</i> (Научный руководитель <i>А.В. Сацук</i>) Различия в подверженности стрессам у одиноких пожилых мужчин и женщин.....	101
<i>Лебедева С.С.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Особенности адаптации юношей к обучению в профессионально-техническом лицее.....	103
<i>Нестерак А.В.</i> (Научный руководитель <i>Д.П. Власюк</i>) Связь показателей интеллекта и учебной деятельности со скоростью переработки информации.....	106
<i>Осочук И.В.</i> (Научный руководитель <i>В.Ю. Москалюк</i>) Исследование психологического благополучия учащихся профессионального лицея, проживающих в общежитии.....	109

<i>Пастушенко А.А. (Научный руководитель Н.Н. Чайчиц)</i> Компьютерная зависимость у подростков с разным уровнем успеваемости.....	112
<i>Потапова Д.Г. (Научный руководитель Е.А. Гузюк)</i> Особенности социально-психологической адаптации девушек-выпускниц интернатных учреждений.....	115
<i>Рык А.И. (Научный руководитель А.А. Стреленко)</i> Личностно-ориентированная модель взаимодействия в диаде «учитель–ученик» как условие психологической безопасности образовательной среды.....	118
<i>Сливко Т.А. (Научный руководитель А.В. Сацук)</i> Особенности временной самоорганизации подростков, занимающихся спортом.....	120
<i>Тхир К.В. (Научный руководитель Н.Ю. Шлат)</i> К вопросу адаптации детей с задержкой психического развития в условиях школы.....	123

Секция № 5 Актуальные проблемы социальной психологии

<i>Веремчук Ю.С. (Научный руководитель С.Л. Яцук)</i> Ценностные ориентации у потребителей разных возрастных групп.....	126
<i>Волчек Р.Н. (Научный руководитель Л.Л. Кубанская)</i> Когнитивные схемы в эмоциональной оценке однокурсников.....	129
<i>Гридунова М.В. (Научный руководитель И.А. Новикова)</i> Родительские директивы как форма стереотипных представлений.....	132
<i>Кишкевич Х.А. (Научный руководитель С.Л. Яцук)</i> Представления о лидерских качествах у студентов юридических специальностей: гендерный аспект.....	134
<i>Малашкевич Ю.В. (Научный руководитель Л.Л. Кубанская)</i> Гендерные стереотипы студентов при восприятии преподавателей.....	137
<i>Неленко Т.А., Неленко О.А. (Научный руководитель О.О. Чабурко)</i> Отношение молодежи к несовершеннолетним одиноким матерям.....	139
<i>Парецкая А.М. (Научный руководитель О.В. Маслова)</i> Трансформация предельных смыслов студентов.....	142
<i>Пропушняк А.Ю. (Научный руководитель В.Ю. Москалюк)</i> Содержание гендерных представлений о качествах мужчин и женщин у учащихся старших классов.....	145
<i>Слабодчикова Т.Г. (Научный руководитель Е.С. Коверец)</i> Взаимосвязь типа темперамента и выбора стратегии поведения в конфликтной ситуации.....	148
<i>Сорока М.А. (Научный руководитель С.Л. Яцук)</i> Влияние рекламы на жизненные ценности молодежи.....	151
<i>Торчило М.Н. (Научный руководитель Ю.Л. Кузмицкая)</i> Реализация ценностных ориентаций в межличностных отношениях.....	154
<i>Цьось Ю.А. (Науковий керівник Л.Я. Малімон)</i> Вплив особистісних характеристик керівника на соціально-психологічний клімат колективу.....	156
<i>Чміль Н.С. (Научный руководитель Л.В. Засккіна)</i> Особливості взаємозв'язку соціального мислення і комунікативної компетентності.....	160

Секция № 6 Медико-психологическая помощь детям и взрослым

<i>Будовец Е.В. (Научный руководитель Е.Е. Марченко)</i> Социально-психологические проблемы подготовки волонтеров для работы с людьми, имеющими особенности психофизического развития.....	163
<i>Демчук А.В. (Научный руководитель Д.Э. Синюк)</i> Профилактика компьютерной зависимости у подростков с разным уровнем успеваемости.....	166

<i>Есманович О.В.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Психологические основы стимулирования когнитивных функций пожилых людей.....	169
<i>Козут О.А.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Характеристика эмоциональной сферы больных, перенесших инфаркт миокарда.....	172
<i>Лазарук С.В.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Психологическая характеристика семей, воспитывающих детей с ДЦП.....	175
<i>Малицкая Ю.С.</i> (Научный руководитель <i>Т.В. Васильева</i>) Психологические особенности взрослых людей, больных сахарным диабетом.....	178
<i>Мирчук Е.В.</i> (Научный руководитель <i>И.В. Шматкова</i>) Особенности эмоционального выгорания у врачей, работающих в районной поликлинике.....	181
<i>Молчан И.С.</i> (Научный руководитель <i>И.Л. Лукашкова</i>) Определение потребности и содержания услуг персональной помощи для лиц с ограниченными возможностями.....	184
<i>Оксенюк О.Н.</i> (Научный руководитель <i>Е.А. Гузюк</i>) Психологические особенности постинсультных больных.....	186
<i>Павлюковец О.В.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Формирование эмоционального благополучия у подростков, воспитывающихся в школе-интернате....	188
<i>Пукало О.А.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Личностные особенности взрослых пациентов стационара, получивших тяжелые травмы.....	191
<i>Растрьгина И.Л.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Социально-психологическая помощь психосоматическим больным в условиях поликлиники.....	194
<i>Сахарчук Т.Ю.</i> (Научный руководитель <i>Д.Э. Синюк</i>) Социально-психологическая поддержка безработных женщин, столкнувшихся с дискриминацией.....	197
<i>Сербун И.С.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Внутренняя картина болезни людей разного возраста с гастроэнтерологической патологией.....	200
<i>Скапровская А.В.</i> (Научный руководитель <i>А.А. Стреленко</i>) Психологическая профилактика суицидального поведения подростков.....	204
<i>Струнец Е.П., Пукач А.А.</i> (Научный руководитель <i>И.Е. Валитова</i>) Личностные особенности девушек, склонных к нервной анорексии.....	207

Стеновые доклады

<i>Ананьева Т.А.</i> (Научный руководитель <i>И.А. Новикова</i>) Специфика гендерных стереотипов гвинейских юношей, проживающих в Гвинее и в России.....	210
<i>Байгужинова О.А.</i> (Научный руководитель <i>О.А. Белобрыкина</i>) Роль русской психологии в духовной культуре современного общества: вклад Н.Я. Грота.....	213
<i>Кояннго Эжени</i> (Научный руководитель <i>О.В. Маслова</i>) Опыт кросскультурного исследования представлений о любви.....	215

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Сборник материалов конференции

Издатель: учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.